

Т 52 (251)

Б 129

1344940

В.Д. Бабуева

**Материальная
и духовная
культура бурят**

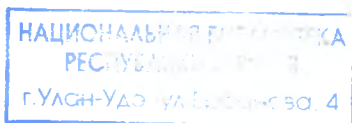
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
КОМИТЕТ ОБРАЗОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ АГИНСКОГО
БУРЯТСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

В.Д. Бабуева

Материальная и духовная культура бурят

Допущено

*Министерством образования Российской Федерации,
Министерством образования и науки Республики Бурятия,
Комитетом образования Администрации Агинского Бурятского
автономного округа
в качестве учебного пособия для школьников и студентов*

1344940

Улан-Удэ
2004

УДК 82
ББК 63.5(2)
Б 129

Научный редактор
С.Ш. Чагдуров, доктор филол. наук, профессор

Рецензенты:

Отдел истории, этнологии и социологии Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Д.Д. Нимаев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ИМБИТ СО РАН

Бабуева В.Д.

Б 129 Материальная и духовная культура бурят. Учебное пособие. –
Улан-Удэ, 2004. – 228 с., ил.

В учебное пособие, адресованное школьникам, студентам и преподавателям, включены наиболее значимые темы по материальной и духовной культуре бурят. Содержание книги не только познавательно-просветительного характера, но и культурологического осмысления своих истоков, корней. Структура и подбор тем в пособии позволяет преподавателю моделировать курс согласно объему учебного времени и степени подготовленности аудитории. По каждой теме предлагаются планы семинарских и практических занятий, в конце дана библиография.

Книга может представлять интерес также для специалистов в области этнологии, культурологии, культурной и социальной антропологии, музейных и клубных работников.

ISBN 5-9900231-1-1

ББК 63.5 (2)

© Бабуева В.Д., 2004
© Центр сохранения и развития
культурного наследия Бурятии, 2004

От автора

*Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.*
Н. Заболоцкий (1903–1958)

Работая заведующей музеем Бурятского государственного академического театра драмы им. Х. Намсараева, обучая студентов в Бурятском республиканском училище культуры и искусства, я почти ежедневно сталкиваюсь с проблемами, связанными с материальной и духовной культурой народа.

За двадцать лет работы в Краеведческом музее им. М.Н. Хангалова, затем в Объединении музеев Бурятии, вместе со своими коллегами занималась сбором материалов по республике, в Усть-Ордынском и Агинском округах, готовила выставки и экскурсии, многое записывала непосредственно у носителей народной культуры. Занималась научной обработкой богатейших фондов музея, требующей скрупулезной работы в библиотеках и архивах. За эти годы накопился значительный материал, который требовал систематизации, обобщения и логического завершения. Немаловажным толчком для осуществления этой идеи явилась работа в театре, который, по сути, является огромной трибуной для просвещения и пропаганды духовных ценностей народа.

Изучением столь сложной и объемной темы, как материальная и духовная культура бурят занимается не одно поколение ученых и исследователей. Здесь много общеизвестного, ведь издано множество книг, разной литературы. Тем не менее я попыталась внести свою посильную лепту в это благородное дело, как мудро гласит народная пословица, «и капля, упавшая в море, усиливает его мощь».

Да пусть штормит это море – море прошлых традиций, возрождающихся сегодня и являющихся фундаментом национального самосохранения, национального сознания.

Если сегодня активен процесс возрождения, то завтра, в будущем, эти традиции станут достоянием наших потомков и в этом – главная наша цель.

До сих пор являются моими настольными книгами труды М.Н. Хангалова, Д.Н.С. Дугарова, К.М. Герасимовой, С. Ш. Чагдурова, Т.М. Михайлова, И.И. Соктовой, К.Д. Басаевой, Р.Д. Бадмаевой, Г.Р. Галдановой, А.В. Тумахани, Л.Л. Линховоина.

Источником знаний, эталоном, образцом для стремлений в научных поисках являются труды Натальи Львовны Жуковской.

Также учусь, черпая знания из трудов не упомянутых здесь авторов. Многие из трудов по данной тематике недоступны школьникам, студентам, широкому кругу читателей, ибо они стали библиографической редкостью из-за давности издания или малых тиражей и хранятся лишь в библиотеках и архивах.

В мою книгу включены 14 разделов по этнографическим исследованиям, они обобщены, дополнены полевыми материалами автора.

Если при знакомстве с книгой кто-то из юных читателей вспомнит мудрые советы и наставления старших, а старшее поколение – свои детские годы, когда национальные традиции были обязательным атрибутом жизни, я буду считать, что нахожусь на верной стезе.

В этой работе я не придерживалась строгого научного стиля. По опыту преподавания я знаю, насколько легче воспринимаются материалы, изложенные общедоступным языком.

Свои слова благодарности обращаю к моим учителям, близким и родственникам, друзьям, коллегам и ученикам, чьи терпение, доброжелательность и искренность всегда помогали и нацеливали на серьезный и кропотливый труд.

Работу эту я продолжу. И потому, уважаемые читатели, с благодарностью приму ваши пожелания и отзывы.

Введение

Когда исчезает из глаз тропа, по которой мы шли, прежде всего, мы оглядываемся назад, чтобы по направлению пройденного угадать, куда идти дальше. Двигаясь ощупью в потемках, мы видим перед собой полоску света, падающую на наш дальнейший путь – это история с уроками и опытами, которые она отбирает у убегающего от нас прошедшего.

В.И. Ключевский

XX век с его темпом жизни изменил мир самым принципиальным образом. Во многих регионах России произошли социальные революции, разрушившие традиционный уклад и вековые устои жизни.

У всех монгольских народов, в состав которых входят и буряты, была общая древняя культура, своими корнями уходящая в центрально-азиатскую цивилизацию, ценности которой складывались в течение многих веков.

Основная масса этноса сосредоточена в Республике Бурятия, в Усть-Ордынском, Агинском автономном округах и в десятках районов Иркутской и Читинской областей, не входящих в состав автономий. Именно они составляют бурятскую нацию и развивают ее культуру.

Группы бурят, проживающие на территориях, которые не входят в состав республики, округов – верхоленские (качугские), ольхонские, ононские, читинские, оловянинские, борзинские, – также активно участвуют в обогащении национальной культуры.

Как видим, буряты – немногочисленный народ, но это важно, скорее для статистики, нежели для сферы культуры, искусства. Духовный опыт каждого этноса независимо от его численности обладает общечеловеческой значимостью и ценностью. Этот опыт важен для нас самих тем, что он способствует сохранению национальной культуры, духовности пространства, в котором мы живем.

Бурятия является многонациональным регионом. Свыше трех столетий на этой территории проживают представители более ста национальностей, из них наиболее многочисленны русские, украинцы, татары, армяне, немцы, белорусы, эвенки. Представительство некоторых национальностей составляет от нескольких десятков до сотен и тысячи человек.

Суровые климатические условия Бурятии повлияли на характер местных жителей. Буряты сдержанны, выносливы и немногословны, не зря бытует пословица: *“Эрэ хүнэй досоо эмээлтэ хазаарта багтаха”* (в душе мужчины может вестись оседланный конь). Бурятские женщины – это трудолюбивые хозяйки, искусные мастерицы и надежные жены. Поэтому говорят: *«Эрэ хүнэй харгые эхэнэр хүн шэмэглэжэ шадаха»* (дорогу мужчины украшает женщина).

Своеобразен менталитет бурятского этноса. Будучи по типу хозяйствования, образу жизни скотоводами, буряты больше «дети природы», чем европейцы. Минимальное причинение вреда живому было устоем их жизни и поведения, причем оно освящалось шаманизмом и буддизмом. Веками складывалась цельная система экологических принципов и традиций гуманного, глубоко нравственного, трепетного отношения к природе, к её творениям.

Жизнь бурят с начала столетия претерпела множество значительных изменений. Постепенно исчезал кочевой уклад жизни, на котором выросла культура народа и держалась ее национальная самобытность. Уничтожены многие духовные заветы предков, утрачены немало обрядов и традиций. Но не только время повинно в этом, но и часто сам человек.

Национальное более всего сохраняется в бытовой и празднично-обрядовой культуре, которая является выражением основных сфер деятельности нации, народности.

Актуальность этнического воспитания на современном этапе вызвана необходимостью развития национальных культур, формированием национального самосознания, освоением детьми и молодежью родной, русской и мировой культуры. Для успешного взаимодействия людей разных национальностей важно знать культуру, традиции и обычаи друг друга. Перед педагогами стоит проблема поликультурной подготовки специалистов, способных реализовать свои профессиональные возможности в многонациональных коллективах.

До недавнего времени ни в общеобразовательных школах, ни в средних и высших учебных заведениях республики практически не велось планомерное и систематизированное преподавание курса по материальной и духовной культуре бурят вследствие отсутствия качественных программ и учебных пособий. Лишь в последние годы в этом отношении наметились существенные сдвиги.

В целях реализации законов «Об образовании» России и Бурятии (1992, 1993), Концепции государственной программы национального возрождения народов Российской Федерации (1991 г.), программы ЮНЕСКО и Министерства образования Российской Федерации «Развитие национальной школы», «Концепции национальной школы России» (1992 г.) в Бурятии проводится большая работа по обновлению содержания образования и создания новых типов учебных образовательных учреждений разных ступеней: ясли-сад – школа – ссуз – вуз.

Ныне в образовательный стандарт всех уровней введено понятие «региональный компонент», в связи с этим появилась необходимость корректировки учебного процесса с учетом потребностей в определенных знаниях, умениях. После завершения средних специальных, высших учебных заведений многие выпускники получают направления для работы в сельские районы республики, двух округов. В своих коллективах – будь это учреждения культуры, просвещения, медицины, в сельском хозяйстве – молодые специалисты оказываются самым действенным звеном в проведении всех праздников, мероприятий разного уровня и масштаба.

Присутствие «регионального компонента» в образовательных программах как необходимой составляющей во всем образовании, знания, приобретенные студентами по традиционной культуре региона, закреплённые в навыках и умениях, более чем востребованы и выпускниками и их работодателями.

Чтобы учащиеся, студенты стали носителями, творческими продолжателями этнокультурных традиций своего народа, необходимо их знакомить, убедить в ценности этих традиций, приобщать к ним, вырабатывать привычку следовать им.

Для этого самим учителям, воспитателям нужно хорошо знать эти этнокультурные традиции. При этом учитывать, что «традиция – это не охрана пепла, а сохранение огня».

Основными силами, могущими реально осуществлять эту деятельность, являются работники образования и культуры. Развитие познавательного интереса студентов, учащихся зависит не только от создания материальной базы и кадрового потенциала, но и от реализации содержания каждого учебного предмета на основе обязательных требований стандартизации образования с учетом национально-региональных местных компонентов, с тем, чтобы всё это позволило более полно раскрыть индивидуальные способности детей и удовлетворить интересы родителей и общества в целом.

Кто должен выполнять этот необходимый и нелегкий труд? Традиционно считалось, что это должны делать учёные. Однако в последние годы стало ясно, что конкретные проекты преобразований, кропотливый поиск лучших вариантов – дело каждого образовательного учреждения. Таким образом, у них появилась новая функция – поисково-исследовательская. Многие педагоги в разных образовательных учреждениях работают по авторским программам. Как правило, это личности творческие, способные зажигать новые искры знаний в своей профессиональной деятельности. Не только право, но и обязанность творить, искать, обновлять содержание и методы обучения, вести опытно-поисковую исследовательскую работу теперь официально закреплены в документах о школе, в том числе в российском законе «Об образовании».

Преподаватель Бурятского республиканского училища культуры и искусства, заведующая музеем Бурятского государственного академического театра драмы им Х. Намсараева, заслуженный работник культуры Бурятии В.Д. Бабуева, используя большой практический опыт в музейном деле республики, разработала авторскую программу для будущих режиссеров, хореографов, художников, руководителей фольклорных коллективов, библиотечек.

Специфика подготовки кадров и контингент учащихся в БРУКиИ вызвали в свое время необходимость переосмысления некоторых теоретических и практических вопросов, основанных на личностно-ориентированном подходе, на обновлении содержания образования национально-региональным компонентом.

Сочетание теоретического и практического материала обусловлено целевой установкой программы курса: подготовить ква-

лифицированных специалистов, владеющих знаниями по истории края, этнографии, фольклористике, подготовленных не только к сценическому воплощению сценария, но также и к собиранию устно-поэтических произведений разных жанров, сохранившихся обычаев, традиций. Это особенно важно, поскольку сейчас доживает, пожалуй, последнее поколение людей, заставших проявление традиционной культуры в их естественном бытовании.

Основные образовательные цели и задачи БРУКиИ обусловлены, прежде всего, концепцией личности в бурятской культуре, психологическим своеобразием этноса, веками сложившейся системой воспитания, особенностями социокультурной среды.

В основу пособия положен лекционный курс по материальной и духовной культуре бурят, разработанный для студентов БРУКиИ. В ее задачу не входило полное и систематическое изложение содержания всего курса. Выбранные 14 тем, наиболее значимые для знакомства с традиционной культурой бурят, в своей совокупности складываются в развернутое определение названия книги. По содержанию и смыслу все они перекликаются друг с другом, повторяясь, дополняясь во всех главах и темах. Такие повторы необходимы, так как они дают возможность наглядно продемонстрировать, что традиционная культура бурят – это сложная система, элементы которой функционируют в тесной связи друг с другом. Для современного человека весь окружающий его мир подразделяется на две части: мир знаков и мир вещей. Такие знаковые системы, как числа, цвет, орнаменты, обладают постоянно высоким семиотическим статусом. Они создают общее семантическое пространство, формируют систему символов и ассоциаций, знаков и значений, единую для всех. Человек постоянно занимается определением семиотического статуса окружающих его вещей, раскрытие, познание которых сегодня позволяют глубже понять собственные истоки.

Особенности функционирования вещей в традиционном обществе проявляются уже в процессе их изготовления. Мастер, создавая вещь, осознает, что он не только восполняет естественные потери природы, но и дальше заполняет ими мир. Поэтому изготовление изделий из металла, войлока, дерева всегда относилось к сфере сакрального (священного). У человека традицион-

ной культуры его мышление, действия нацелены не на покорение природы (как это характерно для современной европейской культуры), а на сотрудничество с ней. Мастер должен был не только взять подходящий для его работы материал, а попросить на это согласия у природы. Так у разных народов возникают магические обряды, связанные с началом и завершением охоты, рубкой леса и сооружением зданий, кузнечными и земледельческими видами работы. Именно ритуал породил технологию, а не технология сопровождалась ритуальными действиями. Мастер совершал ритуал, а то, что в его результате получался полезный предмет, понималось как естественное следствие правильной изначальной схемы. Но как ни велики были силы традиций, они не могли сохраняться вечно, постепенно в культуру бурят проникали новации, взаимовлияния.

Глава третья посвящена духовной культуре бурят, раскрыта в основном через темы мира праздников. Праздники синтезируют в себе все сферы человеческого существования: материальный мир, опыт духовной жизни, народную педагогику, вопросы экологии. В праздники и в празднование человек вкладывает, выражает свое понимание, цели и смысл жизни. Именно преподаватель должен стать организатором учебной деятельности студента на лекциях, в процессе самостоятельной работы, на практических и семинарских занятиях. Студент должен стать не пассивным потребителем информации, а активным ее «добытчиком» и производителем. Активизация познавательной самостоятельности студентов разных специализаций достигается посредством постановки профессионально-педагогических задач не только на лекционных, но и на семинарских и практических занятиях. Темы для них, опубликованные в конце глав, нацелены на то, чтобы каждый студент или школьник мог развернуть свой творческий потенциал. А поставленные перед ним учебные задачи требуют для их решения исследовательского подхода, самостоятельного сбора полевого материала в своем селе, районе, изучения соответствующей литературы и других источников.

Для выявления закономерностей, которые организуют жизнь, вырабатывают мировоззрение, поведение людей и общества, стремления понять причины следствий, существует девиз: «Отыщи всему начало, и ты многое поймешь».

Глава 1. Символика в традиционной культуре бурят

Тема 1. Символика чисел

1,2,3,4,5,6.... Кажется, нет более точной науки, чем математика. К языку цифр прибегаем мы, когда хотим в точности представить какое-то дело, явление. Но именно в этой науке, оперирующей строгими числами, еще существует много тайн и загадок.

Оказывается, все можно сосчитать, предвидеть: рождение человека, биоритмы его жизни, создание семьи, удачные и неудачные дни на работе, в общении с людьми. Наконец, прочитать свою судьбу. Счет и первые числовые операции возникли в глубокой древности. С их помощью человек освоил время и пространство, заложил основы математических, астрономических и других естественнонаучных знаний.

Основная функция чисел, числовых наборов – счетная, т.е. она призвана вести учет, определять количество. Кроме того, числа выполняют упорядочивающую и символическую функции.

У разных народов есть свои излюбленные, предпочитаемые для символических целей числа – выражение своеобразия культуры этноса. Символика числа применялась первоначально у охотничьих, а впоследствии у пастушеско-скотоводческих племен.

Число «1» – начало числового ряда, выражает понятие «все», единое, целое, неразделимое. Корень слова – «один», от него производные понятия – един, единственный, соединение, объединение, – один бог, одна Вселенная, одно Солнце, Луна, род, племя, – т.е. то, что не делится и понимается как единое целое.

Упорядочивающее значение числа один – первый – выражает понятие изначальности, адекватно понятиям «новый», «начальный», «первый». Первый ребенок – начало семьи, первый снег – начало холодов, зимы, первые лучи солнца – начало дня, первые звезды – начало ночи, первые цветы, первый шаг ребенка и т.д.

Число «2» выражает различные парные смысловые понятия в бинарных оппозициях: черное-белое, хорошо-плохо, верх-низ, жизнь-смерть, добро-зло, вперед-назад и т.д.

Помимо этого, обозначает парные неделимые предметы: очки, глаза, чулки, ножницы...

Цифра «3» – одно из священных чисел у многих народов, как в материальной, так и в духовной культуре, знак Земли.

Это идеальная модель любого динамического процесса, предполагающая возникновение (зарождение), развитие и упадок (кончина, смерть): все в мире появляется, зарождается, живет и развивается, но нет ничего вечного на Земле – все умирает, стареет, все приходит в упадок. Числом три выражается вертикальная модель мира: верх, середина, низ – Небо, Земля, преисподняя – Рай, земной мир, ад. Цифрой три выражаются понятия временного характера: прошлое, настоящее, будущее – три языка пламени в эмблеме Бурятии. Представления о верхнем, среднем, нижнем мирах, о прошлом, настоящем и будущем времени – универсальные понятия в мифологии, позднее – в фольклоре, героическом эпосе.

В бурятском, монгольском фольклоре до сих пор бытует жанр триады. Триады представляют собой поэтический афоризм, в котором заложена определенная информация, сгруппированная по признакам (цветовому, внешнему, нравственному).

Триада – своеобразная, оригинальная загадка. Вопрос задается в краткой традиционной форме: «Что в мире три быстрых, трудных, далеких?». На это отвечают стихами, состоящими из трех или четырех строк. Например, на вопрос: «Что в мире три богатых?», отвечают: «Земля богата корнями, небо богато звездами, океан богат водой» (*Газар үндэһөөр баян, огторгой одоор баян, далай уһаар баян*).

Триада может быть и в форме поговорки: «Три богатства есть в мире: богат тот, у кого скота много; еще богаче тот, у кого детей много; но богаче всех тот, кто знаниями богат»; «Три вещи в мире опасны: нож в руках ребенка, власть в руках глупца, лезть в устах подхалима».

Триады могут иметь много вариантов вопросов и ответов. Легкий, игровой фольклорный жанр выступает как средство осмысления и познания окружающего мира. Они передаются из поколения в поколение, дополняясь новыми понятиями в зависимости от интеллекта, эрудиции, сообразительности, наблюдательности исполнителя. У бурят бытует более сорока разных триад типа: три белых, три красных, три синих, три желтых, три черных, три зеленых, три опрятных, три пустых, три гордых, три далеких, три бездонных, три беспокойных.

«Тройка» считается священной, так как символизирует треугольник, олицетворяющий Святую троицу – разум, тело и дух, или мать, отца и ребенка. Выражение «бог троицу любит» не случайное, многие народы любят его и считают три счастливым числом.

Три фазы Луны (первая четверть, полнолуние и новолуние) ассоциируются с фазами в жизни женщины – девушка, мать и пожилая женщина. Как планета женского рода, она влияет на женские эмоции и материнство. «Тройка» очень часто встречается в фольклорных жанрах многих народов. Герой произведения обычно совершает три разных подвига, женихи подвергаются трехкратным испытаниям; обычно в семье растут трое сыновей и три дочери; путь, по которым проезжают герои, – на развилке трех дорог; чудеса происходят во всех трех мирах; об очень счастливом моменте говорят «трижды счастлив»; «за тридевять земель, в тридесятом царствегосударстве»; на тройке лошадей совершают свое путешествие небесные и земные герои. Таких примеров можно привести много.

Число «4» соответствует символу единства и целостности мироздания и его отдельных материальных и духовных проявлений. Оно не менее важно в мифологии, чем число три. С цифрой четыре связано горизонтальное освоение окружающего пространства – есть четыре стороны света: север – юг, восток – запад; четыре времени года – зима, весна, лето, осень. Числа 3 и 4 часто рассматриваются в неразрывном единстве друг с другом. Эти две цифры выступают почти во всех мифологических традициях мира как важнейшие космологические константы Сумма $3+4$ дает магическую семерку – самое устойчивое число – символ в культурах многих народов мира. $3 \times 4 = 12$ – идеальное, совершенное число.

4 стихии: воздух, вода, огонь, земля, 4 конечности у человека, животных; 4 угла у прямоугольника, 4 возрастных периода человека – детство, юность, зрелость, старость.

Число «5» проявляет себя в историко-культурном и сакральном-магическом контекстах.

На 5 групп подразделяется по цветовой символике употребляемая пища: белая, красная, желтая, зеленая и черная.

5 видов скота (*5 хушуу мал*) разводили монголоязычные народы: коров, лошадей, овец, коз, верблюдов.

Животные и люди обладают 5 органами чувств: зрением, обонянием, осязанием, слухом, вкусом.

Мир состоит из 5 первоэлементов: дерево, железо (металл), огонь, земля, вода.

Число «7», наряду с «3», самое популярное число во многих системах: античной, древнеегипетской, древнееврейской, монголоязычной, тюркоязычной.

В древние времена на Ближнем Востоке и в Риме число 7 считалось священным. Ему придавалось магическое и даже символическое значение. Так, Вавилонская башня имела 7 этажей. Рим был построен на 7 холмах. Древние евреи также считали 7 священной цифрой. По индийской религии мир создан 7 силами. Будда сидит под священной смоковницей с 7 плодами. Китай и Япония также почитали цифру 7. В Древней Греции было известно о 7 чудесах света и 7 знаменитых мудрецах. В Библии говорится о сотворении мира за 7 дней, о 7 смертных грехах и 7 голодных годах. В неделе 7 дней. Представление о магической силе числа 7 основано на его взаимосвязи с фазами и циклами Луны. Через 7 осуществляется моделирование цельности мира, где (4 + 3) – 4 стороны света по горизонтальной структуре + 3 – по вертикальной (верх, середина, низ).

Очень многие явления связаны с цифрой 7. Так, в теле человека насчитывается 7 чакр – энергетических центров, в ауре различают 7 уровней. Радуга представлена 7 цветами, символами 7 таинств и 7 даров Святого Духа.

7 планет Солнечной системы: Солнце, Луна, Венера, Сатурн, Марс, Меркурий, Юпитер. Солнце находится в центре, остальные 6 планет вращаются вокруг него против часовой стрелки. Солнце – самая близкая планета к Земле. Зная код, можно объяснить влияние 7 планет на состояние и жизнь человека. В Индии существует понятие о 7 пранах: 2 глаза, 2 уха, 2 ноздри, рот.

Мифологическая семерка – 7 звезд Большой Медведицы – 7 старцев («Долоон үбгэд»), происхождение которых в шаманской мифологии связывается с 7 небесными кузнецами.

В музыке 7 нот – космическая октава. Вся мелодия природы заключается в этих тонах и потому называется «голосом природы».

В буддизме 7 драгоценностей, используемые для священных писаний: золото, серебро, медь, бирюза, лазурит, жемчуг, коралл.

В фольклоре русских, бурят и других народов из всех цифр чаще всего фигурирует цифра семь: 7 пятниц на неделе, семеро одного не ждут, 7 богатырей, 7 сыновей, 7 дочерей, семи пядей во лбу, семеро по лавкам, 7 чудес света, один с сошкой, семеро с ложкой, Белоснежка и 7 гномов, одним ударом семерых убить, волк и семеро козлят, семимильные шаги, цветик-семицветик.

Число «8» больше связано с буддизмом и ламаистской системой гаданий и предсказаний.

«Восьмеричный путь» спасения, предложенный человечеству Буддой Шакьямуни, включает в себя: праведные воззрения, праведные устремления, праведную речь, праведное поведение, праведный образ жизни, праведное усердие, праведную память, праведное самоуглубление.

У бурят горизонтальное измерение пространства ориентировано на 8 сторон – 4 основные и 4 промежуточные (юго-восток, юго-запад, северо-восток и северо-запад).

С 8-ю спицами изображается Чакра – колесо учения Будды. Буддийские субурганы (ступы) бывают 8 видов, ближайших учеников Будды было 8. Божествам подносят 8 видов жертвоприношений (8 *тахил*).

Число «9» – одно из самых популярных чисел в культуре бурят, монголов. По традиционным представлениям монгольских народов числа 8 и 9 являются символами Солнца и Луны. Солнце представляется матерью, женским началом, называется «восьминожкой». Изображается Солнце в виде 8 концентрических кругов, а Луна – 9. Луна считается отцом, мужским началом, «имеет 9 ног». Солнце и Луна – божества чадородия, дающие жизнь всему сущему. 9 месяцев мать вынашивает ребенка в утробе.

С девяткой связано понятие «родимое пятно» (*мэнгэ*). Каждое из этих 9 родинок связано с определенным годом и цветом. В совокупности с другими факторами способно влиять на судьбу человека. Каждые 9 лет необходимо совершать обряд «очищения» родимого пятна, в котором участвуют 9 материальных компонентов, каждый из которых обладает определенной магической семантикой.

Число 9 довольно часто применяется в шаманской мифологии: небесный кузнец Божинтой имеет девять божественных сыновей, девять зайнов, которые были спущены с неба с миссией научить людей кузнечному ремеслу. В трудах этнографа М.Н. Хангалова даны изображения девяти покровителей кузнечного ремесла.

На небесах 99 тэнгриев – небесных богов (99 – «усиленное» число 9), девять драгоценностей – 9 эрдэни: золото, серебро, бирюза, коралл, жемчуг, медь, раковина, лазурит, малахит.

Числа 37, 73, 81 – опорные вехи в жизни человека, возрастные рубежи, пересечение которых может оказаться опасным для человека, если 81 – то и для всех его родственников.

37-й год – это год, когда пересекаются друг с другом конец третьего 12-летнего цикла и четвертого десятилетия.

73-й год – это год, когда совпадают шестой 12-летний цикл и восьмой десятилетий.

81 год – девятикратное повторение десятилетнего цикла (9х9).

Поэтому старцы, достигнув такого возраста, сразу с 80-го перешагивали в 82-й год жизни.

Следующее число, играющее значительную роль в культуре бурят – **12**.

Прежде всего это связано с 12-летним животным циклом, юрта делится на 12 хозяйственных частей, каждая из которых связана с одним из животных календаря. Своеобразным циферблатом определения дневного времени по солнечным часам служило дымовое отверстие юрты, а стрелками – солнечный луч, скользящий по юрте в течение светового дня.

В иконе «Колесо жизни» 12 нидан – 12 причинно-следственных звеньев, от которых зависит перерождение живых существ в том или ином мире.

В сутках 24 часа, 12 из них приходится на дневное время – время Солнца, 12 – на ночь – время Луны.

Причина сакральности числа 12 во всех индоевропейских культурах – прежде всего в делении года на 12 месяцев.

Зодиак состоит из 12 знаков, где каждый знак символизирует определенный первоэлемент. Лев, Овен, Стрелец – относятся к элементу Огонь, который дает тепло; Близнецы, Весы, Водолей – к стихии Воздуха, дающего движение, Телец, Дева, Козерог – к Зем-

ле, которая дает твердость; Рак, Скорпион, Рыбы – к элементу Вода, дающей влажность. Кроме того, знаки зодиака делятся на мужские и женские полы: Лев, Овен, Стрелец, Весы, Близнецы, Водолей – мужского, а Телец, Дева, Козерог, Рак, Скорпион, Рыбы – женского. Мужские знаки носят положительное начало, они дают энергию, женские – отрицательное – забирают энергию.

В большинстве стран мира **цифра 13** считается числом, приносящим несчастье. Эта точка зрения появилась еще в глубокой древности, когда люди начали постигать математические знания. Число 13 было «неудобным» для использования, так как не делилось ни на какую другую цифру, кроме как на само себя. В Японии и Китае считают, что несчастья приносят цифры 19, 33 и 42.

13 – число популярное у бурят, монголов, оно не имеет столь отрицательного значения. 13 элементов структуры содержит в себе гора Сумбэр – центр буддийского мироздания. 13 составных частей имеют буддийские ступы – субурганы – вертикальная модель мира вселенной в буддийской космологии.

108 – число сакральное во всех странах буддийского мира. Его сакральность восходит к древнеиндийской традиции, где оно встречается очень часто.

Истоки сакральности числа 108 до сих пор неясны. На этот счет имеется несколько точек зрения.

1) 108 – результат умножения чисел, составляющих магический треугольник: $(1 \times 2 \times 2 \times 3 \times 3 \times 3) = 108$.

2) $108 = 1 + 100 + 7$, где 1 – Солнце, 100 – число его лучей, 7 – семь миров.

3) $108 = 12$ месяцев + 24 полумесячных периода + 72 пятиндеек, образующие лунный год, т.е. астрономические знания древности здесь слились воедино с астрологией и магией, что породило в результате представление о сакральности числа 108, которое до сих пор сохраняется в индуистской и буддийской традициях.

Самое часто используемое значение числа 108 в бурятской культуре это четки (*эрхи*), которые являются обязательным атрибутом верующих. Они должны постоянно носить их при себе, наматывая

в виде многослойного браслета на правую или левую руку, либо носить их на шее.

В ламаизме число 108 приобрело особое значение в средние века. 108 томов содержит свод священных буддийских текстов «Ганжур», 108 масок действующих персонажей в ламаисткой мистерии Цам, 108 ступ окружают в виде ограды знаменитый монгольский монастырь Эрдэни-Цзу, построенный на месте древней столицы чингисидов Хара-Хорин.

108 свечей (зула) зажигают в дацанах во время Сагаалгана, 108 раз ударяют в барабаны при встрече Нового года в буддийских храмах Японии, Китая.

Число 108 в буддизме связывают с количеством грехов, которым подвержен человек в своей жизни.

(Материал о символике чисел основан на ст. Н.Л. Жуковской. Категории... С.131–152).

Тема 2. Символика цвета

В культуре любого народа цвет играет большую роль. Цветными красками расписана мебель в жилище, цветными нитками вышивали узоры на одежде, на головном уборе и обуви. Им украшены предметы быта и многое другое.

Все предметы материальной культуры, рассматриваемые вне цвета, не могут быть восприняты во всей полноте их выразительности. Только в сочетании с цветом их семантика может быть понята до конца.

Цвет и цветные предметы сопровождают человека повсюду, оказывая на него психофизиологическое воздействие и вызывая различные ощущения – тепла или холода, бодрости или уныния, радости или беспокойства, т.е. основные функции цвета – магическая, информационная и декоративная.

Понимая, как велико значение цвета и его воздействие на человека, на протяжении веков выработана определенная теория цветовой символики. Буряты, монголы использовали преимущественно красные, желтые, зеленые, синие и белые краски – любимые цвета народа. Очень редко применялись нейтральные и в то же время умело сочетались яркие оттенки.

Применение различных цветов и их оттенков в народном творчестве имело определенные символические значения.

Употребление различных цветов, цветных красок носило осмысленный, канонизированный характер. У бурят, монголов цветовая композиция строится на сочетании светлого и темного. Этот принцип характерен в отделке бурятских шерстяных ковров - *таар* и меховых ковров – *хубсар*. Принцип цветовой контрастности применяется и в ювелирном искусстве. Цветные камни – сердолик, лазурит, малахит, коралл, перламутр – составляют контраст серебру, золоту, стали.

Большое место в материальной и духовной культуре бурят занимают черный и белый цвета. Именно они занимают бинарную позицию: белое-черное; плохое-хорошее; высокое-низкое и т.д., в то время как остальные цвета таких оппозиций ни с каким цветом не образуют. Черный, белый, красный – цвета первого класса; зеленый, голубой, желтый, серый – цвета второго класса.

Наибольшей емкостью и богатством специфических оттенков, которые охватывают самые многообразные сферы жизни, обладает **белый цвет**. Вероятно, это объясняется физической природой белого цвета, его способностью поглощать все остальные цвета и оттенки.

Все предметы, окрашенные в белый цвет природой, включают в себе вышеперечисленные качества, прежде всего это относится к молоку и молочным продуктам. Молоко и его производные обладают особой сакральностью, но белый цвет выступает еще и в виде символа социальных связей в бурятском обществе (Жуковская Н. 44. С. 158). В народных песнях достойным героя бывали белой масти конь или верблюд. Если хочешь расположить к себе человека, тронуть его сердце, употреби эпитет «белый», он выразит твое почтение и твою любовь, «*сагаан ханаата*» скажет о ком-нибудь монгол или бурят. И можно поверить, что у человека, им уважаемого, действительно белая, т.е. ничем не запятнанная душа. Приходящийся по лунному летосчислению Новый год называют *Сагаан хара* – Белый месяц – новогодний праздник, который обычно отмечается в конце января или в начале февраля. Марко Поло, описывая празднование Нового года, рассказывал, что обычно в этот день и мужчины и женщины надевали белую

одежду, чтобы будущий год был счастливым и благополучным. Все дарили подарки белого цвета, веселились и пировали. К.В. Вяткина пишет: «Белый цвет – весьма уважаемый древними монголами. Юрты монгольских ханов были белыми, потом белые юрты ставили все аристократические роды (белая кость). Белую лошадь приносили в жертву небу. Молоко от белой кобылицы имели право употреблять только члены ханского дома. Существовал обычай при возведении на престол императора сажать и поднимать на белом войлоке». Белый цвет ассоциируется с дневным светом и небесными светилами – Солнцем и Луной, а также с производящей силой.

Белый цвет – цвет святости, благополучия. С этими представлениями связан обычай обшивать белой мерлушкой шапки, ворот, борта и манжеты *дэгэлов*. В бурятской вышивке использовался шов «двойной тамбур», вторая линия всегда выполнялась белой ниткой. Это был не просто прием художественной выразительности, но и прием, усиливающий, подчеркивающий смысловую емкость, эмоциональную содержательность узора и показывающий отношение автора к предмету изображения.

Серебряными кругами – солярными знаками – украшались доспехи воинов, шлемы, панцири, пояса, колчаны; круглые белые пластины или монеты пришивали на свадебные женские костюмы предбайкальские бурятки. Обилие различных белых талисманов в одежде и украшениях необходимо было, по древним обычаям, для защиты невесты от злых духов, которые могут испортить счастье, навредить новобрачным.

Белым цветом отмечен на северной стороне юрты почетный сектор – (*хоймор тала*). Здесь размещали божницу с изображением божеств. Самых почетных, уважаемых людей усаживали на этой части юрты (*хойморто*).

В социальной терминологии, отражающей классовое расслоение общества, бытует термин «белая кость» (*сагаан яхан*), которым обозначали представителей родовой и племенной знати, в отличие от «черной кости» (*хара яхан*) – простолюдинов.

В топонимии Бурятии встречается много названий горных вершин, рек, озер с названиями сагаан: Сагаан Нуур – поселок в Мухоршибирском районе, Сагаан Уула, Сагаан Адха, Сагаан Тала, Сагаан Шулуун и т.д.

В ламаистской иконографии известны образы Белого старца – *Сагаан Үбгэн* и *Сагаан Дари Эхэ* – Белой Тары. Белый Старик всегда выступает как хозяин Земли, как хранитель домашнего очага, покровитель счастья и благополучия, домашнего скота и т.д. В иконописи это божество изображается в сопровождении животных и птиц, на фоне пышной растительности, благоухающих цветов и спелых плодов.

У кочевников много примет и поверий, связанных со словом «белый». Боханские буряты считают за счастье для хозяйки иметь скотину с белым пятном на лбу. Такую скотину не продают. По поверью унгинских бурят, если человек увидит белую мышь, он должен убить ее, снять шкуру, хорошенько высушить и постоянно носить при себе, потому что белая мышь приносит успех, богатство, особенно при торговле. Мясо белой мыши хранят в сушеном виде, потому что оно обладает целебными свойствами от разных болезней: больной человек скоро выздоравливает, если поест мясо белой мыши. Белых мышей видят очень счастливые люди. Унгинские буряты говорят, что встречаются очень редко белые змеи. Увидев такую змею, человек должен убить ее, снять шкуру, высушить и постоянно носить при себе. Мясо белой змеи также считается целебным от многих болезней (Васильева М. 25. С. 82).

Однако белый цвет может получать и противоположное значение. Славяне одевали покойников в белую одежду и покрывали белым саваном. В Китае и некоторых странах Азии и Африки белый цвет является цветом траура. Словом, он имел ключевое значение в жизни и мировоззрении бурят, монголов.

Наиболее сложную и противоположную семантику имеет **черный цвет**. Он символизирует несчастье, горе, гибель всего, что движется и дышит. У многих народов чернота связывается с ночью, а ночь – со злом и колдовством. Ночью человеческая жизнь подвергается наибольшей опасности. В черное одеты зловещие персонажи, появление которых предвещает несчастье. Черные глаза считаются опасными, завистливыми.

Если с белым связано доброе, светлое, счастливое, святое, то с черным – все негативное: злое, темное, несчастливое. Примерами такого рода могут служить понятия: белая пища – святая, черная пища – символ бедности, нищеты – *хара сай* (черный чай);

хара архи (водка, полученная путем перегонки зерновой барды), *сагаан архи* получали перегонкой молока, и только им совершали все культовые обряды.

Несмотря на это, черный цвет занимает равноправное положение среди других цветов: по контрастности противопоставлен белому, в дацанской живописи черная краска в виде туши, как золото и серебро, употреблялась как материал, дающий законченность произведению.

Черное может иметь и благоприятное значение. У тюркских и монгольских народов слово «*кара*» (*хара*) обозначало север, темное небо которого с яркой полярной звездой служило основой для ориентации в ночи. Этим же словом обозначали все главное, большое. Поэтому «кара» обозначало и титул человека, т.е. великий, могучий.

Топонимы со словом хара (черный) встречаются нередко. Хара нуур (озеро с черной водой), Хара-Хото, древняя столица чингисидов называлась Харахорин (Кара Корум). Это название может быть переведено как Северная или Великая (Главная) ставка, по ассоциации севера с черным цветом.

Люди с древности проявляли особое пристрастие к **красному цвету**. Во многих языках обозначает все красивое, прекрасное. В славянском фольклоре красный цвет – символ красоты, девственности, святости: «красная девица», «красный угол», «красная горка», «красное солнышко» – сохранившиеся подтверждения символа этого цвета.

В Китае об искреннем, откровенном человеке говорят «красное сердце», тогда как сердце дурного, коварного человека черно.

У монгольских народов красный цвет олицетворяет образ древнейшего объекта почитания всех народов – Солнца и связанных с ним огня, света и тепла, без которых немислима жизнь на Земле. Буряты полагают, что он приносит радость и счастье в семью, дарует мир и благополучие народу. Солнце и Луна считаются непосредственными предками монголоязычных народов, поэтому всячески покровительствуют им. Уважительное отношение к своим древним предкам выражалось, в частности, в расположении входа в жилище, ориентированного на юг, в сторону высокого (в зените) солнца. Красный цвет, по представлениям бурят, символизирует

красоту, очищение. Красные камни – рубин, коралл – служили самыми излюбленными материалами для изготовления украшений: сережек, перстней, браслетов, колец, ладанок, ножей и огнив, трубок. Красные шелковые кисти и *дэнзэ* венчают навершие головных уборов бурят, монголов.

В эпосе кочевников слово «красный» – «улаан» ассоциируется с каким-нибудь важным культом, поэтому словосочетания Улаан-Баатар, Улаан Хаан, Улаан Хонгор, Улаан-Удэ характеризовали воина, богатыря, знаменосца.

Красное обозначает также власть, величие. Император подписывался пурпурными чернилами, восседал на пурпурном троне, только императрица имела право носить красные сапожки.

Красному цвету приписывались также целительные свойства, способность противостоять сглазу и колдовству. От нечистой силы и дурного глаза помогают красные нити, пасхальные яйца, ткани, кораллы, цветы и растения (роза, гвоздика, рябина, калина, лотос).

Китайцы привязывали что-нибудь красное на кисти рук детей, приучая смотреть на этот цвет как на лучшее предохранительное средство от злых духов. Во многих странах женщины обвязывают кисти рук красной ниткой, чтобы не болеть и чтобы никто их не сглазил.

Символические значения красного цвета очень многообразны и противоречивы. Символизируя радость, красоту, полноту жизни, в то же время он ассоциируется с враждой, мстостью, агрессивностью. Красный цвет является основным геральдическим цветом. На знаменах он символизирует борьбу, независимость, революцию, переворот. У многих племен Африки, Америки, Австралии воины, готовясь к бою, раскрашивали тело и лицо в красный цвет. В Древнем Китае повстанцы называли себя «красные воины», «красные копья», «красные брови».

Желтый цвет так же, как белый и красный, относится к солярному символическому цвету.

Желтый цвет ассоциируется с золотом, которое с древности воспринималось как застывший солнечный свет. Золото – материал, не меняющийся при испытаниях огнем, стал символом «вечности, неизменности, постоянства, раз и навсегда установленного, данного богом свыше» (Митиров А.80.С. 96).

Рассматривая желтый цвет и ассоциированного с ним золота, выделяют несколько его главных символов.

Золотой и желтый цвета соответствуют идее изначальности всего. В бурятской мифологии «материнская золотая утроба» и «отцовский серебряный столб», от которых пошли первые люди на земле; в монгольской мифологии птица поднимает из глубины океана «золотую землю», на которой возникает вся живая и неживая природа; в мифологии кочевников существует мотив рождения ребенка от золотого солнечного луча, проникшего сквозь дымовое отверстие юрты. Таким образом, золото, золотой, желтый цвет – это универсальный космический символ, с которым связано появление земли и первого человека, предков правителей и самих правителей. Соседство слов «желтый» и «золотой» в устойчивых словосочетаниях типа «золотая желтая земля», «золотое желтое солнце» говорит об их взаимозаменяемости, об изначальном мифологическом тождестве. Желтый цвет служил отличительным признаком знатных особ и представителей высших сословий. Золотые руки, золотое сердце, золотое слово, золотая нива, золотой век, золотое время, золотое царство – словосочетания, выражающие понятия самого ценного, лучшего, дорогого, как признака времени, места, явления или предмета.

Особое место занимает желтый цвет в палитре красок буддизма, что проявляется в первую очередь в названии религии – желтая вера, в одеяниях лам – желтая одежда с красной накидкой *орхимжо*.

Таким образом, желтый цвет – цвет солнца, жизни, тепла, власти, веры – недаром производит на человека теплое и приятное впечатление, желтая поверхность как бы испускает из себя солнечный свет, который осязает на себе каждый из нас.

Синий, голубой цвет ассоциируется с небом и водной синью. В народной символике – голубой цвет обозначает одного из двух главных высших сил – Вечного неба (*Хүхэ мүнхэ тэнгри*). В мифологии бурят Небо – символ мужского начала. Вместе с женским божеством *Үлгэн Дэлхэй Эхэ* (необъятная Мать-Земля) они являлись первопредками всех живых существ во Вселенной. Некоторые бурятские племена – булагаты, хонгодоры – считали своим тотемом небесного синего порога – *Буха ноён Баабая*, сына небо-

жителя *Эсэгэ Малаан тэнгри*. Племена хори-бурят связаны с Небом через свою прародительницу Лебедь (*Хун шубуун*). Прекрасные небесные лебеди спускались на берег Байкала и превращались в девушек. Похитив одежду одной из них, молодой охотник Хоридой, сын Бурядая, женился на девушке, которая родила одиннадцать сыновей – родоначальников хоринских родов. К голубой водной стихии относилось племя Эхириты: своим прародителем считали Пеструю рыбу Налим (*эреэн гутаари*), которая вышла из береговой щели Байкала. По этому поводу они говорят: «Отец наш – пестрый налим, береговая щель – мать наша».

Таким образом, основные бурятские племена – хори, эхириты, хонгодоры – усматривают в синем цвете ту субстанцию, которая опосредованно, через небесных быка, лебедь и рыбу, дала им жизнь.

Синим цветом отмечается мужская западная половина юрты, где хранились боевые доспехи и охотничье оружие, предметы упряжи, конская сбруя.

Будучи цветом неба и воды, он символизирует вечность, бесконечность не только в мировоззрении бурят, монголов, но и других народов. Он совмещает в себе какое-то противоречие – возбуждение и покой, вызывает ощущение холода и напоминает о прохладе. Синий цвет может также символизировать доброту, верность, постоянство, расположение, а в языке геральдики обозначает целомудрие, честность, верность.

Зеленый цвет – цвет травы и листьев, цветущей земли, ассоциируется с началом пробуждения природы, прихода тепла, изобилия молочных продуктов, поэтому это символ Земли. Цвет ассоциируется с понятиями размножения, роста и неувядания в природе и человеческом обществе. С зеленым цветом связывались такие представления, как плодородие, материнская щедрость, бескорыстие, счастье и радость.

Зеленый цвет – символ женской, восточной половины жилища, где размещались женская кровать, сундуки, домашняя утварь, продукты долговременного пользования.

В буддизме известна богиня Тара, которой приписываются черты богини-матери. В пантеоне буддизма 21 Тара, особо популярны из них Белая Тара (*Сагаан Дара Эхэ*) и Зеленая Тара (*Ногоон*

Дара Эхэ). Зеленая Тара, будучи семантически связанная с Великой богиней Матерью, воспринимается, как Мать-Земля (*Үлгэн Дэлхэй Эхэ*), от забот и щедрот которой зависели благополучие, процветание, и изображается она именно в зеленом цвете. У многих народов этот цвет символизировал юность, надежду и веселье, хотя порой и незрелость, недостаточное совершенство. Зеленый цвет предельно материален и действует успокаивающе, но может производить угнетающее впечатление (не случайно тоску называют «зеленой», а сам человек от злости «зеленеет»).

Тема 3. Символика орнаментов

К культурным ценностям любого народа относятся орнаменты, которые широко распространены в быту, народном искусстве, архитектуре и т.д. Орнаменты мы видим везде. Они – одно из древнейших проявлений народного творчества.

Слово «орнамент» – латинского происхождения, в переводе означает «узор», «украшение». Латинский корень – *cultus* (культ, культура) восходит к древности, связан с почитанием духов, богов, напоминает о связях орнамента с представлениями человека о Вселенной.

Орнамент монголоязычных народов носит название «хээ угалз», по-бурятски слово звучит «угалза», что означает узор. Древнейшая функция орнамента – магическая: человек разрисовывал свое тело, лицо, личные предметы теми или иными узорами, выступающими в роли защиты, оберега. Декоративная функция узора – узор как украшение; информационная функция сводится к получению того или иного сведения о человеке, предмете или явлении.

Старые бурятские мастера, сравнивая создание орнамента с трудом ученого, говорили своим ученикам: «Если ученый творит, нанизывая в строку буквы, то для нас, погруженных в мир красок и цветов, имеющих, как и каждый завиток орнамента, свой смысл, цвет, то орнаменты – те же буквы, которыми мы выражаем свои мысли, свое отношение к предмету».

Орнамент как явление культуры нашел свое наибольшее воплощение в народном творчестве. Постепенно складывались устойчивые формы и принципы построения узора, во многом определившие национальные художественные традиции разных народов.

Каждая эпоха, каждый стиль в архитектуре, каждая национальная культура выработали свою систему орнамента (мотивы, формы, расположение на украшаемой поверхности), поэтому часто по орнаменту можно определить, к какому времени и к какой стране относится то или иное произведение искусства.

Главной особенностью орнамента является то, что он связан с конкретным предметом (зданием, домашней утварью, костюмом, ковром и т.д.). Он не может существовать самостоятельно, вне этого предмета.

Основным источником создания орнамента явилась природа: человек давно подсмотрел у природы его «образцы». Всевозможными узорами «расписала» она крылья бабочек, спинки гусениц и змей, создала листья и цветы множества разных растений.

Орнамент тесно связан с бытом народа, с его обрядами и обычаями. Структура хозяйства зачастую влияла на материал и тематику орнаментируемых изделий, а с материалом взаимосвязаны и особенности техники исполнения.

Бурятский народный орнамент имеет немало общих черт с орнаментом живших в древности и ныне живущих кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Южной Сибири.

И.И. Соктоева, К.Б. Шулунова, Р.Д. Бадмаева, художник Лубсан Доржиев и многие авторы посвятили свои работы и альбомы изучению бурятского народного орнамента.

Все многообразие орнаментов разделяется на пять основных групп:

- геометрические (ломанные, прямые, зигзаги, круги, ромбы, звезды...);
- зооморфные или анималистические;
- растительные (листья, цветы, плоды, лотос);
- природные, или космогонические (солнце, луна, вода, огонь...);
- культовые.

Самые распространенные орнаменты монголоязычных народов – **геометрические**.

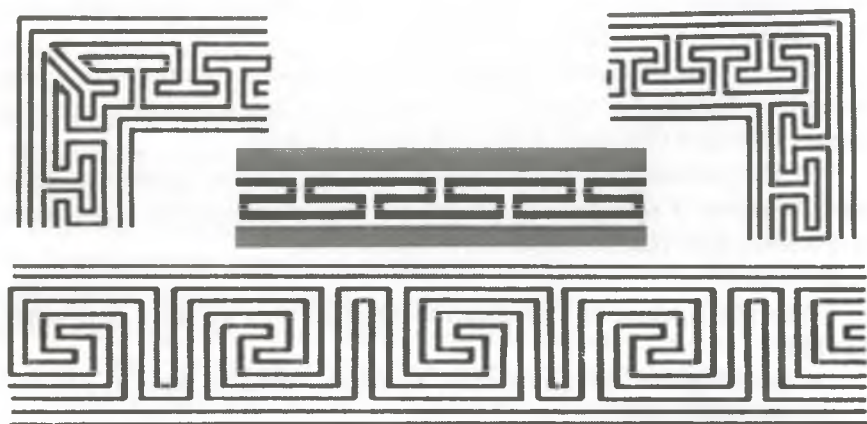
Ведущими мотивами геометрического орнамента являются «**меандр**» или «*алхан хээ*» – (молоточный орнамент), рисунок стегано-

го матраса – *шэрдэг* – «*шэрэмэл шэрдэгэй хээ*», «*улзы*» – (плетенка) и сложные сочетания крестообразного орнамента «*хас*» – (свастика), **круг**.

Меандр – «алхан хээ» называют молоточным, т.к. по-бурятски и монгольски «алха» – молоток.

Этот узор имеет множество вариантов, в числе которых встречается классический меандр древних греков, его упрощенные и усложненные виды. Меандр у монголоязычных народов выражает идею вечного движения. Но в самом названии меандра «*алхан хээ*», связанном с древним орудием труда, отразилось уважение скотоводческих племен к ремеслу. Но не только уважение, но и любовь к ремеслу отразились в названии орнамента, т.к. известно, что кочевники прославились как искусные мастера по изготовлению мужских и женских украшений из золота и серебра, как мастера по изготовлению конской сбруи.

Этим орнаментом украшаются вещи из жестких и мягких материалов. Его можно встретить на деревянных частях юрты, мебели, на войлочных коврах, вышивках, одежде, посуде, упряжи, музыкальных инструментах. В старину меандром украшались лишь особо ценимые вещи. В наш технический век «молоточный» трудовой орнамент встречается всюду.

Широко применялись в быту кочевников изделия из войлока. Технология катания изделий, функции и обряды, связанные с ним, будут описаны в разделе «Жилище». Если большие плоскости войлока, которыми ук-

рывали юрту, использовались без простежки, то небольшие по размерам войлочные матрасы – *шэрдэг* – простегивались насквозь сужильной ниткой. Такая операция у многих кочевых народов преследовала практическую цель: она должна была придать войлочному матрасу особую прочность. Без простегивания войлок при перекочевках мог бы растрепаться по краям и распасться на отдельные куски. Нанесение узоров в технике сквозной простежки – сложный и кропотливый труд, требующий большого мастерства и точного глазомера. В бурятских селах и сейчас встречаются прекрасные образцы этого столь необходимого в быту произведения народного искусства. В нанесении узора на бурятских, монгольских шэрдэгах получили развитие два типа орнаментальных мотивов: геометрический и цветочный. Мастерницами созданы несколько вариантов таких узоров в форме замкнутых секций, полностью покрывающих плоскость матраса. Форму узоров можно понимать по-разному, в зависимости от того, что будет принято за основу. При нанесении цветочного орнамента используется четырехлепестковая розетка, из геометрических – ромбы или квадраты. В современном быту практически перестали новые изделия украшать орнаментами, обычным явлением стало использование матерчатых матрасовок.

Традиционно края матраса обрамляются бордюром из красного сукна шириной 8-10 см. На закрепленное к войлоку сукно сверху наносится узор, чаще всего меандр. Такая кайма придает белоснежному войлочному изделию особую привлекательность и законченность рисунка, являясь как бы границей между основным орнаментальным мотивом поля и второстепенными мотивами бордюра.

Шэрдэг (войлочный матрас) - работа закаменских мастериц.

Улзы – «плетенка» – древний орнамент, символизирующий счастье, благополучие, долголетие.

Это очень почитаемый и распространенный в наше время узор, имеет множество вариантов, но наиболее распространен 10-глазковый узел. Он изображается в виде клетчатого или криволинейного переплетения в центре украшаемого предмета, иногда оплетен цветочными узорами. Этот знак может быть изображен на любом предмете из металла, дерева, мягкого материала, если мастер хочет выразить идею благопожелания.

Улзы принято считать индийским по происхождению. В буддийском искусстве – мистическая диаграмма, одно из восьми буддийских жертвоподношений, означающее бесконечный цикл перерождений в мире людей.

Монгольский этнограф и лингвист академик Б. Ринчен считает, что этот знак стал известен монголам (а через них и бурятам) вместе с приходом буддизма (соответственно в XII и XVIII веках). К.В. Вяткина, большой знаток культуры и искусства кочевников, считает, что происхождение улзы уходит корнями в очень древние времена, связанные с охотничьим бытом. Многочисленные варианты слова «ульзий» в звучании «кульджа», «гулдза», «угалз» встречаются у тюркских и монгольских народов как название горного барана или орнамента, повторяющего рисунок рогов этого животного. Очень древний и гибкий рогатый орнамент в свое время мог быть подвержен стилизации и принять начертание замкнутой плетенки. Вполне возможно также, что сам термин «улзы» является наименованием тотемного животного.

Знаток монгольской орнаментики художник Н. Бельский, говоря о значении плетенки в народном искусстве монголов, утверждал, что этот знак решает ту же задачу, что и меандр в искусстве древних греков, а именно линейную попытку передать вечное движение и вечную жизнь.

Круг с древнейших времен имеет свое символическое выражение в культурах многих народов. Образцом изначального круга служил диск Солнца, и все остальное строилось по этому подобию. Линия круга – это единственная линия, которая не имеет ни начала, ни конца. Центр круга, от которого равно удалены все точки, является точкой бесконечного вращения в пространстве и времени.

Круг символизирует вечность, бесконечность, представляет небесную сферу в противоположность квадрату Земли.

Вся живая и неживая природа округлая, а то, что создано руками человека, может быть треугольной, квадратной, прямоугольной и т.д.

В природе все движется по кругу: земля – вокруг своей оси, солнце – по небу. Вода совершает круговорот в природе: округлые капли дождя или града падают с неба, вода в воронке омута закручивается по спирали, камень, брошенный в воду, вызывает круги на ее поверхности.

Потоки воздуха, закручиваясь по спирали, могут поднять с земли листья деревьев и трав, а если окажутся в центре мощного потока другие крупные объекты, то и они могут оказаться в воздухе.

Округл небосвод над головой, округлы горы, сопки, кроны, стволы, ветви, листья деревьев, цветы, бутоны.

Из круглого семени вырастают былинки и мощные деревья, хлеб и зеленая трава – основа жизни на земле, ибо зелень – это чистый воздух, пища для людей и животных.

Из круглой икринки появляется все плавающее в воде, из круглого яйца – все летающее по небу, ползающее по земле.

Человек, животное созревают в круглом материнском лоне и появляются на свет через круг. Округло тело человека, животного: голова, глаза, уши, ноздри, рот, ноги, руки, ногти...

Человек строит свою жизнь по образцу и подобию природы. Вся его жизнь от рождения до самой кончины – это движение по кругу, «колесу жизни» (*сансарын хүрдэ*). Исчисление времени по календарю подчинено форме круга, отсюда выражения «круглый год», «круглосуточно». Выражение «все возвращается на круги своя» относится к развитию человеческого общества по спирали. Канун

празднования Сагаалгана – встречи Нового года у бурят – называется «*бүтүү үдэшэ*» (глухой, закрытый вечер). Этот вечер замыкает круг старого года и все, что зародилось в нем, должно выйти из этого закрытого пространства, начиная новый виток следующего года.

Изобретение круглого колеса произвело революцию в освоении пространства по горизонтали. Древнейшие захоронения человек оформлял в виде круга, насыпая курганы или выкладывая камни вкруговую.

Круглая посуда устанавливалась на круглой подставке в центре круглой юрты, движение по пространству жилища солнечных лучей, человека подчинено форме круга. Округлы бубен шамана, зеркало *толи*, ламские четки, большинство музыкальных инструментов. Природа не терпит острых углов, за многие столетия и тысячелетия она даже острые каменные выступы горных вершин или камни в реке обтачивает, придавая ей округлую форму. Таким образом, круг является основой, который нашел отражение во всех сферах человеческой жизни, материальной и духовной культуре каждого народа. Поэтому, изображение круга часто встречается на изделиях из металла, колчанах, мужских и женских украшениях, на ритуальных предметах и одежде, в росписи мебели, а бурятский круговой танец «*ёхор*» исполняют, двигаясь по кругу.

Свастика (*хас*) – слово, составленное из двух санскритских корней: существительного «благо» и глагола «быть» или «состоять», т.е. «благосостояние», «благополучие». Другое толкование слова – санскритское «су» – солнечная птица и божество времен года Астика.

Древний солярный знак – один из самых архаичных знаков – указатель видимого движения Солнца вокруг Земли и деления года на четыре сезона. Фиксирует два солнцестояния: летнее и зимнее годовое движение Солнца, включающее идею четырех сторон света. Это знак, центрированный вокруг оси, содержит в себе идею движения в двух направлениях: по часовой стрелке и против. Вращающаяся по движению часовой стрелки представляет мужскую энергию, против часовой стрелки – женскую энергию. Имеет при этом нравственную характеристику: движение по солнцу – добро, против солнца – зло. Правосторонняя свастика воспринимается как знак господства над материей и управления энергией. В этом

случае поток физических сил удерживается, «завинчивается» с целью управления низшими силами.

Левосторонняя свастика, напротив, означает развинчивание физических и инстинктивных сил, создание препятствия для прохода высших сил. Такая свастика представляется как символ черной магии и негативных энергий. Как солярный знак свастика служит эмблемой жизни и света. Иногда отождествляется с другим солярным знаком – крестом в круге, где крест является знаком суточного движения Солнца.

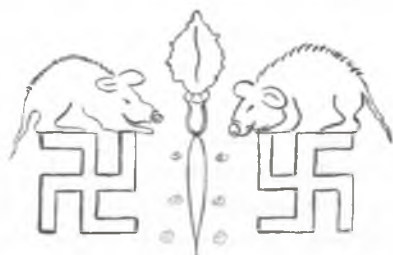
Свастика была известна в разных частях света, как символ четырех основных сил, четырех сторон света, стихий, времен года. Другое название свастики – «гаммадион» означает ее, как состоящую из четырех греческих букв «гамма», первой буквы в имени богини Земли Геи. В этом случае рассматривается не только как солярный символ, но и как символ плодородия Земли.

В Индии свастика традиционно рассматривалась как солярный знак – символ жизни, света, щедрости и изобилия. В форме свастики бытовал деревянный инструмент для добывания священного огня. Встречается везде, где есть следы буддийской культуры, она была высечена во многих храмах, на скалах, ступах, на статуях Будды. С распространением буддизма из Индии проникает в Китай, Тибет, Японию, Сиам. В Китае, Тибете используется как знак всех божеств, которым поклонялись в школе Лото-са. Известны в форме свастики две изогнутые взаимоусеченные фрагменты двойной спирали, выражающей символику взаимоотношения Инь-Ян.

В Монголии на наскальных и пещерных рисунках, датированных эпохой бронзового века, изображен хас.

Чингисхан носил на правой руке перстень с изображением свастики, в которую был вправлен великолепный рубин – солнечный камень.

В настоящее время этот магический символ известен главным образом в Индии, Центральной и Восточной Азии.

Инь-Ян – символ двойственности мира. В древней китайской философии – взаимодополняющие друг друга элементы, несут в себе:

Инь – холодное, пассивное, влажное женское начало, Ян – горячее, активное, сухое мужское. Каждый из элементов содержит в себе зародыш про-

тивоположного: светлое Ян содержит в себе темную точку Инь и, наоборот, темное Инь несет в себе светлую точку Ян. Инь и Ян – это два уравновешивающих друг друга принципа, связанных с мужским и женским началами мироздания.

Зооморфные орнаменты столь же древние и популярные, как и геометрические. К ним относятся натуралистические или схематизированные изображения фигур животных, части их тела. Это группа орнаментов, без которой трудно представить себе бурятское народное искусство. На самых разных предметах встречаются изображения пяти главных видов скота (*табан хушуу мал*), разводимых кочевниками Центральной Азии – бурятами, монголами.

Популярны изображения животных 12-летнего цикла восточного календаря, в совокупности символизирующих желание долголетия, благоденствия.

Самым распространенным орнаментом этой группы является изображения рога – *эбэр угалза* (в буквальном переводе означает «роговидный орнамент»). Вторым по значимости в зооморфных орнаментах считается *хамар угалза* (носовидный орнамент).

Слово «*угалза*» имеет ещё и другое значение – это название самца горного барана, который в Бурятии водится в Окинском районе, а также в Монголии.

Рога горных козлов вырастают до трех и более спиралей – прообраз орнамента для древних охотников. Основа жизни скотоводов – крупный рогатый скот, бараны, козы. Самый отличительный элемент тела – рога – лег в основу бурятского орнамента и свя-

зан с представлениями о благоденствии, процветании и плодородии скота.

Предполагается, что этот узор, обнаруженный на обширной территории, имеет везде одно и то же происхождение и, видимо, значение.

На календарях Литэ, на ножках, на нагрудных украшениях *зуу* изображают 12 животных восточного календаря. Изображение каждого животного имеет свой смысл, свою символику.

Так, мышь – животное, с которого начинается 12-летний цикл, – атрибут божества Намсарая, дарующего людям богатство. Из рта ее падают священные камни чиндамани (зэндэмэни), приносящие людям богатство, изобилие. Обезьяна означает человеческую фантазию, которая резвится на древе воображения; тигр – храбрость, в буддизме – один из четырех животных – оберегов; змея – мудрость.

Дракон – мифический персонаж, известный с древнейших времен, в переводе с греческого языка означает «видящий». Известен он на Востоке и Западе как земноводное животное, имеющее отрицательную и положительную атрибутику. В языческие времена многие традиции Востока и Запада концентрировались на положительных аспектах энергии дракона (*цв. илл. 1*).

В странах Центральной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, прежде всего в китайской, корейской, японской мифологиях, дракон символизирует не отрицательные, а положительные качества, являясь символом величия, силы, мощи. На Дальнем Востоке дракон наделен самыми разнообразными ролями, часто он персонаж житейских историй. В китайской традиции он объединяет части тела минимум девяти существ: у него голова верблюда, шея змеи, когти орла, чешуя карпа, лапы тигра, брюхо моллюска, уши коровы, рога оленя, глаза демона. И каждый из органов несет свою функцию.

В Китае его изображение было эмблемой императорской власти, в орнаментах и украшениях предметов императора использовалось изображение дракона с пятью когтями. Придворные име-

ли право изображать на своих предметах драконов только с четырьмя или меньшим количеством когтей.

Этапы генезиса этого всемирно распространенного образа позволяют говорить, что он был избран для символического обозначения разных, но важнейших понятий в жизни человека: титанических стихий природы, космических сил, света и тьмы, жизни и смерти, мудрости и глупости. Древнейшая символика дракона как змеи – символ мудрости, бессмертия и вечного возрождения. Будучи связанным с водой, он ассоциируется с плодородием, поэтому становится связующим звеном между «верхними водами» и землей. Дракон, восстающий из моря, был положительным знаком и ассоциировался с ученостью и творческим умом.

Всей китайской фольклорной традиции свойственно представление об остром зрении дракона, который может различать лист травы за сотню ли. Он относится к тем существам, проявляющим жизнедеятельность как днем, так и ночью. Жизненная сила дракона заключена в его глазах. По народным представлениям, у животного, появляющегося из яйца, глаза развиваются в последнюю очередь. Одна китайская легенда повествует о том, как один художник нарисовал дракона. В тот миг, когда он своей кистью обозначил глаза, комната наполнилась туманом, животное ожило и исчезло, сопровождаемое раскатами грома. Поэтому многие художники никогда не рисовали драконов с глазами, прорисовывая лишь стилизованные знаки глаза (Мифы... С. 64).

Роль дракона в истории человечества объясняется тем, что он был наделен основными ощущениями человека, что ему была передана деятельность органов чувств – зрительного, обонятельного и в меньшей мере слухового. С драконом ассоциирован звук в его максимальном выражении – громовых раскатах. У человека зрительные, обонятельные и слуховые восприятия направлены на удаленные объекты. Осознательные и вкусовые восприятия дают информацию о ближайших объектах. Именно это различие мы видим в представлениях о драконе.

С этим животным также ассоциированы пахучие, ядовитые и лекарственные растения. В одном японском средневековом произведении говорится, что, когда Майтрея (*Майдар бурхан*) будет покидать мир, найдя правду Будды, он соберет народ и изложит его

учение. Тогда все деревья на Земле примут форму золотых драконов и раскроют цветы. Это будет «собрание драконов – цветов».

Тема связи растения, представленного образом мирового дерева, его особого отношения к Космосу хорошо разработана в этнографической литературе. Эта функция очевидна для вьющихся растений, стебли которых как бы олицетворяют протяженность, служа связью между удаленными объектами. Ту же функцию выполняет и запах растений. Запах ощутим, реален и поэтому принадлежит земному миру. Но в то же время он бесплотен, невидим, летуч и благодаря этим качествам относится к высшему, небесному уровню. Особое зрение дракона, его мифологическая пахучесть рассматриваются как синонимические свойства. Они характеризуют и образно-понятийную роль дракона – посредника между Землей и Небом. Взаимосвязь этих свойств выражена в практике народов Азии, Европы в широком использовании для защиты от сглаза руты, лавра, вербены, укропа, полыни, бузины, омелы, рябины, шафрана, ивы как растений, обладающих сильным резким запахом. Растения с аналогичными свойствами как вьюнок, плющ, чеснок обладают свойствами воздействия на негативные силы, а также их использовали при проведении различных обрядов, при лечении тех или иных заболеваний. Некоторые растения служат защитниками от грома и молнии. В Европе этим свойством наделены прострел (аконит), крапива, мак. Мак вообще считается гарантом плодородия и талисманом от колдовского вредительства.

В бурятское искусство образ дракона пришел из Китая и Тибета (эмблемой Тибета является дракон) через Монголию. Большой частью его изображение встречается на предметах культового искусства, в украшении буддийских храмов, на ножнах ножей и огнивах, на некоторых видах украшений. При декоре бытовых предметов его изображение было ограничено, возможно, из-за сложной символики и высокого статуса этого образа.

Одним из популярных мотивов зооморфной группы является фигура **льва** (цв. илл. 2).

Его изображение встречается на росписи мебели – сундуков, божниц, на изделиях бурятских мастеров-чеканщиков – на ножнах мужских ножей, на огнивах, на женских поясных украшениях – *ханжуурга*. Но больше всего фигурами льва украшаются предме-

ты культа. При входе в любой дацан Бурятии, Монголии, Тибета, Китая устанавливается каменное изваяние льва – как символ силы и оберег, мимо которого не пройдет зло, силы, враждебные вере. Небольшие фигурки львов из дерева ставили на божницу.

Орнаментальные мотивы, связанные с изображением птицы – орла, характерны для бурят, проживающих в Иркутской области. Орел – тотем ольхонских бурят, часто используется в шаманской мифологии. Культу орла и мотивам его изображения посвящены работы П.П. Хороших.

В индуистской и монгольской мифологиях, в произведениях устного народного творчества кочевников встречается образ царя птиц – **Гаруды** (в переводе с санскритского – пожиратель). Это вариант вешей птицы Симурга (у фарси), жар-птицы (у славян), прообраз всех восточных птиц. Изображения Гаруды встречаются на индийских монетах, в буддийских храмах. Это птица с человеческим туловищем, головой орла, со змеей в клюве, мощными крыльями, которыми может остановить вращение планет. Гаруда – это образ мага, который может постичь в одно мгновение все, что происходит в мире, понять и связать далекие события.

В традиционном декоративном искусстве монголоязычных народов, в частности бурятском, встречается мотив парных рыбок и узоров в виде чешуек. М.Н. Хангалов отмечал, что у западных (балаганских) бурят существуют религиозные обряды, связанные с рыбой: «рыба являлась одним из главных видов пищи и предметом поклонения» – тотемом некоторых родов бурят Иркутской области.

В древности рыбу чешую имитировали боевые доспехи воинов-кочевников – панцири, шлемы. Подобным образом украшали

обрядовое шаманское облачение – хуяг, которое надевали во время камлания черные шаманы.

В современном бурятском искусстве чешуйчатый орнамент и изображение парных рыбок встречаются на женских нагрудных украшениях – *hiixэ*. Изображение двух золотых рыбок – *сырня* – один из восьми буддийских символов – жертвоподношений – «*найман тахил*». Это существо из-за отсутствия верхних век никогда не закрывает глаза, а как существо, связанное с водным царством и не могущее издавать звуки («как воды в рот набрал» или «молчит как рыба»), – символ тайны, неизведанности, бдительности.

Б. Жамбалов. Фрагмент женского нагрудного украшения. 2002 г.

Орнамент в виде круга, разделенного на симметричные сегменты – «шоу», связан с образом черепахи.

Черепаха – важный мифологический символ Индии, Китая, Японии и некоторых других стран Дальнего Востока. В монгольских мифах золотая черепаха держит священную гору Сумеру.

В древней столице чингисидов – Кара-Коруме в XII веке была установлена фигура одной из самых крупных каменных черепах, найденных на территории Монголии. Всего в Монголии найдены и изучены шесть фигур каменных черепах, самая древняя датируется VIII–IX веками. Фигуры черепах служили основаниями для стел с надписями,

средний вес некоторых – около трех тонн. В Индии черепаха считалась священным символом женских богинь, в индийской мифологии черепаха или ее ноги служат опорой космосу. В Японии – это мужской символ, считается, что черепахи могут жить до 12000 лет и, наряду с сосной используются как символы бессмертия. Также в китайских захоронениях долгоживущая черепаха используется для украшения, как символ бессмертия. В других мифологиях она известна как трон неба, первичные воды или острова бессмертных. Арочный панцирь черепахи рассматривается как свод неба, возникший над плоской землей, поэтому она воспринимается как посредник между небом и землей. Рельефы и сегменты на панцире – своеобразные лабиринты – воспринимались как письмена, поэтому черепаха является также символом мудрости.

Слон – символ власти и силы олицетворяет элемент земли. Индийская традиция видит слонов как несущих на себе мир. В процессиях на них восседают цари и царицы. Эмблема мудрости, спокойствия, вечности, сострадания. Слон Ганеша в индуизме – символ мудрости, неуязвимости и осмотрительности, покровитель учености. Белый слон священен в буддизме, олицетворяет терпение, мудрость и опыт Будды. У китайцев слон символизирует космическую энергию.

Монгольский ученый Ц. Ядамжав, рассматривая орнамент, в основу которого легло изображение **бабочки**, насчитал около 30 ее разных вариантов. Этот орнамент используется при изготовлении украшений, при декоре элементов костюма, обуви, кисетов, рукавиц, головных уборов (цв.илл.3). Бабочка на бытовом уровне – символ легкомыслия и бренности.

О беззаботном человеке говорят, что он «порхает, как бабочка». При этом упускают из виду, что она порхает не бесцельно – она занимается производством потомства.

Для понимания религиозно-мифологической символики бабочки наиболее важен тот факт, что она появляется на свет весной из куколки, в которую осенью превратилась гусеница. Куколка напоминает саван, окукливание гусеницы – смерть, а бабочка – душу. Бабочки не едят и не пьют; они прекрасны, легки и заняты одной лишь любовью. Известны суеверия и приметы, связывающие бабочек (особенно ночных) с душами умерших; и, наконец, в католической иконографии бабочка в руках младенца Христа символизирует идею воскресения.

Третья группа орнаментов – **растительная** – включает в себя изображения листьев, цветов, стеблей, побегов: лиственный узор (*набшахан угалза*), цветочный узор (*сэсэг угалза*) и лotosовый узор. Этот тип узора широко применяется в декоре элементов костюма,

предметов быта, в архитектуре, живописи, буддийской скульптуре. Культ растительности – древнейший из культов, восходит к ранним формам верований – магии, поэтому воспроизведение в орнаментах деревьев, растений носит магический характер.

Растительный орнамент отражает важнейшую ступень в познании мира человеком, этап осмысления законов природы. В глу-

бокой древности был открыт первый закон природы – закон жизни и смерти. Разгадка семантики растительного орнамента разных народов и эпох убеждает нас в том, что всюду он был иллюстрацией единства судеб всего живого, растения и человека, смены явлений природы, т.е. круговорота жизни, её непрерывности. Его демонстрировала сама природа непрекращающейся сменой умирания и возрождения растительного и животного мира.

Деревья, растения – символы материнства, плодородия и воплощения жизненной энергии, многозначный символ, известный практически всем народам мира. Каждый народ поклонялся, обожествлял то дерево, то растение, с которым чаще всего соприкасался в повседневной жизни. У многих народов есть свои деревья – святыни, деревья – символы. Дуб занимал первое место у древних евреев, ясень – в Скандинавии, у германцев – липа, у русских – береза, священное дерево бодхи – в Индии, у бурят – сосна и лиственница.

Лиственное дерево, ежегодно меняющее листву, – символ обновления жизни.

Сосна – одна из самых древних древесных пород, вечнозеленое и долговечное дерево, мало подверженное гниению. Она может расти на самой бедной почве, но ей необходим жизненный простор. В силу этих свойств она служит символом долголетия, бессмертия, стойкости и преодоления неблагоприятных обстоятельств.

Дерево, растение, подобно человеку, ориентировано вертикально: опираясь на землю, стремится вверх, к солнцу и свету. Форма дерева, растение с его корнями в земле, стволом и кроной, олицетворяла три мира: макушка – небесный, средний ствол – земной и нижние корни – подземный. Дерево, как мировая вертикаль, окольцовано кругами – в срезе ствола, формой кроны и листьев. Крона – это пристанище птиц, животных и облаков, сквозь нее видны небо и звезды. Растение, так же как и человек, подвержено природному циклу: размножается, растет, стареет и гибнет. Так же, как и человек, оно живет за счет жизненных соков, энергии. При их недостатке или когда они иссякают – оно гибнет. В дереве, растениях заключена живая, неразрывная связь прошлого, настоя-

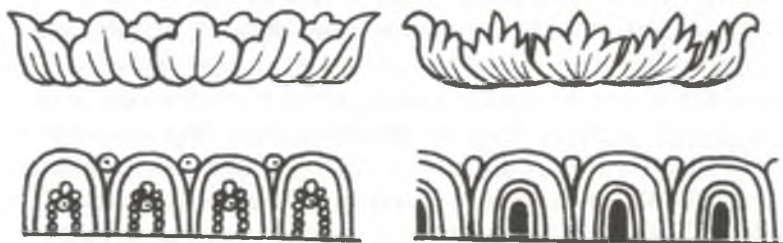
щего и будущего. Соответственно этим идеям дерево воплощает собой идею человеческого предка. На Востоке считалось, что духи богов и мертвых живут в деревьях.

Для понимания символики растительного орнамента важно равнозначно принимать как целое растение, дерево, так и его части – ветви, плоды, цветы, побеги, росток и т.д. Изображение целого растения и его частей имеет одно и то же значение.

Мотивы, законы симметрии, по которым строится растительный орнамент, диктует сама природа.

Территория Бурятии богата растительным миром. Сосна и кедр, лиственница и береза, зеленеющие долины, на которых вольно пасутся стада – основа жизни и деятельности скотовода-кочевника – отразились в орнаментальном искусстве бурят.

Эта группа орнаментов во всем их многообразии символизирует жизнь, красоту, долголетие и мир на Земле. Поэтому они уместны на одежде мужчин, женщин и детей, на росписи мебели, украшениях, конской сбруе и детских игрушках.

Варианты лotosовых тронов.

Отдельно в этой группе орнаментов выделяется цветок **лотоса**, пришедший в искусство бурят, монголов вместе с буддизмом. Изображение этого растения и его цветка, нередко стилизованное, с древнейших времен в странах Азии и Северной Африки символизирует собой жизнь и процветание. Лотос – растение из семейства кувшинковых – обычно растет в стоячей или медленно текущей воде, распускается крупными красивыми цветами на высоком стебле.

Распространен в обширном географическом регионе от Китая до Египта.

Символизируя жизнь и процветание, в некоторых странах Азии и Африки лотосы составляют основу для национальных эмблем и орнаментов. В Индии лотос с древнейших времен наделяется особой сакральностью. Листья и цветы его покрывают водную поверхность дельты священной реки Ганг. Для индуса стилизованное изображение лотоса воспринимается как символ, приносящий людям счастье (*цв. илл. 4*).

Различают несколько видов лотоса, главными из которых считаются индийский и египетский (или нильский). Каждый из них имеет разные цветовые оттенки, при этом форма остается неизменной, т.е. имеет единый, общепринятый характер цветка и листьев.

В Индии лотос цветет розово-алыми цветами, египетский имеет цвета белый и васильково-синий. В древнем Египте цветами из голубого лотоса украшались гробницы, их клали в саркофаги к мумиям. Это объяснялось тем, что голубой лотос цветет только днем, а к вечеру закрывается, чтобы вновь открыться на следующее утро первым лучам солнца. Именно поэтому клали его умершим, чтобы они непременно проснулись на том свете. Отсюда цветок стал осмысливаться как символ рассвета, пробуждения ото сна. У другого лотоса – белого – все происходило наоборот: распускался лишь ночью, а днем впадал в «глубокий сон», собравшись в тугой бутон. Хотя лотос не является ныне государственной эмблемой Египта, он продолжает служить одним из неофициальных национальных символов этой страны, Нила и жителей Нильской долины. Без изображения лотоса невозможно представить египетский орнамент. Лотосы придали классический характер современной архитектуре и строительной индустрии Индии и Египта, примером чему могут служить храм Лотоса в Бахапуре (г. Нью-Дели, Индия) и монумент Дружбы на берегу Нила – пять раскрытых гигантских лепестков лотоса.

Лотос в большинстве религий Индии, Китая, Японии считается религиозным символом, вобравшим в себя чистоту духовной реальности. Особенно это характерно для буддизма. Цветок лотоса – обязательный элемент буддийской иконографии: многие божества изображаются либо восседающими, либо стоящими на троне, образуемом лепестками лотоса. «Воссесть на лотосовом троне» или в позе лотоса – это символ возрождения после смерти

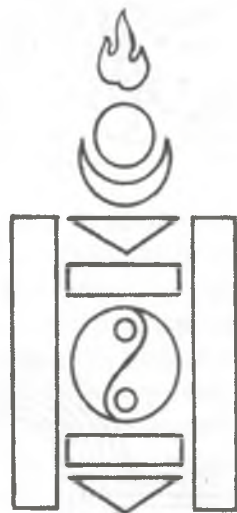
в буддийском рае, обретения там желанного для каждого верующего буддиста состояния духовной медитации – нирваны.

(Материал о символике лотоса основан на ст. В.И. Антонова «Национальные символы народов Востока», опубликованной в журнале «Байкал»).

Окружающие человека объекты природы легли в основу **природной** или **космогонической** группы орнаментов. До сих пор кочевники применяют в украшении художественных изделий древнюю символику, идущую от времени поклонения стихийным силам и явлениям природы.

Главными объектами создания этой группы являются, прежде всего, древнейшие культы почитания и поклонения человечества – Солнце, Луна, звезды, огонь, вода, горы, облака, радуга.

В эмблеме Бурятии, Монголии – *соембо* – диск Солнца и полумесяц – древние прародители монголоязычных народов. «Отец наш – месяц молодой, мать – солнце золотое» – поется в старинных сказаниях. Дискovidные изображения Солнца и Луны из золота и серебра известны по погребениям древних хунну. Как орнаментальный мотив Солнце – круглый диск, Луна – серповидный полумесяц. Для всех народов земного шара было характерно солнцепоклонничество. Солнце лежит в основе противопоставления света и тьмы – двух борющихся в мире принципов. Солнце и Луна – носители полярных качеств: солнечная страсть, тепло, жара ассоциируются с мужским началом, холодная зыбкая природа лунного света, связанного с океаном, водой, связывается с женским началом. В противоположность ежемесячной ущербности Луны Солнцу свойственна неумирающая ясность. Солнце – источник высших ценностей, духовной власти, духовного авторитета. Оно изливает на землю поток жизнотворных сил, утреннее Солнце – символ воскресения.

Земным эквивалентом Солнца является Огонь, который с древних времен не только согревал, но и давал надежду, пищу, кров – символ жизни, света, тепла. Миф о Прометее, добывшем огонь для человека, передав его в полых тростнике, символизирует раскрытие смертному человеку тайны богов.

Огонь – символ возрождения. Трехязычковое пламя в эмблеме Бурятии символизирует прошлое, настоящее и будущее. Огонь, пламя всегда стремятся вверх – к Солнцу, небу.

Огонь – символ очищения.

В православной традиции причастие сравнивается с огнем, очищающим достойных и опаляющим недостойных. Маковки церквей символизируют огонь, они «горят», очищают своим светом окружающее пространство.

У многих народов существуют ритуалы, связанные с очистительным свойством огня: на Ивана-Купалу прыгали через костер, водили хороводы вокруг костра, в

церквах зажигали свечи; в буддизме в дацанах зажигаются масляные лампы, возжигают благовонные травы, которыми окуривают жилище, тело с целью очищения. С глубокой древности исполняли ритуально-магический танец ёхор вокруг костра.

О многих обрядах и запретах, связанных с культом огня, будет написано в разделе «Жилище», ибо очаг является его центром. Триада Огня, Солнца и Луны в древнем Непале называлась «Сваямбху». Их изображение ставилось на надгробьях воинов как свидетельство героического самопожертвования для бла-

га и процветания народа. В наше время в некоторых районах на месте захоронения старых людей устанавливается выполненное из дерева изображение триады.

В буддийском искусстве (иконографии и скульптуре) изображаются в ореоле пламени многие божества.

Молния в буддийском искусстве изображается в форме ваджры (*очир*) – атрибута некоторых божеств, таких как Очирвани. Ваджра используется как отдельный атрибут во время совершения некоторых обрядов, часто ее применяют в паре с колокольчиком. Навершие ручки колокольчиков имеют форму ваджры. Символизирует непобедимость, концентрацию энергии, крепость и подъем духа.

Вода как орнаментальный мотив изображается в виде волн. Один из четырех первоэлементов, из которых состоит мир. Будучи стихией, враждебной человеку и недоступной для него, вода обрастает широким спектром соответствующих символических значений. Прибывающая вода символизирует опасность для жизни, водные глубины – символ всего неизведанного, непонятного и опасного.

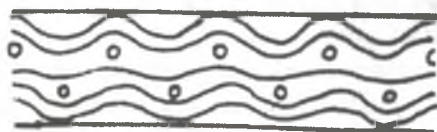
Вода в образе потока или моря несет в себе значение непреодолимой или труднопреодолимой преграды – метафора, особенно в буддизме, где «пересечь поток» – значит, пройти через мир иллюзий и обрести просветление.

Существует и другой ряд символических значений воды, порожденный тем, что она необходима для жизни человека и растений:

- 1) вода привлекает всех жаждущих;
- 2) распространяется по всей Земле;
- 3) служит источником жизни;
- 4) исходит с небес;
- 5) обновляет душу;
- 6) очищает тело и душу от всякой грязи, скверны;
- 7) течет сверху вниз;
- 8) служит пищей для роста.

Христианское крещение представляет собой обряд, где вода символизирует обновление, очищение и освящение.

В мифологии славян реки и ручьи – это сосуды, по которым течет кровь Земли. Вода служит символом здоровья. На этом символическом значении воды основан весь психологический эффект водолечения. Человек не может жить без воды, но он не может жить в воде.

Человек жаждет воды, но он же бежит от воды, когда та обрушивается на него в виде дождя или потопа. Человек боготворит воду, когда страдает от жажды, и выплескивает ее из чашки, когда напьется.

Дождь, льющийся с небес, почти повсеместно сравнивается с мужским семенем, оплодотворяющим женское начало – Землю, в связи с этим во многих культурах вода подразделяется на «живую» (т.е. небесную, плодородную, пригодную для питья) и «мертвую» (подземную, соленую, застоявшуюся и опасную для жизни). В бурятском фольклоре есть понятие «*мунхын аршаан*» (целебная вода, дарующая бессмертие), в буддизме – божество долголетия Аюша-Амитаюс держит в руках сосуд – *бумбэ* с эликсиром вечной жизни (амритой).

В современном варианте «живой» считается вода с положительного электрода (символ мужского начала), а «мертвой» – вода с отрицательного электрода (женское начало).

Еще одно свойство воды – обтекать препятствия и соединиться вновь, постепенно разрушая самые твердые преграды. Здесь вода считается символом мягкости и податливости, в котором скрыты твердость и истинная сила. В европейской культуре это свойство, напротив, стало символом упорства и настойчивости (посл. «Капля камень точит»).

В искусстве Монголии узоры в виде волн символизируют народные массы, народ.

Орнамент **гора, скала** – символ твердости, устойчивости и постоянства. Гора и камень, скала – жилище духа или бога. Скала – источник воды, во многих мифах источник начинает бить из скалы в результате удара по ней героя или праведника.

Скала ассоциируется с замком, который обычно строился на скальной вершине горы, и потому с рыцарством, в котором главное – быть твердым и верным, как скала. Для доколумбовых индейцев скала – символ неба. В Монголии, Бурятии встречаются

нарядные халаты, сшитые из китайского шелка магнал с изображением узора «горы-воды» (линшуй-пиншуй).

Радуга – *холонго*.

Символизирует связь между Небом и Землей – мост между ними. Символизм радуги зависит от количества цветов в ней. Так, в Китае в ней различают пять цветов, соединение которых олицетворяет единство Инь и Ян.

В бурятском декоративном искусстве радужным орнаментом расписывается лицевая сторона мебели, из шелковых тканей с изображением такого орнамента шьется нарядная одежда для мужчин и женщин. Символизирует чистоту, красоту и радость, ибо радуга появляется на небе после дождя, радуя своими красками глаза и душу человека.

Облака – *үүлэн угалза* – облачный орнамент – в тибетской традиции «путь белых облаков» – символ духовного развития и совершенства. В библейской традиции светлое облако означало присутствие бога. У скандинавов облака – боевые кони Валькирий, у греков – пасущиеся стада Аполлона. Американские индейцы видели в облаке воплощение идеи плодородия.

В монгольской и бурятской традициях – облачный орнамент символизирует полет творческого вдохновения.

И, наконец, пятая, довольно обширная группа – **культовая**, которая включает в себя сочетание некоторых элементов орнаментов четырех групп с ламаистской символикой.

К главным изображениям этой группы орнаментов относятся восемь жертвоподношений «найман тахил»: белый зонт, рыбы, священный сосуд, лотос, раковина, улзы, жалсан и хорло. Рисунки этих подношений изображались над входом в храм, на дверных филенках, на лентах музыкальных инструментов, на различных ритуальных предметах и т.д. Их делали также объемными из позолоченной меди или серебра и устанавливали на престоле – *тахилын шэрээ*. Кроме того, было еще несколько видов изображений – «*до-лоон эрдэни*», «*гурбан эрдэни*», «*зэндэмэни эрдэни*» и т.д.

К ламаистской символике относятся хорло, установленный над входом в храм, ганжиры, жалцаны, а также молитвы – монограммы, имеющие декоративный вид, например, «намжвандан» – молитва Дуйнхор бурхану.

«Найман тахил» – («8 подношений», «8 сокровищ», «8 эмблем славы», «8 знаков счастья», «8 благоприятных символов», «8 жертв») – набор из восьми предметов, используемых в культовой практике буддизма. Встречаются в каждом буддийском дацане, на алтарных столиках в юртах и домах верующих буддистов. Могут быть отлиты из металла, вырезаны из дерева, нарисованы на ткани или бумаге.

Эти изображения означают:

- зонт - *шүхэр* - защищает от злых помыслов;
- две золотые рыбы- *сырня*- символизируют бдительность;
- сосуд – *бүмбэ* – наполненный напитком бессмертия, сокровищница благих намерений;
- цветок лотоса – *бадма сэсэг*-- символ божественного происхождения;

- раковина – *дунгар* – символ блаженной страны;
- плетенка -*улзы* символ бесконечного цикла перерождений в мире людей;
- штандарт – *жалсан* – символ горы Сумеру, центра буддийской Вселенной;
- чакра-*хорло*- колесо с восемью спицами, символ восьмеричного пути к совершенству.

Каждый из них – особенно лотос, улзы, чакра, рыбы – мог изображаться по отдельности и выступать как орнаментальный мотив в искусстве и как объект культа (*цв. илл. 5*).

Семь драгоценностей (*долоон эрдэни*).

Этот ряд символов связан с фигурой Чакравартина – «правителем мира» или «того, кто вращает колесо» (*цв. илл. 6*).

1. Драгоценный хан –*Хаан эрдэни* – драгоценность, который справедливо правит всем миром.

2. Драгоценная царица –*Хатан эрдэни* – супруга Чакравартина, делающая царя счастливым, символ совершенства.

3. Драгоценный военачальник –*Түшэмэл эрдэни* – регулирует порядок в государстве, символизирует победу над любыми препятствиями, претворяет все желания и мысли царя.

4. Драгоценный конь –*Морин эрдэни* – символ подвижности Чакравартина, личный конь царя.

5. Слоны –*Заан эрдэни* – символ мощи и силы Чакравартина, его доброты и ума. Очень почитался в Тибете и содержался при дворе Далай ламы.

6. Чиндамани –*Зэндэмэни эрдэни* – символ гармонии силы и возможностей Чакравартина, драгоценность, дарующая здоровье, благополучие, исполнение всех желаний.

7. Колесо с тысячами спиц – чакра –*Бурхан эрдэни* – символическое изображение буддийского учения. Следовательно, Чакравартин символически тождествен Будде. При помощи золотого колеса, прекрасного как Солнце, Чакравартин передвигается по небу, с его помощью он может слышать неслышимое, видеть невидимое.

Бурятская орнаментика пока еще мало исследована. Она хранит в себе множество загадок, раскрытие которых значительно обогатит представления о самобытной культуре бурятского народа.

Темы семинарских и практических занятий

Тема 1. Символика чисел

1. Общие и специфические черты в символике чисел народов Запада и Востока.
2. Популярные числа и числовые композиции в культуре бурят. Подтвердите это на примере фольклорных, литературных, изобразительных произведений.
3. Использование символики чисел в обрядах жизненного цикла (рождении, создании семьи, рождении и воспитании детей, погребении).
4. Магия чисел у народов мира.

Тема 2. Символика цвета

1. Использование цветовой символики в декоре предметов материальной культуры.
2. Символика белого цвета в материальной и духовной культуре, мифологии, религиозных представлениях, ритуалах.
3. Общие и специфические черты в символике цвета у народов Запада и Востока.

Тема 3. Символика орнаментов

1. Использование орнамента в материальной культуре бурят.
2. «Прекрасного много в узоре простом, хранит он секреты столетий». Чтение орнаментов и иллюстраций, составление благопожеланий, поздравлений на основе орнаментов и орнаментальных мотивов.
3. Отражение в орнаменте стихий огня, воды, дерева, воздуха, земли.

Глава 2. Материальная культура бурят

Тема 4. Дерево в культуре бурят

Человечество давно научилось использовать природные материалы для удовлетворения своих потребностей. Каждый народ использует в первую очередь те материалы, которые распространены в данной местности. Не случайно в Средней Азии, например, получило широкое развитие гончарное искусство, в Армении – резьба по камню, на Украине – изделия из соломы. Но ни глина, ни камень, ни металл, ни какой-либо другой материал не наполнены такой поэзией и особой теплотой, которую так щедро излучает дерево. Эта необыкновенная притягательная теплота дерева, может быть, соткана из солнечных лучей, которые оно впитало за многие десятилетия своего роста. На всех этапах развития человечество было связано с лесом. Лес – это не только деревья и кустарники, но и животные, на которых охотился человек, добывая себе мясо, шкуры, перья. Лес – это грибы, ягоды, лечебные травы и листья. Насыщенный озоном воздух оздоравливающе действует на организм, листва и хвоя, поглощая углекислый газ, вырабатывают необходимый для всего живого кислород, а выделяемые листьями особые вещества – фитонциды – убивают болезнетворные микробы.

Палка, выломанная в лесу, и камень, поднятый с земли, стали первыми орудиями труда и оружием для защиты. В борьбе за существование человек расчистил поле и посеял хлеб, возникновение животноводства тоже связано с лесом. С помощью топора, ножа и некоторых других вспомогательных инструментов создавал человек все необходимое для жизни: жилище и хозяйственные постройки, сани и телеги, мебель и посуду, музыкальные инструменты и детские игрушки. Древесина дает мастеру широкие возможности для выражения его художественного вкуса и мастерства. Она легко и хорошо обрабатывается, позволяя создавать изделия разнообразные по назначению, формам, цвету и фактуре. С узора, вырезанного на палке острой кромкой камня, начал свой труд первый резчик по дереву.

Россия всегда была богата лесом, поэтому обработка дерева и производство художественных изделий из древесины носят национальный характер. Для всемирной выставки в Париже в конце XIX века рус-

ские плотники срубили бревенчатую избу. Красота пропорций, простота и мудрость конструктивных решений поразили посетителей выставки, образно назвавших рубленую избу «русским Парфеноном». Благодаря остроумным приемам соединения деталей изба была срублена без единого гвоздя и прочего металлического крепежа. Торцы каждого бревна в срубе русские плотники обрубали топором так аккуратно, что получался чистый поперечный срез. Плотники нарочно не пользовались пилой, потому что изба с обрубленными торцами была намного прочнее – перерубленные топором волокна древесины сминались и закрывали доступ влаги внутрь бревна. Пила же, перерезая волокна поперек, открывала поры, в которые свободно могла проникнуть влага. А дожди и туманы на севере России – явление не такое уж редкое.

Бурятия богата лесами: кедрачи, сосна, ель, береза, которые подразделяются на хвойные и лиственные. Хотя все деревья объединяют присущие им общие свойства, каждое из них в то же время имеет свои неповторимые особенности.

Лиственница (*шэнээн*) – самая распространенная древесная порода Бурятии, занимает 35,5% всего лесного массива. Из четырнадцати видов лиственниц наиболее распространены сибирская, европейская и даурская. Лиственница – светолюбивое дерево, может расти на самой скудной почве, выдерживает крепчайшие морозы, поэтому ее можно встретить даже за полярным кругом. Сибирская лиственница – лесной долгожитель. Ученым приходилось встречать в тайге пни, на которых можно было сосчитать до 900 годовых колец.

Лиственница почиталась у многих народов как символ могущества, долголетия и вечно обновляющейся жизни. Поклонялись не только отдельным деревьям, но и целым рощам. Священные заповедные рощи были у якутов, манси.

На стволах старых лиственниц вырастает гриб-трутовик, или его еще называют лиственничной губкой, которую использовали как обычное хозяйственное мыло. Заинтересовавшись моющими свойствами губки, после многочисленных экспериментов ученые получили из нее жидкое и кусковое мыло. Кора лиственницы – тоже ценное сырье Буряты и другие жители тайги получали из нее красно-коричневую краску.

Своеобразным лакомством является лиственничная смола – живица или сера. Сера приятна на вкус, ароматна и полезна для здоровья, заменяя зубную пасту и щетку, освежает полость рта, хоро-

шо очищает зубы и укрепляет десны. Древесина лиственницы долговечна и прочна, ее плотность и прочность на 30% выше основной. Она стойка к сырости и поражению гнилостными грибами. Постройки из лиственницы могут простоять два-три века. Именно из лиственницы делают телеграфные столбы, шпалы для рельс. Из нее были сделаны рамы окон, дверей Зимнего Дворца, перекрытия для храма Василия Блаженного и Соборов Московского Кремля. Перед Московской олимпиадой дорожки велотрека в Крылатском строители выполнили из лиственницы. При этом они изучили опыт применения на Руси этого дерева в строительстве кораблестроении. Лиственничные дорожки велотрека еще долгие годы будут надежно служить спортсменам.

Сосна (*пархан*) – высокое могучее дерево с корой, отливающей красной медью, встречается почти на всех широтах нашей страны. Из двенадцати видов сосен, произрастающих у нас, наиболее распространена сосна обыкновенная – 33,4% всех лесов Бурятии. Сосна любит свет и плохо переносит затемнение. Там, где деревья растут плотно, их кроны тянутся ввысь к солнцу, стволы таких деревьев круглые и прямые, как колонны. Чащи из вековых сосен образуют так называемые «корабельные» рощи, оттого что в старину из таких могучих прямых стволов делали мачты и другие части деревянных кораблей.

Если дерево выросло на открытой местности, где света вволю, то ее крона раскинута во все стороны, стволы их коренасты и не совсем правильной формы.

Также оказывает влияние на внешний вид деревьев почва, на которой они растут. Геологи подметили, что формы кроны и ветвей у сосен в местах залегания торфяников имеют характерные особенности. Это натолкнуло их на мысль начинать поиски новых месторождений торфяников с изучения внешнего вида сосен.

Для создания целостного «образа» дерева воспользуемся некоторыми сведениями из области ботаники. Так, у сосны мутовчатое расположение веток. Обычно четыре-пять веток веерообразно расходятся во все стороны, располагаясь на одном уровне вокруг ствола. Этаж за этажом поднимаются мутовки до самой вершины. Каждый год на вершине сосны образуется новая мутовка, по ним можно определять приблизительный возраст молодых деревьев: сколько мутовок – столько лет. У старых сосен мутовки сразу отмирают и зарастают, не оставляя никаких следов на стволе.

Волшебная сила приписывалась и обычной ветке сосны. Западные славяне хранили в избе ветку от одного новогоднего праздника до следующего. По их представлениям, она оберегала дом от злых сил, охраняла мир и благополучие ее обитателей. К приходу Нового года старую засохшую ветку заменяли свежей. И в наши дни можно встретить ветку сосны, стоящую в вазе, но уже как украшение интерьера современной квартиры.

Сосна относится к тем редким деревьям, которые идут в дело целиком: хвоя, ветки, шишки, смола и корни, стволовая древесина – ценное сырьедля различных производств. Хвоя сосны содержит множество полезных веществ, ее издавна применяли в народной медицине для приготовления лечебных настоек и отваров. На современных промышленных предприятиях из хвои извлекают эфирные масла, применяемые в парфюмерии и медицине, производят хвойно-витаминную муку, используемую для подкормки животных.

Поврежденная сосна выделяет смолу, которая защищает растение от проникновения в древесные волокна вредных организмов. Эта смола называется живицей, потому что заживляет, бальзамирует раны дерева. Охотники давно подметили способность живицы заживлять раны на теле. В пластырь, который мы сейчас покупаем в аптеке, входит сосновая живица. Клади живицу на больные зубы, чтоб унять боль.

Кедр (хуша). Настоящий кедр – это мощное дерево с густой раскидистой кроной, напоминающей зонтик. Растет он на воле Ливане и является его национальной гордостью. Он изображен на государственном флаге этой страны. В декоративных целях ливанский кедр выращивают в парках Крыма и Кавказа.

Дерево, которое мы привычно называем кедром – один из видов сосны. У нас в стране произрастают три вида кедровой сосны: сибирский кедр, корейский кедр и кедровый стланик (кедрач) – 12,8% лесов Бурятии.

Сибирский кедр, мощное дерево с округленно-конической формой кроны, искусственно разводится во многих уголках нашей страны. В естественных условиях сибирский кедр растет только в Сибири, на Алтае и Урале, где имеет большое хозяйственное значение. Живет сибирский кедр до трех-пяти столетий. Размножается семенами-орешками, которые распространяют птица-кедровка, белки, бурундуки и другие животные.

В возрасте 20–70 лет он начинает плодоносить. Периодически, через пять-шесть лет, наступает особо урожайный год, осенью тайга наполняется людскими голосами – начинается заготовка кедрового ореха. Собирают урожай шишек, сбивая их с дерева с помощью большого деревянного молота. До сих пор еще не придумано такое приспособление, с помощью которого можно было легко и быстро, не причиняя вреда дереву, снимать шишки. Ядра кедровых орешек содержат около 50% масла. Кедровые орехи используют в пищевой и медицинской промышленности. Древесина кедра легкая, мягкая и мало усыхающая, именно она идет на изготовление карандашей. Широко используется древесина кедра в быту. Красивы и теплы половицы в избах, смолистая древесина отпугивает различных насекомых, поэтому из нее делали мебель: сундуки и шкафы.

Издревле кедр почитался народами Сибири, в том числе и бурятами, как священное дерево, как символ могущества и изобилия. Многие шаманы свои посохи делали из кедра.

Доказано, что древесина кедра уничтожает гнилостные микробы. Поэтому у бурят посуду для хранения молочных продуктов, доньшки и крышки берестяных туесков предпочитали изготавливать из кедровой древесины. Мастера утверждали, что молоко в такой посуде долго не прокисает и приобретает приятный вкус.

Ель (*хасуури*) – 0,9% лесов Бурятии.

В древности народы Западной Европы считали ель покровительницей зверей, птиц, растений. Добрый дух ели защищал человека от всяких жизненных невзгод. Ель почитали как символ вечной жизни и молодости. Древние германцы, стараясь задобрить духа леса, живущего в священных елях, вешали на их ветви всевозможные украшения, этот обычай переняли голландцы и англичане. На Руси впервые праздник елки был отмечен в 1700 году. Указ, изданный Петром I накануне Нового года, обязывал жителей украсить центральные улицы, ворота и дома «от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых». Трудно сейчас представить Новый год без сверкающей огнями и игрушками елки.

Еще одно дерево, которое часто встречается на территории Бурятии – это **береза (*хуһан*)**, она занимает 9,3% всей площади лесов республики. Береза – национальное дерево русского народа. На Руси не встретишь другого такого дерева, о котором бы слагалось

столько пословиц и поговорок, пелось столько песен. В старину у березы был свой праздник – *семик*. В эти праздничные дни девушки водили хороводы вокруг молодых березок, гадали, вили венки из березовых ветвей, ветками украшали красный угол в избе. Буряты также почитали березу, используя ее во время свадебных обрядов, такой сакральный предмет, как коновязь (*сэргэ*) изготавливался из древесины березы. У бурят существует изречение: «*Хун шубуун гарбалтай, хуһан модон сэргэтэй*» (прародительница наша – птица лебедь, коновязь наша – белая береза).

Немало полезного и нужного дает береза человеку. Березовый сок имеет лечебные свойства – им отпаивали больных и промывали раны. При строительстве домов, юрт применяли бересту для устройства крыш и кровли. На стволах берез нередко встречаются бесформенные темно-коричневые наросты, похожие на вспученную толстую кору. Это чага – чай таежных охотников. Чай из чаги согревает и бодрит, это хорошее тонизирующее и обезболивающее средство. Широко применяется береза в мебельном, фанерном производстве; из нее делают прочную посуду, упряжные дуги, сани, телеги, седла. На стволах деревьев иногда встречаются особые наросты – капы, из которых делают чаши для мясных и молочных продуктов (*сар аяга, улхан аяга*). Кап и капо-корень обладают особой плотностью и прочностью за счет особой свилеватости, т.е. в этих наростах волокна, вместо того чтобы располагаться как обычно, концентрическими кругами, причудливо переплетены и спутаны. Мастер размечает наплыв так, чтобы наиболее интересно выявить рисунок текстуры, заготовку запаривают в большой посуде. Происходит «выщелачивание», из древесины выходят соки, она окрашивается находящимся в ней натуральным красителем. Высушенная, она приобретает красивый густой коричневый цвет, на фоне которого отчетливо выявляется природный рисунок из точек, концентрических кругов и разводов, волнистых линий, переходы одного тона в другой. Все это составляет живописную палитру капо-корня, делает этот материал неповторимым по красоте.

У дорог, по берегам рек, озер, ручьёв или недалеко от жилья встречается *ива (бургаан)*, ветла или верба. Ботаники называют вербу ивой остролистой. Ранней весной, когда все кругом еще погружено в зимнюю спячку, на ней появляются пушистые барашки. Их появление

считалось сигналом к пробуждению природы, поэтому ветки вербы почитались как символ пробуждения природы. Считалось, что ветки оберегают человека, его жилище от всяких несчастий; оберегают посевы и охраняют скот. Освященные в церкви в Вербное воскресенье ветки хранили в красном углу избы, веточку вешали и на скотном дворе.

«Приживчивое дерево из тычка растет» – говорится в народной поговорке. Подобно тополи, свежесрубленный весной ивовый кол легко прорастает; эту необыкновенную приживчивость ивы в некоторых местах использовали при выращивании глухих живых изгородей. Ивовая древесина очень легкая и мягкая, мало усыхает и при сушке почти не растрескивается. Гибкость – одно из самых замечательных свойств ивовой древесины. Именно из нее буряты заготавливали жерди для каркаса юрты.

Разнообразна по цвету кора деревьев. Она защищает древесину ствола от свирепых морозов, знойных солнечных лучей и механических повреждений, задерживает испарение влаги.

Буряты, монголы и другие народы Сибири при покраске кожи и кожаных изделий пользовались корой различных деревьев. Для получения кожи зеленого цвета использовали березовый сок. Весной, в апреле – мае, на стволе делали небольшие углубления и вставляли туда железные желобки. Выделявшийся сок, проходя через желобок, приобретал зеленый цвет. Для окраски кожи достаточно было пропитать ее этим соком. Для получения красного, коричневого цветов кору лиственницы долго кипятили, в этом растворе шкура выдерживалась три-четыре дня, в результате она окрашивалась в устойчивый коричневато-красный цвет. Золотисто-желтый цвет шкура приобретала после дымления. В глубокой яме разводили огонь из сосновых или еловых шишек. После того как они прогорят, на угли высыпали сухой навоз. Над ямой устанавливалось конусообразное сооружение из палок, поверх нее набрасывали овчину мездрой вниз. Поднимающийся дым окрашивал овчину в желтый цвет. Обработанная таким способом шкура обладала водоотталкивающим свойством, запах дымленной овчины отпугивал моль. Из такой шкуры можно было шить верхнюю одежду, не покрывая ее тканью, мастерица старалась удачно подобрать цветовое сочетание желтого цвета с декоративными элементами костюма.

В наше время промышленным путем вырабатывают из коры деревьев прочные текстильные красители, одновременно извлекая из нее эфирные масла и дубильные вещества.

Большой научный интерес представляет культ деревьев, распространенный у многих народов земного шара. В нем нашли отражение различные стадии в развитии народного мировоззрения – от самых архаических представлений до сложных философских воззрений. В науке долгое время существовала попытка весь сложный, многообразный культ дерева свести к одному фактору, обычно к анимизму.

Так, у славянских народов береза выступала как символ богини-матери, ее семантическое тождество.

Образ мирового дерева в шаманизме отражал ранние космогонические представления и являлся символическим изображением вселенной с ее трехчастным устройством по вертикали: верхний, средний и нижний миры и соответствующие им части дерева: крона, ствол, корни. В шаманской практике многих народов шаманское дерево выступает как дорога, путь. Так, у тунгусских народов шаманское дерево называется «туру» (*торо*), что значит «дорога, по которой шаман или его молитвы идут к небу».

Мировым деревом в буддизме стал называться трехтысячелетний баньян, под которым на Будду снизошло просветление. Трактовка мирового дерева в буддизме несет на себе следы многоступенчатой буддийской символики, получившей различные философские и изобразительные интерпретации. В архитектуре принцип мирового дерева использован в строении и пропорциях ступы, которая в вертикальном разрезе представляет его модель.

Культ дерева как один из элементов культа природы и стихии не может быть понят в отрыве от мировоззрения народа в целом.

С древних времен дерево выступает как один из пяти первоэлементов (дерево, огонь, земля, металл, вода). У многих народов укрепилось представление о том, что дерево порождает огонь, огонь – землю, земля – металл, металл – воду, а вода – дерево. Понятие «дерево порождает огонь» основано на наблюдениях над явлениями природы и опыте добывания огня путем трения деревянных палочек или загорания деревьев от молнии. Почитание деревьев было широко распространено у народов Сибири, Центральной Азии, Кореи, Японии, Китая. По всей территории Бурятии на каждом значительном перевале всегда есть деревья, на ветках которых развешаны ленты, лоскутки новых тканей. Одиноко стоящие в степи де-

рева, по воззрениям бурят, также являются сакральным объектом, проезжая мимо которого обязательно делается остановка, совершается ритуал подношения даров в виде всевозможных кушаний, молочных продуктов, водки, денег, разноцветных полос тканей. В том случае, если с собой не было ничего из вышеназванного, то привязывали несколько волос из хвоста или гривы своего коня. Такие деревья нельзя было ломать, тем более рубить. У бурят бытует поверие, что дух, хозяин леса, живет в самых крайних деревьях леса и их тоже нельзя рубить. Для этой цели необходимо углубиться подальше в лес и там подыскать подходящие для рубки деревья. Старые деревья, насчитывавшие не одну сотню лет, символизировали непрерывность жизни, цикличность смены поколений и их связь.

Священными деревьями, обладающими живительной силой и магической энергией, у бурят считаются лиственница, сосна, кедр. До сих пор считаются сакральными шаманская роща в улусе Тараса Боханского, Байтог и Гахан Эхирит-Булагатского, Алагуй Ольхонского, Кутанка Осинского, Дунда Шисга Курумканского, леса Закаменского, Тункинского и других районов.

Эти святые «шаманские» места становились настоящими заповедниками в современные объекты: деревья, животные, травы, кустарники, водоемы, горы и т.д. Именно эти святые места помогли сохранить и спасти от неминуемого уничтожения целый ряд представителей флоры и фауны, природные богатства экологических систем.

Культ деревьев и вся сопровождающая его культовая практика должны были обеспечить естественный ход событий, гармонию в природе и жизни людей, они играли важную роль в магико-религиозных обрядах, обеспечивающих увеличение жизненной силы животных, людей. Так, заготавливали строительный материал в зимнее время, когда дерево «спит», когда в нем содержится минимальное количество влаги. По древним воззрениям бурят рубить «проснувшееся» дерево в теплую пору было нежелательно, зимой же, когда оно «спит», по его стволу, ветвям и листьям не бегут живительные силы и соки, при рубке оно не почувствует «боли».

Деревья в бурятских обрядах и верованиях, как объекты культового и мифологического почитания, выступают в следующих аспектах: носители жизненной силы; воплощение древесного духа,

его обиталище; путь, дорога, по которой осуществляется магическая связь человека с потусторонним миром; символ круговорота времени, знак смены сезонов года; один из пяти элементов мироздания.

Наличие неограниченного количества доступного материала, простота его обработки сделали дерево самым распространенным поделочным сырьем. Деревянные изделия изготавливались практически в каждом бурятском хозяйстве. Ввиду отсутствия постоянных столярных мастерских мастер в теплое время года занимался ремеслом на улице под навесом или же работал в юрте.

Занятие деревообработкой чаще всего передавалось по наследству. Каждый мастер имел свои индивидуальные профессиональные секреты, которые со временем передавались сыновьям или родственникам по мужской линии. Эти секреты касались рецептов составления минеральных и растительных красок, рецептов и технологии приготовления различных видов клея. Среди мастеров, работающих с деревом, существовала определенная специализация, которая была весьма условной. Так, возведением деревянных домов, храмовых сооружений занимались плотники-строители. Их деятельность носила большей частью сезонный характер, специфика их ремесла предполагала коллективное созидание, ибо в одиночку не возведешь ни дом, ни дацан. При возведении культовых сооружений особой известностью пользовались строители из села Оронгой Селенгинского (ныне Иволгинского) района, которые построили многие дацаны на территории Бурятии. Некоторые мастера специализировались на производстве домашней мебели, посуды. Трудно себе представить историю человечества без древнего оружия – луков и стрел, нельзя было обойтись в дни праздников и в часы отдыха без музыкальных инструментов – *хуров*, *лимбэ*, без праздничных и будничных седел, без телег и саней. Эти умельцы пользовались особым почетом и уважением среди своих земляков.

Вся мебель в бурятской юрте была изготовлена из дерева. Небольшие размеры жилища и необходимость частых переездов определяли набор предметов домашнего обихода. Чаще всего мебель изготавливали с подставкой (*ханза*). Длина зависело от роста человека, примерно 1–1,2 метра – по длине шубы (*дэгэла*), так как одежда в нем укладывалась аккуратно во всю длину,

Илл. 1. Дракон (луу). Дерево, резьба. Автор А. Цыденов

Илл. 2. Львы (арсалан). Дерево, резьба.

Илл. 3. Вариант орнамента бабочки. Вышивка.

Илл. 4. Вариант орнамента лотос.

зонг

рыбы

сосуд

лотос

раковина

плетенка

жалсан

чакра

Илл. 5. 8 жертвоподношений (8 тахил).

Хаан эрдэни

Хатан эрдэни

Түшэмэл эрдэни

Морин эрдэни

Заан эрдэни

Зэндэмэни эрдэни

Бурхан эрдэни

Илл. 6. 7 драгоценностей (7 эрдэни).

ширина, как и высота, равнялась 0,5–0,6 метра (по ширине плеч шубы). Сундуки ставились на специальные подставки (*үхэг*) – невысокие тумбы на ножках с двустворчатыми дверками, одинаковыми по длине и ширине с сундуками. В нижней подставке хранили обувь, выделанные шкурки овец, ягнят. Бытовали также большие сундуки (*абдар*), стоящие на полу, в них хранили или перевозили постельные принадлежности – меховые одеяла, войлочные матрасы (*шэрдэг*), *дэрэ* (подголовники), меховые шубы. Конская сбруя хранилась в квадратном ящике на ножках размером 60x70 см: потники, уздечки, шлея, подгрудный ремень (*хударга*), подхвостник (*нэмэлдэргэ*), переметные сумы (*тулам*, *богсо*) складывались во внутрь ящика, седла – на ее крышке.

Для изготовления сундуков, абдаров в основном использовали кедр и сосну, ибо их смолистая древесина отпугивала насекомых, в такой мебели никогда не заводятся моль, что было немаловажным для бурят, у которых большая часть одежды, постель были изготовлены из шерстяных и меховых материалов.

Для хранения посуды и продуктов использовали специальные полки (*таг*), выполненные из оструганных сосновых или кедровых досок. В пазы двух вертикально установленных досок вставлялись несколько горизонтальных. Число полок зависело от количества посуды, обычно их было три-пять. В старину посуда на такой полке расставлялась по традиционной схеме: на самой верхней – для молочных, на второй – для мясных, на третьей – для зерновых и растительных продуктов. На самой широкой нижней полке размещались деревянные ведра, кадки, котлы, чугуны. Со временем такие полки заменились кухонными шкафами на ножках (*эргэнэг*). По конструкции это был двухстворчатый шкаф с полочками для посуды и продуктов. Традиционная высота *эргэнэг* должна была совпадать с высотой комплекта *ханза* – *үхэг*. Посуда уже расставлялась без учета вышеописанной символики, на верхние полки ставили наиболее ценные фарфоровые и стеклянные чашки, металлические сосуды (*домбо*), тарелки.

Почетное место на северной стороне юрты занимала божница (*бурханай шэрээ*) – обязательный атрибут домашнего интерьера всех кочевых народов Центральной Азии, исповедующих ламаизм: бурят, монголов, тувинцев. Самые ранние божницы были в виде небольших одно-или двухстворчатых шкафчиков. В конце XIX – начале XX века божница состояла из двух или трех предметов, установленных друг на друга. На прямоугольный

столлик с четырьмя ножками, с одним или двумя выдвижными ящиками устанавливали закрывающийся застекленный шкаф (*гунгарбаа или сумэ*). Внутри лесенкой делались две-три полочки, на которые расставляли скульптуры божеств, чашечки для жертвоприношений (*сүгсэ*), другие атрибуты алтаря.

Лицевая сторона божницы богато расписывалась. На красный фон наносились цветы лотоса, к меняли позолоту. Свободное пространство заполнялось растительным орнаментом. Роспись сундуков, посудных шкафов зависела от мастерства и фантазии художника. Чаще всего на темно-красном или коричневом фоне изображали орнаменты «үлзы», «шоу», «меандр», цветы лотоса с бело-зелеными переходами, круги солнца с радиальными лучами, желтые точки в виде цветов, редко встречались изображения львов, тигров, птиц. Так как сундук вместе с подставкой являлись одним комплектом, художественная композиция рисунка выдерживалась в едином стиле.

Деревянные кровати были широкими и невысокими (40–50 см.). Некоторые были сборно-разборными, что было удобным при переездах. Кровати большей частью красили темно-зеленой краской. Цвет в данном случае нес символическое значение – благопожелание иметь многочисленное потомство, жить и процветать на плодородной земле среди обилия зеленых деревьев, трав, цветов. Кровати делались как с ножками, так и без них на невысоких деревянных чурках. Вся мебель делалась без гвоздей и металлических стержней, используя сыромятный клей, деревянные шпунты и угловые крепления в шип.

Большим разнообразием отличалась вся **домашняя утварь**, которую изготавливали не только из стволовой древесины, но и из других частей дерева: корней, коры, бересты, капа. Кроме деревянной утвари, для хранения топленого масла использовали высушенные желудки и толстые кишки животных.

При изготовлении любой посуды мастера старались сделать вещь не только полезную, но и прочную, легкую, удобную при транспортировке.

Самым универсальным деревообрабатывающим инструментом был топор. Там, где требовалась особо тонкая работа, использовали другой древнейший универсальный инструмент – нож. Ножом строгали, резали, расщепляли древесину. Хороший нож и топор берегли и даже передавали по наследству. Народный мас-

тер в условиях кочевого быта, не имея верстака, тисков при резбе удерживал обрабатываемый предмет в левой руке, зажимая его, в основном, между большим и указательным пальцами.

В старину, когда металлическая посуда была большой редкостью, пищу варили в деревянных чашах или корытах: доводили температуру воды до кипения, бросая в нее раскаленные камни.

В повседневном быту использовалась посуда разных размеров: крупномерные кадки (*торхо*), маслобойки, бочки, ведра (*хүнэг*) и маломерные пиалы (*аяга*), корытце (*тэбишэ*), небольшие ведерки для дойки овец (*бортого*), черпаки и поварешки, ложки для салата и многое другое, выполненное в технике долбления. Пиалы для чая и супа хранили в специальной корзине из бересты (*аягын тоорсог*).

При изготовлении крупногабаритной посуды от толстого ствола дерева отпиливали кусок нужной длины и специальным теслом извлекали сердцевину, выдалбливая внутренний слой древесины. Подобным образом изготовляли маслобойку (*хаба* или *бэлэмэр*) для получения домашнего масла. Мутовку (*сохюур*) вырезали из древесного наплыва: на полусферической поверхности заготовки вырезалось несколько отверстий диаметром три-четыре сантиметра, через которые в процессе пахтания входила и выхо-

Работа А.Цыденова

дила жидкость. Процесс этот назывался *хүрэнгэ бэлэхэ*. Для изготовления всех видов молочной посуды выдолбленные заготовки вываривали на медленном огне в течение двух-трех часов в 25% растворе поваренной соли, а затем сушили при комнатной температуре. Это предупреждало растрескивание, к тому же соль защищала древесину от проникновения в нее гнилостных микробов.

Для доения коров использовали подойники двух видов: из цельного ствола и бондарное; второе собиралось из деревянных дощечек, которые подгонялись и скреплялись ивовым обручем (*бургааһан уялгаар*). Донышко было вставное, обычно сделанное

из кедра. Его вбивали в тулово ведра, предварительно вырезав узенький желобок по нижнему краю внутренней стороны стенки. Ручкой служила крученая волосяная веревка, продетая в двойное отверстие с обеих сторон верхнего края ведра.

Обязательной и самой необходимой посудой в любой бурятской семье считались ступки (*уур*) для толчения зеленого чая и соли. Их выдалбливали, а позднее вытачивали из цельного куска березовой древесины. Некоторые из них, богато украшенные резьбой и росписью, представляли собой образец прикладного искусства. Каждая ступка изготовлялась в комплекте с деревянным пестом (*нюдүүр*), различающемся формой массивной верхней головки. Песты украшались такой же резьбой или росписью, как и ступка. В современном быту у сельчан еще встречаются такие комплекты. Появление всевозможных сортов чая, не требующих измельчения, сократили спрос на столь необходимую в недавнем прошлом посуду. Большие кирпичи зеленого чая нарежали в неглубоких корытцах (*тэбшэ*).

Для разделки мясных продуктов, подачи сваренного мяса на стол пользовались деревянными корытцами (*мяханай тэбшэ*). Традиционно они имели продолговатую или прямоугольную формы, невысокие борта, плоское дно, хотя могли быть овальной или круглой формы, с ручками или без них. Материалом для их изготовления служила березовая древесина. Подобная по назначению посуда встречалась у монголов, калмыков, тувинцев. В некоторых современных бурятских семьях тэбшэ используется в качестве разделочной доски.

Береста (*үйһэн*) – верхний эластичный слой коры березы. Белый цвет, отражая солнечные лучи, надежно защищает ствол дерева от перегрева. Этому способствует и то, что она состоит из тончайших слоев, не пропускают влагу. Неповторимую декоративность придают бересте узкие коричневатые черточки, так называемые чечевички. Это своеобразные окна, через которые дышит ствол летом. На зиму эти окошки закрываются, заполняясь особым веществом. Заготовка бересты производится в мае-июне, в период “линяния”, когда она легко отстает от набухшего основного твердого слоя коры. Вдоль ствола острым ножом делают надрез и, приподняв края руками, отслаивают берестяной пласт. Этот древний народный материал очень прочен, практичен. Он не пропускает воду, во многих местах берестой крыли жилища, стелили на пол.

Занятие скотоводством, кочевой образ жизни с вытекающими отсюда нуждами – сезонностью получения большинства продуктов (молочные и растительные – летом и осенью, мясные – зимой), необходимостью делать заготовки впрок, подолгу хранить их – все это предьявляло определенные требования к размерам посуды. Из широких пластов бересты, гибкой и пластичной, шили большие кадки (*торхо*) 60–70 сантиметров высотой для хранения *аарсы* – продукта, получаемого в результате перегонки молочной водки – *тогооной архи*. Боковые стенки и дно из двойного слоя бересты прошивались крученой волосяной ниткой – жгутом, расстояния между стежками составляли 2–3 см. Наполненные продуктом кадки устанавливали на высоких свайных помостах, сверху закрывали берестяной крышкой или куском чистой мешковины. Водянистая жидкость зеленоватого цвета (*хайба*), постепенно просачиваясь через свободное от стежков пространство днища, каплями уходила в землю. К холодам в кадке оставалась густая, довольно кислая молочная масса *аарса*, о диетических достоинствах которой будет написано в главе «Бурятская кухня».

Без гвоздей, клея и прочего народного крепежа ладится самый популярный предмет домашней утвари – берестяной туес, встречающийся не только в юрте, но и в русской избе. Устройство туеса напоминает термос. Он имеет наружную и внутреннюю стенки, между которыми остается небольшая изоляционная прослойка. На внутренней стороне стенок белая меловая поверхность способствует отражению тепловых лучей. Внутренняя стенка должна быть без единой трещины – ведь она удерживает жидкость.

У наружной стенки задача иная – быть красивой и нарядной, недаром ее называли рубашкой. Русские мастера поверхность туесов украшали яркой росписью, кружевным прорезным орнаментом или тиснением. Для внутренней части туеса нужен сколотень. Это целиком снятая береста со ствола спиленной березы. Для этого один конец толстой проволоки сгибают в форме ручки, рабочий конец проковывают на наковальне и закругляют. На проволоке не должно быть острых граней и заусенцев – они могут поцарапать бересту. Просунув ее до середины отпиленного кряжа под слой бересты, ее осторожно продвигают по окружности вокруг ствола и повторяют операцию с другого конца. Из еловой или кедровой доски выпиливают донышко. Диаметр его несколько больше

внутреннего диаметра изделия. Перед тем как вставить доньшко, края стенок распаривают. После этого дно легко вставится, а когда высохнут стенки, прочно закрепится в тuesке. Крышку выпиливают также из еловой или кедровой доски с небольшим запасом. Затем, осторожно срезая ножом края, подгоняют к тuesку, она должна войти с некоторым усилием. Соединение крышки и тuesа настолько прочное, что изделие может выдержать тяжести намного больше, чем весит налитая в нем вода. По этой причине трудно открыть крышку, не расплескав содержимое тuesа. Лишь зная его секрет (слегка наклонить и надавить на стенку), можно успешно справиться с этой задачей.

Хозяйки хорошо знают, что соль, хранимая в тuesке, всегда остается рассыпчатой, «не волгнет», а соленые грибы и огурцы не только долго хранятся, но и приобретают такой аромат, что непосвященному трудно поверить, что в соление не добавлены пряности. Но все же больше всего ценится другое достоинство тuesа – вода, молоко или какой другой напиток долго остается в нем холодным, а горячая вода, наоборот, долго не остывает. Запасы масла, хранящиеся в нем, сохраняют свой вкус и цвет длительный период. Оттого и был издревле тues необходимой принадлежностью пастуха, пахаря, жнеца, охотника, рыбака.

Из дерева делали **игрушки**. Предназначенные для детских забав, они в то же время воплотили в себе многие характерные черты художественного мышления народа. У игрушек из любого материала есть свои параметры, особые качества: они должны быть безопасными, ибо малыш, исследуя ее, в первую очередь подносит ко рту. Наличие острых краев, мелких деталей, о которые ребенок может порезаться, уколотся или проглотить, чревато последствиями. Игрушка должна быть яркой, привлекательной, она должна знакомить его с окружающим миром, призвана будить у него любознательность, развивать воображение. Наиболее любимые деревянные игрушки – это образы диких и домашних животных, так знакомые ему с детства: лошади, жеребята, телята, ягнята, овцы, собачки. Дерево –

живой материал, оно теплое, легкое, мягкое; прикасаясь к такой игрушке, ребенок заряжается, получая положительную энергетику. Это особенно важно сейчас, когда ребенка окружают море пластмассовых, металлических изделий – холодных по своей природе. Особенно полезны для детей берестяные игрушки – небольшие квадратные многогранники сложной конструкции, внутри которых вложены мелкие камешки. Эти игрушки раньше встречались во многих домах, сейчас они большая редкость. В связи с этим нельзя не сказать о творчестве Валерия Дашеевича Цыбикова – учителя трудового обучения школы № 37 г. Улан-Удэ. Уроженец Закаменского района, Валерий с раннего детства учился у своего отца Даши Намсараевича, известного мастера по дереву. В его игрушках, во всех поделках чувствуется удивительное чутье в обработке материала, безошибочное понимание формы, практичности и красоты предмета. На прошедшей в 2003 году персональной выставке в залах музея природы мастер продемонстрировал огромное количество поделок из дерева, бересты, капокорня. И хорошо, что эту любовь к дереву мастер передает своим ученикам. Зорик Юндунов, Руслан Гармаев, Алеша Будаев – ученики Валерия Дашеевича – стали победителями конкурса «Сибирские таланты». На выставке «Дети – духовное возрождение России» Руслан Гармаев со своим учителем удостоены золотой медали. Так что у берестяной и деревянной народной игрушки есть надежные продолжатели традиций в изготовлении, спрос на них всегда был и будет.

Классикой народного искусства бурят является деревянная **скульптура малых форм**. Немало прекрасных образцов произведений этого жанра созданы мастерами. Буряты – прирожденные скотоводы, скот основное их богатство. Количество стад, табунов, отар, их состояние, здоровье было главной задачей, целью, жизненным центром, вокруг которого концентрировались повседневные заботы, семейные планы, надежды. В традиционном искусстве народов Центральной Азии изображения пяти животных (*табан хушуу мал*) преобладают среди всех анималистических образов. Деревянные фигурки животных буряты хранили дома на алтарях, вместе с буддийскими скульптурами, веря, что благосостояние семьи, состояние стада и его численное размножение могли зависеть от наличия в доме их изображений в любом исполнении и из любого материала. При их изго-

товлении мастер передавал знакомые ему с детства позы животных, «только кочевник способен был замечать такие детали, какие обычно ускользают из внимания европейца».

Изготовление таких скульптур не требовало ни длительного времени, ни больших материальных затрат. Как правило, мастер занимался этой деятельностью в свободное от основной работы время.

В Бурятии, Монголии среди настольных игр занимает одно из первых мест игра в шахматы *шатар*. Ей не придавали элитарного значения, как это было на Западе, в нее играли люди всех возрастов и сословий. Правила монгольской, бурятской игры отличаются от европейской, отличаются и шахматные фигурки. В современном быту бурят преобладают шахматы фабричного производства. Комплекты, выполненные в национальной традиции, единичны, в основном они становятся выставочными экземплярами.

В фондах музея истории Бурятии хранится комплект, изготовленный кижингинским мастером Содномом Бодиевым для декадной выставки бурятского искусства в Москве в 1940 году. Все шахматные фигурки хранятся в деревянной коробке, которая сама по себе является произведением декоративно-прикладного искусства. Своеобразна и оригинальна трактовка фигур: так, король изображен в образе старика с посохом, в длинном национальном халате, ферзь – женщина, несущая ведро с молоком, слоны – двугорбые

верблюды, ладьи – козы с огромными рогами, приготовившиеся к прыжку, пешки выполнены в образе щенят. Все фигуры сделаны как хорошие игрушки в реалистической трактовке, каждая из них наполнена значительным содержанием, динамикой. Впечатление от созданных мастером образов усиливается естественной фактурой самого материала – кедра. При изготовлении любой фигурки мастеру необходимы были твердость руки и точность глаз, ибо дерево не терпит переделок. Один неверный нажим ножа – и вещь могла быть испорчена навсегда. Из современных работ нельзя обойти вниманием шахматы, выполненные Анатолием Цыденовым, уроженцем села Мыла Закаменского района. Кроме шахмат, скульптур мастер работает над изготовлением деревянных сюжетных панно.

Наши предки умели мудро пользоваться природными богатствами. Природа была не только домом и кровом, а основой и условием благополучия, богатства, радости, здоровья. Считая себя частицей единой и неделимой природы, человек никогда не старался подчинить ее себе. Ребенок с малых лет учился любить, почитать, охранять ее, не только слушая наставления и назидания, но и наблюдая личный пример старших.

Белый старец – Сагаан Үбгэн.
Работа Анатолия Цыденова. Дерево, резьба.

Главный виновник современных экологических проблем и бед – сам человек, его потребительское отношение к окружающей среде. Чтобы сохранить то, что даровано нам Небом, приумножить наследованные нами богатства наших предков и передать детям и внукам, мы должны использовать многовековой опыт народа, его нравственную культуру, экологические традиции. В культуре бурятского народа был и, думаю, останется самый древний культ – культ природы.

И шепот лиственницы, и березы говор,
Колоче-мягкий взгляд зеленой ели –
Все в гармонии с небом,
Как сговор миров природы в порыве едином.

Г. Базаржапова

Тема 5. Пища как часть культуры народа

Пища – первейшая и основная жизненная потребность человека. Она снабжает организм веществами, необходимыми для его нормального физиологического функционирования, и «энергией», т.е. она – биоэнергетический источник. Биологически человек всеяден, способен употреблять почти все виды пищи, за исключением грубых растительных кормов, потребляемых копытными. В то же время биологическая специфика человеческого организма требует постоянного потребления животного белка и витаминов. Характер и состав основной пищи и способы ее получения являются основными параметрами, определяющими хозяйственно-культурные типы (ХКТ) различных человеческих обществ.

В Центральной Азии – регионе проживания бурят и монголов – распространен в принципе единый тип хозяйствования, основанный на сочетании скотоводства и земледелия. Система питания бурят сложилась под влиянием экологических, исторических и социальных факторов.

Экологический фактор и его следствия – мясомолочная основа питания с ее рациональным соотношением всех элементов, необходимых для правильного обмена веществ в организме (белков, жиров, углеводов, минеральных веществ). Наличие в системе пита-

ния бурят, монголов продуктов охоты, рыболовства, собирательства, земледелия – следствие исторической преемственности форм хозяйства.

Исторически сложившаяся система питания кочевников построена на строгом балансе мяса (и различных блюд из мяса и крови) и молочных продуктов, дополнявшихся в очень небольшом количестве растительными продуктами, а также продуктами охоты и рыбной ловли, которые, однако, имелись не всегда и не у всех групп кочевого населения.

В применении к пище год кочевников делился на два сезона: летний и зимний. Первый длился с апреля до октября, охватывая период от времени отела скота до окончания его дойки – времени обилия молока. В это время перерабатывали и заготавливали молочные продукты для повседневного питания и впрок, на зиму.

В рационе этого периода главенствующую роль играли молочные продукты, изредка употребляли мясо и мучные изделия.

Молочная пища, начиная с колыбели, сопутствует человеку в течение всей его жизни. Молоко и все молочные продукты – самый почитаемый, самый сакральный продукт. У бурят, как и у всех кочевых народов, бытует более десятка случаев ритуального использования молока. С глубокой древности белое молоко ежедневно подносили духам в жилище и за его пределами; самого почетного гостя встречали белой пищей; при отправлении в дальнюю дорогу вслед брызгали молоком, чтобы путь его был широким и чистым; кропили молоком шерсть при валянии войлока; белой пищей угощали духов местности – (*обоо тахихада*); после рождения ребенка, совершая обряд захоронения последа, брызгали в ритуальный костер масло; при возведении дома или новой юрты, при возведении коновязи – *сэргэ* – место установки окропляли молоком; при всех свадебных обрядах – встрече невесты, зажжении нового очага в доме молодых; на всех этапах встречи Нового года – *Сагаалгана*, проведении *сурхарбана*, при чествовании победителей в стрельбе из лука, в борьбе, на скачках – везде присутствует молоко как самый священный продукт. У кочевников существовало разное отношение к молоку различных животных. Например, халха-монголы более всего ценили молоко яков за его жирность

(10–12%), так как из него получали много масла. Тибетцы, у которых як – основное дойное животное, выше ценили масло из молока коровы, менее жирное, но более, с их точки зрения, вкусное. Кобылье, верблюжье молоко шло на изготовление кумыса.

В бурятском хозяйстве основным поставщиком молока является корова, хотя изредка употребляли молоко овец, коз, кобылиц.

Буряты, как и другие кочевники, цельное (необработанное) молоко дают пить только детям. Взрослые пьют его редко, в основном во время вышеописанных обрядовых церемоний. Н.Л. Жуковская – исследователь и знаток материальной и духовной культуры бурят и монголов – объясняет это следующими причинами: «Во-первых, удойность скота кочевников, круглый год находящегося на подножном корме, всегда была не так уж велика. Во-вторых, подавляющее количество молока должно было идти в переработку на кисломолочные продукты, которые усваиваются организмом лучше, чем свежее молоко, и образуют запас продовольствия на зиму. В-третьих, молоко – продукт скоропортящийся. Кипятили только необходимое количество для забеливания чая. Чай пили помногу раз в день, и на это уходило почти все то количество молока, которое семья могла себе позволить выпить в свежем виде. Таким образом, вопрос о свежем молоке решается довольно просто: когда его было много, его пили в «чистом» виде, а много у основной массы скотоводов было не всегда или почти никогда. Отсюда ограничения в потреблении цельного молока» (Жуковская Н.143. С. 127).

Каждый народ имеет свои рецепты приготовления молочных блюд. В запасе бурятских женщин – великих мастериц – их большое количество. Заготавливали на зиму масло, которое получали посредством пахтания молока. Свежесдоенное молоко сливали в сосуд с закваской, а дня через два скисшее молоко – *тараг* – пахтали в деревянных маслобойках (*хүрэнгэ бэлэхэ*). Полученное масло хорошо промывали в холодной воде и заливали в козьи или овечьи желудки. При забое скота толстые кишки, желудки тщательно обрабатывались, вымачивались в молоке с солью. При соблюдении всех правил обработки и хранения в темном месте, законсервированный таким образом продукт хранился длительный срок (до одного года) и даже улучшал за это время свои питательные свой-

ства. Практический опыт кочевников в этой области до сих пор служит объектом интереса со стороны различных фирм, занимающихся выпуском консервированных молочных изделий. В газете «Известия» от 22 мая 1972 года по этой проблеме напечатана статья А. Клевы «Вечная посуда».

После снятия масла оставался обезжиренный вкусный и питательный напиток – *хүрэнгэ*, незаменимый в течение всего лета, во время полевых и сенокосных работ. Однако через 2–3 дня *хүрэнгэ* становился кислым, тогда его сливали в большие бочки (кадки) и выдерживали до тех пор, пока он не становился очень кислым – теперь из него гнали молочную водку (*архи*).

Аарса – продукт перегонки молочной водки. Заготовленная впрок в большом количестве – 10–15 берестяных кадок – аарса употреблялась зимой как сытный, согревающий продукт. В некоторых районах аарсу варили с ячменным зерном или *мэхээрэм* (гречихой живородящей).

С появлением сепараторов молоко стали подвергать сепарированию, при этом получались сметана и обрат (обезжиренное молоко). Сепараторы до революции встречались во всех зажиточных семьях и даже у многих середняков. Их покупали в Иркутске, на ярмарках в Верхнеудинске.

У бурят, которые не готовили кумыса или готовили в небольшом количестве, в ритуальных обрядах использовали молочную водку. На бурятских свадьбах, гулянках из среды участников всегда выделяется особое лицо, которое распоряжается спиртным и *тарасуном* – *хабаши хун*, *хархагша хун* (*хаба*, *хархаг* – кожаные мешки из толстых шкур для молочных продуктов).

Технология перегонки кислого молока на водку у тюрков и монголоязычных народов очень схожа. Известны пять степеней перегонки водки – *архи*, *арза*, *хорзо*, *шарза*, *дунза* – шкала крепости возрастает от 9° до 40° и выше.

В результате кипячения кислого молока винные пары (алкалоиды), поднимаясь вверх по деревянной трубке, собирались в чугунном кувшине. За один раз получалось 1,5–2 литра напитка. Если учесть, что каждому гостю в течение дня хозяйка должна заварить и налить свежий чай, а особо почитаемым гостям налить архи, то требовалось много. Перегонка *тарасуна* проводилась через каждые 2–3 дня по мере накопления кислого молока. У хозяйки всегда должен был

быть запас архи; если ее не было, это считалось для нее позором.

Буряты – прирожденные скотоводы. Веками они разводили пять видов скота: «*Б хушуу мал*», прекрасно знали повадки домашних животных. Потому-то у кочевников бытуют поговорки типа: «Кто выращивает скот – у того губы всегда в масле», «Кто ходит за скотом, любовно ухаживает за ним – живет вдоволь и сытно, трудностей не боится никогда». По традиции, а складывалась она на основе особенностей натурального скотоводческого хозяйства, в каждый сезон употреблялось в пищу мясо сугубо определенного вида: летом – баранина, к зиме – конина, зимой – говядина. В сельской местности этот порядок сохранился и поныне. Мясо диких зверей добывалось только осенью. Мясо разных видов скота оценивалось по-разному, и соответственно различной была роль, отводимая ему в пищевом рационе. Буряты и монголы делили скот на две группы: скот с «горячим дыханием» – (*халуун хушуутай мал*) – овцы и лошади; скот с «холодным дыханием» – (*хүйтэн хушуутай мал*) – верблюды, козы, крупный рогатый скот (коровы, *сарлык* (яки), *хайнаки* (помесь коровы с яком). Мясо овец и лошадей считалось более полезным и более престижным. Рассматривая вопрос о социокультурном значении этих животных в жизни кочевого общества, нельзя не отметить, что именно с ними связано большинство существующих обрядов и обычаев.

Лошадь заключает в себе два социокультурных смысла. С одной стороны, это ноги человека, это часть его – человек в таком миропонимании – это всадник, человек-конь. С другой стороны, конь – это космос кочевника, точка отсчета миропорядка в системе нравственных понятий. Судьба человека неотделима от коня.

Роли лошади в жизни человека будет отведено место в следующих главах работы. В этой же главе мы рассмотрим только те вопросы, которые связаны с использованием конского мяса и молока в системе питания бурят, монголов.

Наши предки, имея в своем распоряжении пять видов скота, в начале зимы забивали именно коня. Хозяева, имевшие табуны, забивали яловых и необъезженных кобылиц, молодняк, который выкармливался кобылицей два с половиной года (*эдьхэл хүхэн гунан*).

Традиционный гастрономический интерес бурят, монголов к конине в последние годы получил теоретическое обоснование.

Ученые Института животноводства и ветеринарии Монголии установили высокую калорийность конины по сравнению с другими видами мяса, высокий процент содержания в ней минеральных веществ (кальция, фосфора, железа – всего свыше 20 видов), аминокислот в белке, очень важных для человека витаминов группы А и В. В журнале «Монголия» №2 за 1976 г. напечатана интересная статья Ж. Гунги «В чем ценность конины?», из которой можно почерпнуть много полезного и нужного. Не задаваясь целью полностью процитировать статью, привожу лишь некоторые интересные данные, касающиеся диетических ценностей конины. Лошадь – животное с однокамерным желудком, лишенное желчного пузыря, обладает мясом, легко усвояемым и с холестерином, практически безвредным для гипертоников. Печень и кровь содержат большое количество минеральных веществ, полезных для страдающих малокровием; конский жир содержит олеиновую кислоту, которая стимулирует нормальный обмен жирорастворимых витаминов в организме человека.

В настоящее время наблюдается рост онкологических заболеваний, один из источников этой болезни – радиация, которая попадает в организм через различные источники (зараженный воздух, телевизоры, всевозможную электронную аппаратуру, рентгеновские лучи, компьютеры и т.д.). И именно конина выводит или нейтрализует ее в организме человека.

Конина – отличный продукт для человека, отправляющегося в дорогу, при употреблении в холодном виде она обладает согревающим свойством. В прошлом буряты очень любили все жирное: сало, масло, жир, современные буряты уже не могут употреблять это в большом количестве.

К особым лакомствам относится конский жир, различают четыре его разновидности. Особо ценили жир, находящийся на загривке (*далан*), – твердый, золотисто-желтого цвета, толщиной с «рукав» (*хамсы шэнги*). Качество и упитанность коня ценили по подбрюшному жиру (*арбин*) – самый жирный определялся толщиной «в четыре пальца». Спина, круп покрыты жиром (*гадар*) толщиной в два пальца. Эти три вида жира употребляли в сыром замороженном виде. Нутряным жиром (*дотор өвхэн*), которого у ло-

шади очень много, заполняли кишки, их отваривали и замораживали – получалось очень вкусное и сытное блюдо, его употребляли только в кругу семьи, угощать им гостей считалось неприличным.

О кумысе и его роли в жизни кочевников написано немало. Еще в 5 веке до н.э. ему воздал должное Геродот, не раз писали о нем китайские хроники разных исторических эпох, его упоминают в своих трудах средневековые европейские путешественники, дипломаты и миссионеры Плано Карпини, Гильом Рубрук, Марко Поло. С конца XVIII века этим напитком заинтересовалась медицина, были открыты его антибиотические свойства, способность содействовать исцелению легочных и желудочно-кишечных инфекций. Кумыс восстанавливал силы организма после длительной депрессии и полуголодной зимы и весны.

Благодаря вкусовым, питательным и медицинским свойствам, а также благодаря своему «священному» белому цвету кумыс играл в жизни бурят, монголов важную роль. Он был непременным компонентом угощений во время праздников. Наряду с молоком его считали символом счастья, носителем благодати. Именно в этом качестве он прежде всего ценился в различных ситуациях сакрального порядка.

Но не только кумысом лошадь помогает здоровью человека. В последние годы широко изготавливают различные биопрепараты и вакцины. Основой их является кровь лошади. Так, делают, например, вакцины против ботулизма, бруцеллеза и др. заболеваний.

Особого внимания заслуживает кровь как продукт питания. Буряты варили кровяную колбасу нескольких сортов, заполняя ею оболочку толстых кишок или желудка. Жидкая конская кровь (*шабай*) при варке получалась светлого цвета, оставшаяся на дне посуды густая масса – *бэлин* – темного.

«Живую» кровь, т.е. кровь живых животных, употребляли в пищу с глубокой древности. В XIII веке Марко Поло писал о том, что каждый воин монгольского войска мог иметь для своих личных нужд до 18 лошадей. Во время быстрых походных маршей в стратегических целях и из-за отсутствия времени не жгли костры и не готовили еду, и тогда основной пищей воинов становилась кровь. Животное связывали, валили на землю, делали надрез вены вблизи шеи и сцеживали кровь в какую-либо посудину, но иногда принимали губами к

надрезу и пили кровь прямо из него. У животного безболезненно для него можно брать не более 300 граммов крови за один раз, и через несколько дней оно эту потерю восстанавливает.

Как походная пища кровь очень удобна: она не требовала ни специальной транспортировки, ни приготовления. Сейчас живая кровь используется главным образом в народной медицине (Этнография... С 123).

Во время полевых экспедиций по районам проживания бурят записаны несколько вариантов угощения почетных гостей вареной конской головой (*адун төөлэй*). Проанализировав имеющийся материал, можно описать следующие этапы этого обряда. Шкуру с головы сдирали полностью, оставляли только на губах. Варили ее целиком без нижней челюсти. На середине лба делался квадратный надрез (в Селенгинском районе зафиксирована круглая форма). Затем последовательно делали 13 разных надрезов: над губой, на щеках, около глаз, под ушами. Вдоль морды прикрепляли три кусочка белого масла – дары духам. В черепе в мозг вмешивали кусочки внутреннего жира. При проведении этого обряда участники обменивались благопожеланиями, исполняли песни, в которых восхвалялись достоинства хозяина и качество табуна, лошадей. В наши дни лошадиная голова в качестве самого почетного угощения – редкость, больше для этого применяют бараньи головы.

Вторым по функциональной значимости животным у бурят является овца. Как уже сказано выше, овца относится к группе животных с «горячим дыханием». Это основное жертвенное животное при совершении различных ритуалов, возможно, оттого, что она является как бы олицетворением самой жертвенности: подверженное заклятию животное переносило смерть терпеливо, беззвучно. Поэтому это слабое пугливое существо как жертвенное животное почиталось народами разных стран и времен: например, агнец божий в христианстве.

Возможно, образ овцы – жертвенного животного кочевников и христианский агнец божий – представляет собой единый смысл Великой жертвенности, исходящий из одного древнейшего источника.

Овец и коз забивали на мясо обычно в теплое время года, что было связано с возможностями длительного хранения. Овец за-

бывали в связи с началом сенокоса, при строительных работах, по случаю приезда дорогих гостей или по мере надобности.

Забой скота – дело мужское. У всех кочевников очень высоко ценилось умение правильно разделывать тушу. Когда хотели испытать умение и ловкость будущего зятя, родители невесты просили зарезать барана. Молодой человек должен был за короткое время рассечь грудь забиваемого животного и, не проливая кровь на землю, снять шкуру, а затем разделать мясо, не применяя топора, расчлняя по суставам. Кровь, аккуратно собранная в посуду, шла в пищу. В соблюдении этих правил отражены представления древнего человека о душе: сохранение целостности костей якобы обеспечивало душе животного возрождение, а в случае с кровью играла роль система нравственных заповедей буддизма, осуждавших любой вид убийства, особенно с пролитием крови.

В том случае, если мясо нужно было сохранить на длительный срок, то, заколов овцу, снимали шкуру, отделяли голову, очищали внутренности, в сычуг наливали кровь – и все это, кроме головы, клали обратно в тушу. Между передней и задней частями туши удаляли один позвонок, загибали как на шарнирах переднюю часть и накладывали на заднюю, передние ноги просовывали в дырки, сделанные в боках задней части и замораживали в таком виде. Тушка хорошо сохранялась до весны, не теряя сочности и других достоинств парного мяса (Линховоин Л. 66. С. 37).

Особую роль при угощении гостей отводили трем именным частям овцы: голове, грудинке, крестцу.

Самому почетному гостю – мужчине принято было подавать баранью голову *«төөлэй»*.

Ценность ее заключалась не во вкусовых качествах, а в чистой символикe – это был знак высочайшей почести.

Название *«төөлэй»* происходит от словосочетания *«түлын дэ-эжэ»*. В бурятском языке словом *«түлэ»* обозначают приплод, молодняк, слово *«дээжэ»* – сливки, самое первое, начальное, лучшее т.е. угощаю гостя «самым лучшим, что есть в моем стаде». Баранью голову остригают, палят до золотистого цвета, тщательно чистят и моют, отделяют челюсти и язык, варят в подсоленной воде до размягчения кожи. На большое плоское блюдо в центр ставится подготовленная голова, с обеих сторон обложенная ребрами с мя-

котью. На лбу делается треугольный надрез. Гость, которому подавали ее, надевал шапку, в левую руку брал голову, снимал шкуру с треугольника и дарил ее бурханам, если это было в помещении. Если действие происходило вне помещения – бросал к небу через голову. Затем делал по два надреза на каждой щеке, кусок мяса с левой стороны предавал огню (очагу), правая сторона не трогалась. Кусочки мяса с затылочной стороны (за ушами) съедал сам. Затем на голову клал ребро с одной стороны тарелки, разворачивал на 180° по часовой стрелке и возвращал тому, кто подавал. Тот, взяв голову, вскрывал череп, обнажая мозг, и возвращал ее обратно.

Кончиком ребра, как ложкой, гость черпал мозг, пробовал сначала сам, затем голову передавал мужчинам по старшинству. Каждый из них отрезал по кусочку мяса с надрезов, съедал немного мозга, и голова возвращалась к первоначальному месту.

В разных районах Бурятии порядок обращения с төөлэй был различным. Например, в Джидинском районе принято было делать семь надрезов (в Закамне – девять) и угощаемый брал кусочки с каждого из них по ходу часовой стрелки и бросал в огонь. При этом он переставлял приложенное к голове мясо бедренной части (*адха-ал*) справа налево. Этим он демонстрировал, что он сразу не хва-

тается за голову, а берет его за ноги. После всего этого гость возвращал төөлэй хозяевам, те вскрывали череп и вновь подавали гостю. Тот отведывал мозг костью ребра и передавал угощение дальше по своему усмотрению. Учитывалось также, что верхняя часть туши барана подавалась только мужчинам, а нижняя часть – женщинам. К верхней (передней) части относились 2 лопатки (*дала*), 2 локтевые части (*адхаал*), 2 лучевые части (*шэлбэ*), 2 челюсти (2 *үргэн*) – всего 8.

Магическое значение имела также грудинка (*үбсүү*), которую подавали ноенам или служителям культа (*ламе*). В предновогодний вечер (*бүтүү үдэшэ*) на хорошо отваренной грудинке делали 2 поперечных надреза и ставили в качестве угощения на божницу. Это называлось ставить *бүүлэг*. Через несколько дней грудинку убирали, мясо делили между всеми членами семьи.

Двум мужчинам следующего ранга (по возрасту и социальному положению) ставились лопатки.

Нижняя крестцовая часть туши предназначалась для угощения лиц женского пола. Их было шесть наименований. Самой старшей по рангу предназначался крестец, остальная часть туши барана отваривалась, нарезалась на куски и дополняла тарелки с именными частями. Одна тарелка ставилась на 3–4 человека, таким образом, мяса одного барана хватало человек на 50–60.

В жизни бурят немаловажную роль играла охота, которая была не только средством добычи мяса, но и одновременно развлечением, способом тренировки участников.

В древности охотились большими группами, об охоте «*зэгэтэ-аба*» писал в своих трудах бурятский ученый-этнограф М.Н. Хангалов; теме «Традиционная охота бурят» посвящена монография С.Г. Жамбаловой.

Все известные кочевникам Евразии способы жарить и запекать мясо восходят к доскотоводческому охотничьему периоду. Наиболее популярными являются два варианта приготовления мяса – поджаривание на углях или в золе в яме, засыпанной землей или заваленной камнями, на которых разводится костер.

Второй способ – запекание туши на вертеле над огнем костра. Был еще третий способ, который редко, но все же встречался у бурят – это запекание туши при помощи раскаленных камней, забрасываемых через горловину в брюшную полость животного.

Для этого использовались обычно не освеженные туши коз, кабанов, горных козлов, тарбаганов, а из домашних животных – только коз.

Приготовление мяса на углях, на открытом огне, совершаемое не в семейном кругу, а на открытом воздухе и только в мужском обществе, семантически связано с «диким» полем, лесом, мужским началом. Круг людей, которым это было доступно, был ограничен. Охота была занятием в основном знати, на нее собирались люди, состоящие в дружеских отношениях, для них это было прекрасным поводом отдыха и развлечений. Приготовленное такими способами мясо считалось элитарно-престижным деликатесом.

В хозяйстве бедняков, где на счету была каждая шкура животного, такие способы практически не использовались, т.к. шкура уничтожалась полностью. (Жуковская Н. 143. С.122)

Лодон Линховоин в своей книге об агинских бурятах описывает два способа приготовления тарбаганьего мяса, которые приводим ниже. Мясо и жир этих степных животных у бурят считается лечебным, особенно при заболеваниях легких и дыхательных путей. Способ «*хабшалга*» (зажимание, прессование): роют яму, в нее опускают раскаленную каменную плиту, покрывают травой, на нее кладут распластанную тушу, сверху опять покрывают травой и придавливают второй раскаленной плитой. Если камень остывает, на нем разводят небольшой костер.

Второй способ называется «*боолго*» (завязывание): из туши через горло вынимают внутренности и кости, а брюшную полость начинают диким луком (*мангир*), солят, добавляют крошеные потроха. Затем внутрь кладут раскаленные докрасна камни. Камни для этого берут из-под земли, так как они не раскаляются при нагревании (в отличие от камней с поверхности земли). Отверстие завязывают, и начинают тушу катать по земле, в случае надобности камни меняют. Через некоторое время шерсть выпадает, туша становится округлой и желтоватой, оставшуюся местами шерсть опаливают. Готовое мясо пропитывается жиром, собственным соком и считается особо лакомым блюдом (Линховоин.Л.66. С. 38). У монголов этот способ называется «*боодог*». Современный вариант приготовления: туша, разделанная на части, вместе с раскаленными камнями закладывается в плотно закрывающуюся металлическую флягу, которую катают по земле до полной готовности

мяса. Варка мяса животных в металлической посуде в воде связана с домом – женским началом. На траурных трапезах допускаются только вареное мясо.

Очень важным символом и оберегом охотничьей удачи являлось *зүлдэ* – голова, сердце, язык, легкие, пищевод животного. Эту долю хозяин обязательно оставлял себе, а от всех остальных частей мяса могут быть выделены доли родственникам.

К числу народных способов консервирования мяса следует отнести изготовление мясной муки: мясо нарезали мелкими кусочками и жарили в котлах до черноты, образовавшиеся комки растирали в муку. В таком виде она долго сохранялась, была транспортабельна, ее запасали, отправляясь в дальний путь. В таком порошкообразном состоянии целая туша животного вмещалась в его желудок. Существовал и такой способ консервации мяса как изготовление *борсо*. В декабре или январе мясо нарезали длинными лентами (30–40 см) и подвешивали на веревках в амбаре. К весне влага постепенно испарялась, получались рыхлые, сравнительно мягкие ленты. При этом вкусовые и питательные свойства сохранялись полностью, их удобно было брать в дорогу.

В современных условиях борсо имеет ограниченное применение, хотя это один из самых практичных способов консервации продукта.

Многие элементы мяса диких животных использовались как лечебные. Не задаваясь целью дать объемную картину средств и методов народной медицины, назову лишь некоторые, наиболее популярные, хорошо известные.

Широко использовали мускусную струю кабарги – *ларза*. Ее можно было найти в домашней аптечке каждой семьи; она помогала при простудных заболеваниях как жаропонижающее, при стоматитах, применяли при грыжах, заболевании мочеполовой системы. Особенно ценились печень и кровь животных, сырую кровь пили от легочных заболеваний, печень потребляли при истощении, малокровии.

Медвежья желчь (*нэлхэн, домти*) – использовалась для смазывания язвочек при стоматите. Желчь хорошо помогает при лечении ангины, воспалениях горла, отеках гортани, ценилось как средство от желудочных заболеваний. Подкожным медвежьим жиром лечили легочных больных, применяли при кашле, особенно при бронхите. Людям, страдающим остеохондрозом, радикулитом, предлагалось спать на медвежьей шкуре. Медвежьим ла-

пам приписывалась магическая сила вылечивать болезнь вымени у коров. Череп медведя вешали над дверью (или хранили на крыше) – считалось, что он отпугивает злых духов.

Настойку пантов – кровяные рога маралов – использовали как средство, заживляющее раны, повышающее жизненную силу, омолаживающее организм.

Определенные праздники требовали использования определенной кости. Например, в предновогодний вечер «*бүтүү*» обязательно варили берцовую кость (*шаанта сэмгэ*) и *нээр*.

За зиму собиралось довольно много крупных мозговых костей, мослов. Их собирали, подсушивали, мелко размалывали на ручных жерновах или дробили. В результате долгого кипячения в глубоких плоских котлах на поверхности выделялось костное масло. Оно считалось целебным и употреблялось в пищу преимущественно весной, когда заканчивались запасы мяса, это было заметным подспорьем. Это масло также использовалось при обработке шкур. Им смазывали мездру, затем ее мяли, смазывали кислым молоком и продолжали процесс выделки – в результате шкура получалась мягкой и прочной. Костное масло шло и для смазывания кожаной сбри, обуви.

Определенные правила нужно было соблюдать при обращении с костями. Обглоданные черепа животных выбрасывали или сжигали, черепа жертвенных животных (овец, лошадей) подвешивали на специальные шесты, на колья ограждений, высохшие нижние сучья деревьев. Нередко черепа встречались и на *обоо*, если они располагались поблизости от жилища. Череп умершего коня старались отнести повыше в горы, при этом ушные, глазные впадины затыкали белыми камнями (Вяткина К. В. 1960.)

Баранья лопатка предназначалась для гадания. Гадали по лопатке овцы, родившейся в стаде именно этой семьи, масть и пол животного не имели значения. Если не гадали по лопатке, то ее выбрасывали, предварительно разломав, оставить лопатку целой считалось грехом. Разбивать положено ударами пальца. Делают три щелчка средним пальцем: первым ударом разбивают лопатку напополам, вторым – разбивают гребень, третьим – отбивают головку, затем, сжимая в горсти, ломают пополам боковую часть ладони лопатки.

1 – головка, 2 – чашечка -углубление – «хозяйский котел»,
3 – ладонь лопатки, 4 – гребень, 5 – дорога скота.

У бурят, монголов и калмыков после того, как с лопатки съели все мясо, – а делили ее между всеми участниками трапезы, – устраивали своеобразное состязание в знании ее особых примет, образно и увлекательно рассказывая по ней о хозяевах дома.

На головке лопатки имеется чашечка-углубление, называемое «хозяйским котлом». Если углубление глубокое и на дне имеется «накипь», то хозяин живет богато, часто варит сытную пищу. Если котел широкий, с обширными краями, то хозяин ее богат и хороший человек; если он узкий и глубокий, то хозяин – средний богач и находится при делах, если же котел широкий и толстый – хозяин красноречивый и веселый человек.

Если ладонь лопатки (плоская часть) тонкая, просвечивает, то будущая зима будет бесснежной и холодной. Если же вокруг ладони много серой массы и кость плохо просвечивает, то зима будет снежной и теплой. Если ладонь широкая, то двор у хозяина просторный, широкий, где может разместиться много скота.

На ладони находится гребень (возвышающаяся вертикальная часть). Если край (вершина) гребня выдается выступом вперед, это признак того, что хозяин, угощающий гостей, человек гордый, уверенный в себе, может быть, даже высокомерный. Если такого выступа нет, вершина как бы скошена, это характеризует хозяина с противоположной стороны, т.е. это показывает гордость хозяина. Если гребень высокий, широкий, то скота будет в этом году много. Если боковая часть лопатки толстая, то все копытные в этом году будут расти быстро.

Особым почетом пользовались люди, умеющие гадать по лопатке. Относительно истории появления обычая гадать существует несколько версий. Привожу кратко одну из них: «Давно находилось стадо в 70 баранов, белизна которых была белее молока. Однажды оно

пошло на водопой к морю. Находясь у воды, увидело в воде подобных же себе. Заключив из этого, что такое же стадо живет в воде, бараны стали бегать по берегу взад и вперед с бляением. В это время великий царь Лусов (драконов), узнав причину беготни, сказал, что между животными это стадо занимает последнее место, но среди него есть один белый баран белее белого молока. И так как у людей много зла, несчастий, болезней и прочих напастей, то, сжалившись над ними (т.е. над людьми), царь Лусов бросил этому барану один знак, который попал в его лопатку. Затем он произнес слова: да пользуются этим знаком и все существа» (Эрендженев К. 140. 1985).

При гадании лопатку клали на горячие угли – «огонь должен быть не очень сильным и не очень медленным; должны при этом присутствовать не более 2–3 человек, сжигание надобно совершать безмолвно, не думать ни о чем постороннем, руки и ноги не держать крестообразно». После того как лопатка почернеет (обгорит), осторожно взяв ее в руки, смотрели на свет, и по многочисленным приметам (трещинам, цвету, месту сколов и обгорелостей и т.д.) производили само гадание.

Растительная или зеленая пища восполняла в организме человека его потребность в одном из основных углеводов – крахмале. Не только дикорастущие, но и культурные злаки достаточно давно вошли в рацион питания кочевников.

Из зерновых употребляли ячмень, ярицу (рожь), пшеницу. Зерна толкли в ступах, затем провеивали, используя берестяной лоток, поджаривали в плоском чугунном котле до обугливания оставшейся шелухи, толкли и снова провеивали. Чистое жареное зерно мололи на ручных каменных жерновах – получалось *аагаһан*. Смешав его с маслом и небольшим количеством чая, готовили кушанье *замбаа*. Блюдо было питательным, его особенно ценили охотники, даже сейчас берут с собой на сенокос, охоту или отправляясь в дальний путь.

Употребляли в пищу клубни лилии карликовой – сараны (*ула-алзай, тибһэн*). Этот красивый цветок растет на сухих участках, каменистых склонах гор, может выдерживать сорокоградусные морозы. Ее узкие листья ограничивают испарение влаги с поверхности, а запасы питательных веществ клубней позволяют выжить в любую засуху. Белые клубни, очищенные от земли, варили в молоке, добавляя черемуху, тушили. Делая запасы на зиму, клубни засу-

шивали, затем перемалывали или толкли в ступках, получалась своеобразная мука. Ныне сарана занесена в Красную книгу Бурятии, ибо ее лечебные и пищевые качества явились причиной исчезновения возле населенных пунктов.

В некоторых районах собирали в большом количестве корешки гречихи живородящей (*мэхээр*). Очищенную и размолотую муку смешивали с замбаа. Из пшеничной или ячменной муки готовили лепешки – «*золянки*» – тесту придавали форму лепешки и выпекали в горячей золе. Дно очага покрывали чистым крупным речным песком, затем растапливали очаг, в горячий песок с золой зарывали лепешку. Лепешка получалась с золотистой корочкой, особенно вкусными были горячие лепешки со свежим домашним маслом.

Мучные изделия, хлеб преобладали в рационе питания западных бурят, у восточных долгое время считался деликатесом, ибо их в основном обменивали на продукты животноводства у русского населения. Из пресного теста делали своеобразные пряники *бообо*. Были они круглой формы

Формы для выпечки пряников бооба

(*түхэрээн бообо*) и овальной (*ула бообо*). Их в большом количестве кипятили в масле по случаю семейных и календарных праздников, посещения дацанов, приезда гостей.

Любимым традиционным бурятским блюдом является саламат (*зөөхэй*). Это не будничная пища, она обязательно варится при совершении различных ритуалов, обрядов – свадебных, приеме гостей, при встрече Сагаалгана или подношениях духам местности (*обоо тахиха*). Саламату приписывали определенную сакральность, по качеству блюда предсказывали исход дела, события, по поводу которого совершался обряд. Если при приготовлении саламата масло отделялось быстро, и он «получался», ожидали удачу, в обратном случае, вместо саламата получалась просто мучная каша. Для сала-

мата больше всего подходит ржаная мука грубого помола, самой лучшей считается чугунная посуда. В прошлом до появления муки как продукта земледелия использовали мучнистую массу из высушенных и размолотых корней съедобных растений, чаще всего муку из гречихи живородящей.

Самый распространенный у кочевников напиток – зеленый чай с молоком. Пить черный чай считалось кощунством, это расценивалось как предзнаменование обнищания, лишения основного богатства – домашнего скота.

Чай проник в Монголию из Китая в конце XVI – начале XVII века. В XVIII–XIX веках приграничный город Кяхта монополизировал торговлю чаем, развозившимся не только по территории Бурятии, но и по всей России и Европе.

Общеизвестно, что содержащиеся в чае дубильные вещества, кофеин оказывают на организм человека благотворное влияние. В некоторых районах (особенно в приграничных с Монголией) добавляли в него, кроме молока, масло и поджаренную муку (*зутараан*), получался сытный, хорошо утоляющий жажду напиток. Помимо привозного чая были известны его заменители. Бедняки часто использовали листья кровохлебки (*хүдэн*), в качестве заварки употребляли плоды шиповника, иван-чай и сгнившую березовую сердцевину – чагу.

Издавна известно бурятское гостеприимство. Отправляясь в дорогу, брали с собой минимум продуктов, ибо в таких случаях действовал неписанный закон кочевой цивилизации: в любой юрте путника напоят, накормят, а иногда, в случае необходимости, дадут и коня.

Каждому новому гостю хозяйка должна была сварить свежий чай и подать к нему угощение. Вместе с гостем садились за трапезу и хозяева. Именно поэтому трудно было зафиксировать точное количество ежедневных чаепитий в быту бурята.

Очень важным моментом при подаче угощений гостям являлось положение рук.

Что бы ни подносила хозяйка гостю – чай с молоком, молочную водку – *архи*, она обязательно делает это либо обеими руками, либо только правой. Пиалу держат в правой руке, кончиками пальцев левой руки придерживают себя за локоть правой. Такой

жест объясняется следующим: бурятский халат имеет длинные рукава и обшлага (манжеты). Поэтому, подавая пиалу правой рукой, женщина слегка оттягивала на себя левый рукав, чтобы его края не задевали содержимое пиалы. Современная длина рукавов значительно сократилась, но этот жест продолжает сохраняться как основной «жест гостеприимства».

У бурят с правой рукой связано представление о том, что эта «рука благодати» (*хэшэгтэй гар*), и только ею делается что-то важное: доить скот, вручать и принимать подарки, отдавать что-то на сторону.

В свою очередь, человек, принявший пиалу с чаем, водкой, опускает в нее средний палец правой руки и брызгает в сторону очага – жест угощения духа огня дома.

Жизнь людей была тесно связана с природой, человек являлся частью ее. Поэтому они хорошо понимали, как им нужны живущие вокруг них животные и звери, окружающие целебные воды и растения. Непрозрачность, изменчивость судьбы требовали постоянной подстраховки. Предметы, выступающие в роли магических инструментов, практически не ограничены и включают в себя чуть ли не все материальные предметы окружающего мира. Даже такому весьма прозаическому предмету, как помет скота, в системе магической охраны принадлежала особая роль.

В степных районах помет собирали, сушили на солнце, складывали в кучи, укрывали от дождя и снега, возводили над ним навесы – впоследствии его использовали как топливо. Весной готовили *ури* – сухой помет складывали в конусообразные кучи высотой 1,5–2 метра. В зимние холода стелили в сараях, стайках, где держали скот. Сухой толченый овечий помет – желателен трехгодичной давности – насыпали в качестве подстилки под роженицу, насыпали в люльку новорожденного. Считалось, что от него исходит тепло, и он обладает антисептическими свойствами. В некоторых районах во время похорон место захоронения устилали слоем сухого помета. Здесь налицо обрядовая символика принципа бинарности – жизнь – смерть, приход в этот мир и уход из него.

У кочевников особая магическая роль отводилась лошадиному помету. При заболевании вымени или сосков у коров молоко сцеживается на конский катышок и выбрасывается. К кровоточа-

щим ранам прикладывают пепел от сожженного конского помета. Если человек отравлялся угарным газом, то к его вискам прикладывали катышки – они вытягивали из организма ядовитый газ. При лечении у женщин послеродовых осложнений, связанных с простудными заболеваниями, использовался навоз крупного рогатого скота. При забое любого домашнего животного содержимое кишечника и желудка собирали в емкость и использовали как лечебную ванну при ревматизме, полиартритах.

Небольшую долю в рационе бурят составляла рыба. Буряты, проживавшие по берегам озер Байкал, Гусиное, Еравны, ловили ее в достаточном количестве, в реках степных районов водились хариусы, ленки, щуки. Особое отношение бурят было к налиму, ловили его большей частью для того, чтобы использовать в лечебных целях его печень. Видимо, сохранились отголоски верований о том, что рыба налим была тотемом некоторых бурятских родов и племен.

В наше время, в эпоху быстрого распространения унифицированной урбанистической культуры, этническое своеобразие народов в материально-бытовой сфере постепенно стирается. Однако в области пищи этнографическая специфика сохраняется более стойко, нежели в других сферах материальной культуры, например, в одежде и жилище.

Эта стойкость традиций делает их изучение важным источником знаний об этнической истории народа.

В бурятской кухне наблюдается все больше иноэтнических заимствований. Почти повсеместно распространено потребление кофе, пива, различных безалкогольных напитков. Всюду можно встретить различные бутерброды, сыры, колбасные изделия, мясные, рыбные, овощные, фруктовые консервы, макаронные и кондитерские изделия.

В питании сельского населения преобладает традиционный набор продуктов, но все же принципиальной разницы между системой питания горожан и сельского жителя нет.

В течение многих столетий складывались привычки и традиции каждого народа. Много в них целесообразного, исторически обусловленного, соответствующего национальным вкусам, образу жизни, климату. Кулинарные рецепты, созданные народом, не случайны, не произвольны.

Природа предоставляет человеку прекрасные образцы правильного и полного использования пищевых ресурсов.

Заканчиваю главу о бурятской кухне стихами народного поэта Н.Г. Дамдинова, написанными в 1993 г. для кинофильма «Я – сын Земли бурятской» о народном артисте России Михаиле Елбонове:

О, бурятское гостеприимство!
Молочной водкою, архи,
Гостей приветливо здесь потчуют.
Буряты буузы любят очень,
О них слагаются стихи.
Пусть в саламате масло плавится,
Отведав, пальчики оближете.
А вот баранина, как видите.
Чай с молоком потом появится.
Все, чем богат цветущий дол,
Вобрал в себя бурятский стол.

Тема 6. Бурятское жилище

Озеро Байкал, вокруг которого живет бурятский народ, можно считать центром Байкальского региона. На этой территории особое сочетание физических полей, обусловившее интенсивность всех обменных процессов, как в недрах Земли, так и на ее поверхности. Здесь сошлись степи и леса, многочисленные виды флоры и фауны. Все это не могло не оказать специфического влияния и на живущего здесь человека.

Осваивая время и пространство, каждый народ в рамках созданной им этнической культуры создавал свою модель мира, вырабатывал в течение столетий наиболее рациональный в данных условиях тип хозяйства – кочевое скотоводство или оседлое земледелие, и непосредственно вытекающий из него уклад жизни.

Основопологающие принципы художественного творчества нашли отражение, прежде всего, в народном зодчестве – пространственных сооружениях, конструкции жилища.

Кочевой образ жизни издавна определил тип герметически замкнутого компактного жилища – сборно-разборного сооружения из решетчатого каркаса и войлочного покрытия, круглого в основании и с полусферическим верхом. В определенных условиях юрта – совершенная конструкция, как в практическом, так и в эстетическом отношении.

Многовековая эволюция кочевой юрты выработала ее четкие пропорции, правила сборки и разборки, формы и способы ее украшения и меблировки.

Размеры юрты соответствуют масштабу человека, внутренняя планировка учитывает интересы и вкусы ее обитателей, обеспечивает хозяйственно-бытовую деятельность. Бурятское название войлочной юрты – *һэеы гэр*, деревянной – *модон гэр*. Юрта представляет собой легкую сборно-разборную постройку, приспособленную к транспортировке на вьючных животных.

Практическая необходимость и художественная целесообразность заставили кочевников подчинить все размеры единому модулю и унифицировать все детали.

Конструктивный объем юрты состоит из 9 основных частей. Остов стен составляется из связанных между собой складных деревянных решеток, которые определяют размеры и вместимость жилища. Каждая решетка, составляющая общую стенку, состоит из плоских реек, наложенных друг на друга косою клеткой и скрепленных волосяными веревками.

Благодаря тому, что эта конструкция сжимается или растягивается гармошкой, можно было уменьшать или увеличивать до необходимой высоты юрту или складывать ее во время перекочевков. Шарнирная конструкция решеток стен обеспечивала такое немаловажное свойство юрты, как сейсмоустойчивость.

Остов крыши юрты, образующий свод, состоит из выстроганных жердей (*уня*) гибких пород деревьев, которые втыкаются наверху в специальный круг – *тооно* – диаметром около метра. Обод тооно изготовляли из березы, на нем были выдолблены отверстия для вставки заостренных верхних концов ун्या, количество которых обычно делали 60. Нижние концы ун्या укреплялись на головках (*тархи*) решеток-стен. Для придания устойчивости устанавливали два опорных столба (*тээнги*), верхние концы которых упирались в тооно. Тооно разделялось несколькими расходящимися по радиусу жердинками, которые назывались *дааган* (от слова *дааха* – нести на себе). Дааган предназначались для поддержания тооно в ненастье и холод. К каждому углу покрывки (*үрхэ*) пришивалась длинная веревка, которую натягивают по войлочной кровле и привязывают к низу решетки. Через тооно в юрту проникал свет, поэтому при помощи веревки, пришитой к переднему углу, открывали *үрхэ*. Кроме того, тооно служило дымоходным отверстием. Решетчатый остов юрты покрывали большими кусками войлока (*түүргэ*), длина каждого около трех метров. В целях антисептирования войлок заранее пропитывали раствором кислого молока с табаком и солью и хорошо просушивали. По верхнему краю войлочного покрытия закреплялись волосяные веревки – *зээг*. Войлочные покрытия накидывали по определенному, издавна установившемуся порядку: сначала юго-западную кошму, потом юго-восточную, затем две другие набрасываются так, чтобы их края придавливали концы двух первых. Такой порядок диктовался практической необходимостью, поскольку неприжатые края передних

полотнищ могли быть приподняты или сдернуты северо-западными ветрами. Углы каждой кошмы имеют веревочки, посредством которых они привязываются к уняя и стенным решеткам.

После установки түүргэ накидываются *дээбэри* – два больших куска войлока, узких наверху и широких внизу, верх и низ дээбэри – полукруглые. Сначала накидывают переднюю кошму, потом заднюю. Самыми лучшими, плотными кусками войлока покрывают стены и кровлю юрты с северной стороны для защиты от северо-западных ветров, чтобы дождевая вода не попадала на домашний алтарь, постель и сундуки с одеждой и украшениями.

Покрытая войлоком юрта затягивалась по периметру поясами, свитыми из конского волоса (*бүһэ, хошлон*). Пояса протягивались по верху и середине войлочных стен, привязывались к дверным рамам. Нижняя часть стены называлась *заяа* и закрывалась специальными войлочными лентами – *хаяабши*, которых было три или четыре. По мере надобности они натягивались или убирались. В зимнее время хаяабши заваливали сухим навозом. В теплое время, если становилось в юрте душно, для вентиляции угол заднего войлока приподнимали и засовывали за пояс юрты. Земляной пол покрывался очень толстой, плотной кошмой. Разборка юрты проводилась в обратном порядке.

Как видим, при установке юрты в качестве всех связок используются веревки из конского волоса. У бурят и монголов считалось, что именно по конскому волосу с верхнего мира духи предков спускают с небес благодать и счастье.

Утилитарная функция волосяной колючей веревки, особенно по нижнему краю, чтобы не заползали твари, в данном случае отходит на второй план. Кроме магического значения волосяные веревки обладали еще одним немаловажным свойством: промокая от дождя или снега, веревка не изменяла своей длины, поэтому она в любом состоянии плотно закрепляла покрытие юрты. Кожаные веревки от влаги растягивались, а, высохнув на солнце и ветру, наоборот, деформировали войлок.

Пространство юрты имеет несколько знаков-символов, с помощью которых оно осваивается, отгораживается от остального мира и которые выступают как обереги, как сакральные объекты. Прежде всего, это очаг.

Очаг (*гал гуламта*) – это семантический центр юрты, кото-

рый выступает как точка отсчета при организации ее пространства, и место, вокруг которого протекает вся жизнь семьи. Человек уже в глубокой древности осознал, что он единственный из всех живых существ владеет огнем и это выделяет его из всего окружающего мира. С тех пор огонь стал для него объектом поклонения.

Кроме того, очаг – связующее звено между предками и потомками, символ преемственности поколений, символ объединения определенной группы людей и одновременно противопоставления ее всем другим (чужой огонь, чужие люди). Эта идея передавалась в древности с помощью трех камней, которые назывались «*тулгын гурбан шулуун*» (три опорных камня). Изредка такие тулга встречались в жилищах бедняков еще в начале XX века. В центре юрты сооружали очаг (*гуламта*): мелкие камешки смешивали с глиной и этим раствором заполняли пространство, предназначенное для очага. Такой глинобитный участок был примерно на 5–10 см выше земли. На этом месте (*гуламта дээрэ*) устанавливали железный треножник или таган на четырех ножках (*тулга*), на который ставился чугунный котел для варки пиши. У скотовода, охотника очаг там, где он разводит огонь. Огонь – живое, родственное существо, поэтому с ним разговаривают, ему рассказывают о своих делах, его просят о помощи и поддержке. Огонь не должен гаснуть всю ночь, он живет в очаге всегда. И когда охотник спит, расположившись у огня, хозяин очага обходит соседние места и подгоняет доброму охотнику зверя. Очаг обеспечивает взаимосвязь сырого и вареного продуктов, превращая одно в другое. Здесь проявляется вторичная культурная функция огня. Она отражает уже возросший уровень хозяйственно-культурного развития народов.

С очагом и огнем связан ряд важных запретов, от соблюдения которых зависит благополучие семьи. Цель их – ни в коем случае не допускать осквернения очага и оскорбления хозяйки огня, ибо это может привести к распаду семьи, гибели ее членов, угасанию рода. Запрещалось лить воду на огонь. Этот запрет известен многим народам Евразии (якутам, бурятам, монголам, таджикам, русским и др.). Из глубины веков пришло поверье о вражде духов-хозяев воды и огня. Огонь и вода – взаимоуничтожающие элементы стихии: огонь заливается водой, а вода высушивается жаром от огня. В случае необходимости потушить костер в степи, в лесу – присыпали пламя землей, а после заливали водой, причем воду лили не сверху,

а по краю костра, чтобы вода снизу потушила его. При этом не нарушалось равновесие – земля – вода – как взаимодополняющие друг друга элементы. Также запрещалось касаться огня ножом или каким-либо острым предметом, рубить топором возле огня. До сих пор встречается запрет сидеть, спать, вытянув ноги в сторону очага, – считается, что это может оскорбить духа-хозяина дома. Нельзя бросать в огонь мусор, грязь, особенно волосы, плевать на огонь, топить плохими дровами. Один из древнейших и строго соблюдавшихся запретов – запрет гасить огонь в очаге. Погашенный огонь – символ упадка рода, распада семьи. Огонь может догореть и погаснуть сам, хотя, вероятно, в более ранние времена огонь в очаге должен был гореть постоянно. У бурят отмечен обычай: когда сыновья отделяются от отца или дом продается за долги, в очаг льется вода, чтобы огонь угас и «не видел» разорения дома (Жуковская Н.43. С. 18).

Роль огня подчеркивается еще тем, что его место закреплено среди пяти стихий, где он противопоставлен воде. Огонь должен гореть хорошо, поэтому нельзя класть в него сырые дрова, так как они дают много дыма и трещат.

В работе Г.Р. Галдановой «Культ огня у монголов», написанной на материалах разных обрядников, дается различная трактовка происхождения огня и представления о внешнем облике божеств огня и, тем не менее, «между божеством огня и самим огнем нет различия».

Божество огня обладает всеми свойствами материального огня: блеском, жаром, дымом, оно красного цвета, многоязыкое (языки пламени).

Эпитеты огня, встречающиеся в древних гимнах, – масляноликий, обладающий дымом, теплом, шелковый, красного цвета – говорят о том, каким было божество огня в представлении древних халха-монголов, бурят.

Множество запретов свидетельствует о том, что божество огня представлялось одушевленным существом. Принося жертвенные предметы огню, поют:

Почитаю тебя жиром и маслом,
Одариваю тебя шапкой из выдры,
Одеваю тебя в золото и серебро.

(Г. Галданова. 150).

Первоначально божество огня представлялось божеством женским. Слово «эхэ», которое постоянно добавляется к названию божества, указывает на то, что это – мать, начало всех начал. У большинства тюркомонгольских племен слово «от» означало огонь. Такие понятия, как «удха», «отог» происхождения от «одного огня» – т.е. от одного рода. Религиозное почитание огня возникло, видимо, в эпоху матриархата, что подтверждают археологические находки – женские статуэтки, найденные в непосредственной близости от домашнего очага.

Огонь, как олицетворение женского начала, считался источником плодородия, богатства, а очаг – хранителем и дарителем жизненной силы – *һүлдэ* детей и животных.

Олицетворение божества огня в мужском образе относится уже к периоду патриархально-родового строя. К этому же периоду следует отнести образование понятия *отхон* – младший. Это слово в сочетании с *хүбүүн* означает, младший сын. У бурят отцовские владения, отцовский очаг наследовал младший сын. В эпоху патриархата хранителем родового очага становится мужчина, младший сын, но за женщиной еще долго сохраняется обрядовая роль в культе огня.

До сих пор сохранился обряд очищения огнем. У всех народов огню приписывалось свойство очищения от нечистоты, зла, изгнания злых духов, лишения их дурных намерений и помыслов. О вере в очистительную силу огня и очага говорит тот факт, что у некоторых народов сажа или глина с печи употреблялись как лекарство. У бурят существует обычай, когда в семье рождается ребенок, то кто-нибудь из членов семьи – обычно повитуха или бабушка – ставит на лбу ребенка пятно сажей из очага. Здесь проявление древнейшего верования: знакомство нового члена семьи с хозяйкой очага, которая в дальнейшем будет его покровительницей, защитницей от всякой скверны, от негативного влияния. Накануне наступления Нового года – Сагаалгана в дацанах проводится обряд Дугжуба, где в ритуальном костре уничтожаются все людские прегрешения, болезни за минувший год. При обряде очищения огнем, который проходили участники похорон, около двух костров стояли две женщины, которые брызгали водой и читали заклинания.

По случаю больших праздников, начала больших мероприятий, при болезнях, неудачах приносили божеству огня жертвоприноше-

ния. В Сагаалган в связи с проводами Галай хана старого года и встречей Галай хана нового года, угощая духа огня, говорили следующее:

Ушел старый год, наступил новый год.
Совершаю жертвоприношение грудинкой белой овцы,
Да исчезнут страдания и смерть,
Да установятся счастье и благоденствие.

На этом торжестве благодарили Галай хана за все хорошее, что было в прошлом году, просили его быть в новом году милостивым, не гневаться. Поклонение огню, закрепленное в различных культах и нашедшее отражение в соответствующих ритуалах, явление мирового порядка. Известный русский этнограф В.Н. Харузина писала: «Культ огня и его проявления в верованиях, обрядах и обычаях народа слишком ярко бросаются в глаза, чтобы остаться незамеченными. Едва ли можно найти этнографическое описание, в котором не было бы затронуто почитание огня».

Буряты ежедневно, сварив утром чай, обязательно угощают им хозяина очага, т.е. ему раньше всех в доме предлагался чай нового дня.

Жертвоприношения умиловительного характера совершались в случаях распространения болезней, пожаров, падежа скота, гибели детей от ожогов, кожных заболеваний. Причину этих несчастий верующие объясняли обидой или гневом божества огня из-за непочтительного отношения к нему, осквернения огня нечистыми предметами, волосами, ногтями.

В случаях перекочевки на новое место, выезда на охоту или в дальнюю дорогу совершался обряд призывания счастья, благоденствия, жизненной силы.

Кроме того, кочевники совершали специальный обряд, связанный с чадородием. Считалось, что божество огня способствует деторождению и умножению богатства. Понятия огонь – женщина – дети – жизнь находятся в непосредственной связи. В некоторых бурятских легендах сохранились упоминания о том, что в древности был в силе даже обычай убивать бездетных женщин и гасить огонь их очага. Широкое распространение вплоть до 30-х годов в Бурятии имел место обряд «*умай тахиха*». Для его проведения собирали дары: шкурку черного соболя, драгоценности, белую овцу, белый

шелк, топленое масло, архи, курительные свечи, зерна. Все это приносили в жертву божеству огня с просьбой: «Пусть у меня будет столько детей, сколько здесь зерен».

Проводился также обряд приобщения невесты к домашнему очагу – очагу жениха. После угощения божества огня она обращается к нему с молитвой:

В этот день, когда вошла в дом новая невеста,
Пусть исчезнет все грязное, дурное, все мучения,
В этот день молюсь и прошу счастья.

(Г. Галданова. С. 153)

В культе огня у большинства народов много общего. Он восходит к обычаям глубокой древности.

Следующий семантически значимый объект – дверь, и особенно порог. Дверь отделяет юрту от окружающего неосвоенного, «дикого» пространства; дверь – граница внешнего и внутреннего, освоенного и неосвоенного миров. Пересечение этой границы как в ту, так и в другую сторону было сопряжено с соблюдением ряда правил, которые вошли в народный этикет. Вход в юрту обычно располагался «на полдень», т.е. на южной стороне, однако, если юрта находилась на западном склоне, дверь смотрела на восток, на восточном склоне – на запад, т.е. ориентир двери подчинялся движению Солнца на небосклоне. Хорошим признаком считали ориентацию двери (вход в жилище) на гору – гора будет служить как бы заслоном, препятствовать утечке прибыли и благоденствия– *хэшиг*. Благодаря такому ориентиру дом изолирован от холодных северных ветров и снежных заносов зимой и открыт живительным солнечным лучам весной и летом.

При пересечении порога с улицы вовнутрь гость оставлял за пределами юрты оружие, должен был вынуть из ножен нож. Не принято было разговаривать через порог. Не менее важно пересечение порога в обратную сторону. Споткнуться при выходе о порог до сих пор считается плохой приметой; это значит, что благодать может уйти из дома. Чтобы этого не произошло, споткнувшийся должен вернуться, взять щепку или полено и кинуть их в огонь и если они не загорят, то разжечь их. Это умилостивит хозяйку очага и убережет семейную благодать (Жуковская Н.43. С. 19–20).

Порог оберегает от злых духов, препятствует проникновению их извне. В Бурятии над дверью вывешивали пучки верблюжьей колючки, куски ткани с написанными текстами молитв. У некоторых народов в качестве оберега над дверью прибавляли конскую подкову. Часто встречаются подковы, прибитые на пол перед порогом.

Когда возвращались после похорон, то на улице разжигали один или два костра: все участники процедуры, прежде чем войти, должны были очиститься дымом и огнем от нечистот, связанных с покойным и местом его погребения. Иногда покойника выносили головой вперед через дверь, тогда юрту переносили на другое место. В некоторых случаях разбирали одну из стен на правой стороне, иногда решетки просто приподнимали и проталкивали тело наружу.

Войлок – один из сакральных элементов юрты. Описывая жилище бурята, монгола, нельзя не остановиться на этом изделии более подробно.

Войлок – изобретение кочевников, вошедшее в общемировую культуру. Валяние войлока – способ приготовления шерстяного материала у кочевников евразийских степей, горных скотоводов Тибета, Памира, Кавказа, Карпат, Балкан, Ирана, Афганистана.

Древнейшие, сохранившиеся до наших дней изделия из войлока – ковры и чепраки из Пазырькских курганов Горного Алтая (скифы VI–V вв. до н.э.), из курганов Ноин-Улы (Монголия, гунны II–I в. до н.э.). Основным сырьем служит овечья шерсть с небольшим добавлением ягнячьей, козьей, верблюжьей шерсти, конский волос и волос, выпадающий при линьке крупного рогатого скота.

Больше всего ценится войлок из овечьей шерсти осеннего настрига, менее – из летнего. У бурят, проживающих в холодных климатических условиях Сибири, овец стригли один раз летом.

Виды изделий: все виды покрытия для юрты, одежда (стельки, прокладки для подметок, чулки-вкладыши в кожаный сапог), войлочные ковры, матрасы, детали вьючного седла верблюда, потник под верховое седло, чепрак и попона для коня, большие войлочные сумки для перевозки грузов.

У кочевников июнь – пора стрижки овец и обработки шерсти. Настоящий праздник труда представляли процессы, связанные с катанием войлока, участниками которого были в основном жен-

щины. Перед тем как приступить к работе, полагалось дать «угощение» шерсти, идущей на изготовление войлока. Ее крошили молоком – «сагаалуулха», что означало очищение её от всяческой скверны. Овечьей шерсти приписывались магические свойства, поэтому верили, что войлок не всегда скатывается, если какой-то элемент ритуала не соблюден. В частности, при катании войлочной подстилки четыре угла его «разваливаются», не поддаются катанию в том случае, если к нему притронулась женщина, у которой нет «гармонии с шерстью».

Считалось, что в войлоке заключается нечто сверхъестественное (*нэеы ехэ юм*). В ряде сакральных ситуаций использовался только белый войлок без примесей других оттенков: халха-монголы, казахи поднимали на белом войлоке вновь избранного хана, ханские юрты покрывались только белоснежным войлоком. Для придания особой белизны шерсть выдерживали в специальном растворе.

Особо следили за качеством и цветом при изготовлении войлока для юрты молодоженов и их постельных принадлежностей.

При изготовлении войлока производились следующие операции: сначала собранную и рассортированную шерсть взбивали ивовым прутиком (*хабаа*), при этом предпочитали сухую солнечную

погоду, чтобы она не пропиталась атмосферной влагой. Затем шерсть, хорошо просушенную на солнце, раскладывали на мешковину (*таар*) слоями один на другой до получения нужной толщины – это называлось «зулаха». Разложенная шерсть перед катанием освящалась: ее кропили молоком и произносили благопожелание: «Тулгын нооһон дэбидхэр төв зузаан болог, хурьган нооһон хубсар хурга зузаан болог».

Для уплотнения и «схвачивания» шерсть обильно поливали горячей водой или молочной сывороткой, после этого свертывали в рулон на круглый деревянный валик, края таара закрепляли нитками или веревками. Рулон при помощи веревки, прикрепленной к выступающим концам валика, катали вручную от одной группы к другой (обычно вставляли по два человека с каждой стороны). С целью выявления возможных изъянов и их заделки рулон периодически разворачивали. Изготовление больших по размерам войлоков для юрт требовало большой физической нагрузки. Ее прокатывали (валяли) по земле путем буксировки на лошади (в среднем 10–15 раз на расстоянии 1 км). После завершения всех операций участники произносили благопожелания хозяину, а тот устраивал обильное пиршество, где обязательно подавали ритуальную пищу – саламат (*зөөхэй*).

Юрта всегда ставится на открытом солнцу пространстве, даже в лесистой местности выбирается солнечная поляна. Это связано прежде всего с тем, что вся хозяйственная и бытовая деятель-

ность кочевника связана по времени с круговоротом солнца. Отсчет времени суток, месяца, года до революции буряты, некоторые тюрко-язычные народы вели обычно по солнцу, а именно по углу падения солнечного луча через верхнее отверстие юрты – дымник (*тооно*). По мере того, как луч солнца скользил по окружности дымника, затем по кончикам жердей (а их количество равнялось 60), поддерживающим свод юрты, далее по поверхности полукружия войлочного покрытия, по определенным частям мебели, кочевник определял точное время и строил повседневный распорядок рабочего времени. Поэтому пропорции дымника, количество жердей, высота решетчатых стен и всей юрты, а также традиция устанавливать дверь на юг, были подчинены ритмике движения солнца.

Существовало несколько бытовых способов определения дневного времени: утро, когда лучи солнца падали на западную сторону – «солнце в изголовье кровати» – было временем утреннего чая, доения скота. Время в полдень, когда солнце находилось в зените и падала самая короткая тень, называлось «молочным». Хозяйка занималась обработкой молока, приготовлением всевозможных молочных блюд.

Вечернее время – «солнце в изножье кровати» – время пригона скота, дойки коров, приготовления ужина.

Ориентация в ночном времени осуществлялась по наблюдениям за движением звезд по небосклону, особенно по движению Плеяд. В ясные ночи, когда дымоход не закрывали, время определяли по привычным, стоящим над дымоходом звездам. Солнечные часы не зависели от размеров юрты и от места ее расположения (в степи, в лесу, на горе, под горой), но они зависели от сезона. Зимой световой день был намного короче, и расстояние между каждыми точками луч пробегал быстрее, чем летом.

Буряты использовали монгольскую систему счета времени, по которой один час равнялся двум часам, т.е. 120 минутам:

Туулай саг (заяц) в летний период – время приближения восхода солнца (*нара ургаха саг*) – период с 4 до 6 утра;

Луу саг (дракон) – время восхода солнца («*нара мандаха саг*») – с 6 до 8 ч;

Хонин саг (овца) – послеполуденное время – с 12 до 14 ч;

Бишэн саг (обезьяна) – с 14 до 16 ч;

Тахья саг (петух) – солнце идет к закату

(*нара шэнгэхэ саг*) – с 16 до 18 ч;

Нохой саг (собака) – наступают сумерки с 18 до 20 ч;

Гахай саг (свинья) – с 20 до 22 ч;

Хулгана (мышь) – полуночное время – с 22 до 24 ч;

Үхэр саг (бык) – время после полуночи – с 24 до 2 ч;

Бар саг (тигр) – время рассвета – с 2 до 4 ч.

Одной из важных особенностей юрты является рациональная и целесообразная организация внутреннего пространства. Хотя планировка интерьера представляет единое архитектурно-художественное целое, она разделена на четкие функциональные зоны. Расположение предметов в юрте было строго фиксированным. На северо-западной

Север

Хоймор - почетное место (бурханай тага) «место обитания божеств». Находится под знаком Свиньи.

Сундук с ценностями семьи. Находится под знаком Мыши.

Кровать хозяев-супругов. Находится под знаком Тигра.

Запад

Восток

Западная сторона считается мужской стороной. Здесь принимали гостей, хранили оружие, конскую сбрую. Находится под знаками Собаки, Петуха, Обезьяны, Овцы.

Восточная сторона - женская часть юрты. Размещались предметы, относящиеся к специфике женского труда. Находится под знаками Быка, Зайца, Дракона, Змеи.

Юг

Вход в жилище находится под охраной знака Лошади.

стороне «хоймор» почетное место «бурханай тала» – «место обитания божеств» находился домашний алтарь – божница.

Божница была самым поздним по времени возникновения сакральным объектом в юрте. Буддизм приходит в Бурятию в начале XVIII века. Божница, или *гунгарбаа* – столик или полочка, установленные на северо-западной стороне юрты. Здесь размещали изображение божеств, выполненные в разной технике: повсеместно встречались нарисованные на холсте божества – так называемые Дэлэг бурхан от слова «дэлгэхэ» – «разворачивать». В некоторых домах встречались литые скульптуры, в основном их привозили из Тибета и Монголии, поэтому ценились они очень дорого, редкий бедняк мог позволить себе такую роскошь. Наиболее популярными персонажами считались божества, дарующие долголетие – *Аюша*, богатство – *Намсарай*, милосердие – *Арья-бала*, покровитель – хозяин всего живого на земле – *Сагаан Убгэн*.

Традиционно западная, правая сторона юрты (левая при входе) считалась «мужской» стороной, а противоположная ей – «женской».

Правая сторона считалась почетной, здесь принимали гостей, мужчин, но это не значит, что женщины не имели права проходить на мужскую половину. Этот запрет относился только к невестке, но не касался дочерей. Именно с невесткой была связана левая сторона как символ чужеродности. Согласно традиционным представлениям, «левое» значило, в частности, потусторонний мир; подать кому-либо чашку чая, тем более архи, левой рукой считалось верхом оскорбления, воспринималось как пожелание смерти этому человеку.

На правой стороне хранились конская сбруя, охотничий инвентарь – т.е. предметы, имеющие отношение к специфике мужского труда. Здесь же, вдоль стены, стояли друг за другом одна две деревянные кровати. В богатых домах кровати были сделаны из древесины кедра. Иногда устанавливали просто лежанки – широкие плахи на круглых чурках, где спали члены большой семьи.

Постельные принадлежности готовились для холодного и теплого времени года. Для зимы шили овчинное одеяло. Летнее одеяло изготавливалось из короткошерстной, хорошо выделанной шкуры жеребят или телят. В качестве матрасов использовали толстую валяную кошму. Старикам, чтобы было мягче,

стелили 2–3 слоя кошмы, молодежь предпочитала пользоваться одной кошмой – спать на твердом считалось полезным для здоровья, ибо войлок из натуральной овечьей шерсти обладал хорошей гигроскопичностью. Зимой толстая кошма снизу и овчинное одеяло сверху надежно защищали от холода.

Восточнее от алтаря (почти напротив входа) находились поставленные уступами сундуки, в которых хранились ценности семьи, праздничная одежда. Лицевая сторона ящиков, сундуков украшалась орнаментом. Наиболее популярными были узоры в виде двух концентрических кругов или кругов с радиальными спицами, – символизирующими Солнце и Луну. Иногда встречались геометрические, растительные и зооморфные орнаменты.

На левой стороне (правая при входе) размещались предметы, относящиеся к кухне, а так как домашним хозяйством занимается женщина, эта часть считается женской.

Если северная часть считалась почетной, то южное пространство, примыкающее к двери, – самая «низшая» часть жилища. При приеме гостей строго соблюдались сословные и возрастные особенности человека: почтенные по возрасту и рангу люди рассаживались выше на почетной стороне, молодежь и люди победнее оказывались «ниже» – ближе к двери.

Монгольский ученый Б. Даажав считает, что планировка юрты обусловлена календарем 12-летнего цикла.

Мышь, с которой начинается 12-летний цикл, соотносится с севером, под ее знаком хранится сундук с наиболее ценными предметами. Коровы – символ достатка, пищи, под ее знаком – шкаф с готовыми продуктами питания.

Тигр – символ силы и мужества, под его покровительством находится кровать супругов – хозяев.

Заяц – символ слабости, пугливости. Этот символ указывает местонахождение детей в изножье кровати родителей.

Дракон – властитель небесной сферы, под его знаком размещаются сосуды с водой и дрова для огня очага.

Змея – символ низшего существа, ползающего по земле, место расположения людей низкого социального положения.

Лошадь – символ подвижности, под ее охраной находится вход в жилище.

Овца – под ее знаком в холодное время года содержат новорожденных телят, ягнят.

Обезьяна часто ассоциируется и совмещается с созвездием Плеяды – под этим знаком место для конского снаряжения.

Курица – символ плодородия и молодости, под ее знаком место для гостей – мужчин.

Собака – страж юрты, постоянный спутник мужчины-охотника, чабана, табунщика, пастуха.

Последний год 12-летнего цикла – год свиньи, символизирующий сытость и достаток, под его знаком находится домашний алтарь. В далеком прошлом дикий кабан почитался как один из тотемных животных предков монголоязычных народов.

Войлочная юрта (*һэеы гэр*) по конструкции была однотипной для всех районов бытования, как однотипными в целом были и деревянные юрты (*буряад гэр*), различаясь лишь в деталях, а также по размерам, материалу и виду древесины.

Деревянные юрты (из лиственницы, сосны) более распространены у бурят, живущих в лесных, горных и лесостепных районах, хотя у баргузинских и тункинских бурят изредка встречались войлочные и даже берестяные.

С XIX века у забайкальских бурят стали строить срубные бревенчатые избы, но юрта как традиционное жилище встречается и в наши дни.

В Закамне, Тунке, Оке жилища строили в основном из лиственницы, возводить стены из кедра не полагалось, ибо считалось, что кедр (как ель, сосна) – вечнозеленое растение, вырубка его в большом количестве равносильна сокращению годов собственной жизни.

В прошлом буряты остерегались строить большие дома, ибо для этого приходилось срубить много деревьев. Долголетие человека напрямую зависело от количества срубленных или посаженных им деревьев. Бытовало также поверье, что выстроенный дом обладает также «һүр» (*сур*) – величием, мощью, и если величие дома окажется сильнее мощи, заложенной природой в жильцах этого дома, то они будут плохо жить, начнут болеть, умирать, потому что мощь дома подавляет их величие. Для благополучной жизни в большом доме необходимо было, чтобы «жизненная сила» (*һүлдэ*) человека была сильнее «величия» дома.

Таким образом, круглая юрта – оригинальный, исторически сложившийся образец жилища, идеально приспособленная для кочевого образа жизни. Транспортабельность (небольшой вес), мобильность (быстро собирается и разбирается), универсальность (в ней жили круглый год), достаточная устойчивость против ветров за счет полусферической формы и небольшой высоты, сейсмобезопасность – за счет подвижной конструкции стен, возможности варьировать площадью, доступность материала, всегда чистый воздух – эти и многие другие свойства совершенствовались в течение 2500–3000 лет.

И в наши дни ученых многих стран волнуют проблемы мобильной архитектуры, создания удобных передвижных жилищ на уровне современных требований – иными словами, это почти те проблемы, которые нашли решение в конструкции юрты.

Юрта органично вписывается в окружающую среду, формой повторяя небесный купол над ней, полукруглые сопки и холмы. В летний зной и жару в ней – спасительная прохлада, в холод – живой огонь в очаге создает равномерный обогрев и особый микроклимат, устраняющий патогенную, вредную для здоровья человека энергетику, характерную для строений с прямыми углами. Именно потому кочевая юрта тюрко-монгольских народов (бурят, монголов, калмыков, казахов, киргизов, тувинцев, туркмен) легла в основу советско-финского проекта первого поселения на Луне – «Луна –2012 года». Древняя юрта будет востребована в будущем для реальных земных и космических дел.

Тема 7. Бурятский костюм

Одежда – это искусственные покровы человеческого тела. Самая древняя функция, ее утилитарное назначение – защита тела от воздействия наружной среды. Одежда обладает также декоративными и ритуальными функциями.

Народный костюм (в том числе и бурятский) – значительная область традиционной национальной культуры как по широте и глубине связей, так и по богатству художественного выражения. В костюме каждого народа отражаются религиозно-магические, этические и эстетические представления, уровень духовной и материаль-

ной культуры, характер взаимосвязей и контактов с другими национальными культурами. Этим объясняется особая ценность народной одежды для изучения культуры и быта, многих сторон жизни, исторического процесса развития нации в целом.

Бурятскому костюму и украшениям посвящены работы К.Д. Басаевой, Г.Р. Галдановой, И.И. Соктоевой, К.В. Вяткиной «Очерки культуры и быта бурят» (1969). Р.Д. Бадмаева в 1987 г. опубликовала книгу «Бурятский народный костюм». На сегодняшний день эта работа остается наиболее полным исследованием в этой области. Тираж в 1000 экземпляров сделал эту книгу библиографической редкостью.

Многообразие, региональные различия народного костюма зависят от множества факторов, основными из которых являются: географическая среда обитания (разнообразие ландшафтов, климатических условий), историческая эпоха (эволюция костюма от древности до сегодняшнего дня); этническая или родовая принадлежность, вытекающие отсюда обычаи, традиции; род занятий, образ жизни, верования; социальный фактор; сезонный; возрастной; половая принадлежность; эстетический фактор или художественное представление о красоте.

Важную роль играли материал и техника изготовления, менявшиеся от уровня развития производства. Наиболее древние виды верхней одежды были сшиты из шкур диких и домашних животных.

В наше время различные сорта овечьего меха (овчина, мерлушка, каракуль) применяются для шитья зимней мужской, женской и детской одежды. Употребляются также козы, жеребятчи, телячьи шкуры и камусы, шкуры диких животных.

Материалами для изготовления одежды могут служить войлок, ткани натуральные и синтетические.

Мужская одежда

Традиционная мужская одежда бурят – халат без плечевого шва: зимний *дэгэл* и летний на тонком подкладе *тэрлиг*.

Традиционная верхняя мужская одежда была прямоспинной, т.е. не отрезной по талии, с длинными расширяющимися книзу подолами. Мужские халаты бурят Забайкалья и Предбайкалья отличались кроєм. Для забайкальских бурят, монголов характерна распашная

одежда с запахом левой полы на правую, с цельнокроеными рукавами. Глубокий запах обеспечивал тепло для нагрудной части тела, что было немаловажным при длительной верховой езде. Зимнюю одежду шили из овчины, на шитье одного дэгэла использовалось 5–6 шкур. Первоначально дэгэл из дымленных овчин не украшался, по краям ворота, рукавов, подола и лифа выступал мех. Впоследствии все края стали обшивать, окантовывать плисом, бархатом или другими тканями. Иногда дэгэл покрывали тканью: для повседневной работы – хлопчатобумажной (преимущественно далембой), нарядные дэгэлы – шелком, парчой, полупарчой, чесучой, бархатом, плисом. Эти же ткани использовались при шитье нарядного летнего тэрлига.

Наиболее престижными и красивыми считались ткани, затканые золотом или серебром – китайский шелк *азаа магнал*. Узоры, изображения драконов были выполнены из золотых и серебряных нитей, вероятно, здесь сказывалась традиционная любовь к металлу.

Так как такие ткани стоили очень дорого, не все имели возможность сшить себе халат целиком из шелка магнал. Тогда использовали дорогие ткани для аппликации, отделки лифа, рукавов, безрукавок.

Мужские и женские дэгэлы имеют две полы – верхнюю (*гадар хормой*) и нижнюю (*дотор хормой*), спинку (*ара тала*), перед, лиф (*сээжэ*), борта (*энгэр*). Изделия из меха шили способом *хүбэрдэхэ*, выметывая петли через край, шов затем заделывался декоративной тесьмой. Одежду из тканей шили способом *хүшээжэ* – «иглой вперед». Один кусок ткани нашивался на другой, затем кромка нижнего слоя подворачивалась и снова прошивалась.

Нитки были нескольких видов. Войлочные ковры – *шэрдэг* – прошивали конопляной ниткой – *үлтэнэг*, обувь и зимние шубы шили нитками из сухожилий, которые свивали вручную; матерчатую одежду шили привозными нитками. Из шелковых ниток (*һэнжэ утаһан*) делали пышные кисти к головным уборам (*залаа*), ими окаймляли одежду. Как у мужского, так и у женского халата расположение за-стежки было одинаковым: у левого борта и лифа на правом плече. Воротники у забайкальских бурят, как у мужчин так и у женщин, бывают 2-х видов – стойка и отложной. На мужском халате чаще всего встречается воротник стойка, затылочная сторона ворота выше, чем передняя. По краям ворот окаймляли

парчовой тесьмой (*летние тэрлиги*), зимние – шкурами ягнят, выдры, соболя. На вороте пришивали от одной до трех серебряных, коралловых, золотых пуговиц. Следующие пуговицы пришивали на плечах, под мышкой и самую нижнюю – на талии. Верхние пуговицы считались приносящими прибыль, благодать (*хэшэг буян*). Во время молебнов, совершения обрядов расстегивали пуговицы на вороте, чтобы благодать без препятствий входила в тело. Средние пуговицы – *үнэр баянай* – символизировали многочисленность потомства, честь и достоинство. Нижние пуговицы были символами плодородия скота, материального достатка владельца – *хэшэг буянай*. По воззрениям бурят, монголов долголетие человека зависело даже от того, как застегивают пуговицы. Каноническая схема надевания и застегивания – снизу вверх – начинается от обуви, затем переходит к халату, при этом пуговицы застегиваются снизу вверх, последней надевается шапка. Раздевание – процесс обратный. Правая сторона тела, одежды является сакральной; с правой стороны вовнутрь входит в тело здоровье, богатство, благодать, выходит – с левой стороны. Правой рукой подается, берется все, левая рука – рука отдающая (*Гарза гай халгай гараар гарадаг*). Своеобразные правила существовали при надевании рукава халата. Мужчины первым надевали левый рукав, затем – правый, женщины – наоборот, сначала надевают правый рукав, затем левый. Это объясняли тем, что мужчина, заходя в юрту, идет по левой стороне на правую (считать по отношению при входе), а женщина – по правой стороне на левую. Этот обычай строго соблюдали во время свадебных церемоний.

Мужской халат в большинстве случаев шили из тканей синего цвета, иногда цвет халата мог быть коричневым, темно-зеленым, бордовым. Основной декор мужской верхней одежды приходился на грудную часть верхней полы (*энгэр*). В целом характер оформления энгэр мужского халата устойчив, хотя существовали в нем элементы территориально-родовых различий. Для агинских дэгэлов был характерен широкий ступенчатый энгэр, оформленный тремя рядами последовательно расположенных полос бархата. Если общий тон халата был синим, что символизировало цвет неба, которое охраняет, покровительствует человеку, то верхняя полоса *энгэр* имела зеленый цвет – цветущей земли, средняя полоса – черный бархат, «*бүхы юумэнэй ябахан дэлхэйн хара хүрһэн*» – (плодородная почва, питающая все живое

Традиционный костюм Забайкальских бурят

Традиционный костюм Предбайкальских бурят

на земле); нижняя полоса – красная, символ огня, очищающего все скверное, грязное «*зүрхэнэй гурбан харые нуга доогуураа хойшонь хаянаб*». Для мужских халатов хори-бурят энгэр оформляется в виде узкой полосы парчи, шелка яркого цвета, часто красного. Энгэр халатов бурят цонгольских родов шили из узких полос ткани темных цветов.

Цельнокроенные рукава как летних, так и зимних мужских халатов дополнялись манжетами – *туруун* (копыта). Они могли быть съёмными или скроенными как продолжение рукава. В холодное время их спускали, заменяя рукавицы. В теплое время они подняты и служат украшением. Лицевая часть манжет называется *нюдарга* – шьется из бархата, меха, парчи, тыльная часть – *туруун*. Манжеты у пожилых людей шире, больше по размеру, у молодых – уже и меньше. Символика манжет – *туруун*: буряты разводили пять видов скота (*табан хушуу мал*), скот – основное богатство, как в физическом, так и в духовном плане. Поэтому оформление манжет в виде копыт означало «дух, душа, сила моего скота всегда со мной, при мне» (*адуу малайнгаа хүр хүлдые бээдээ ходо абаад ябаһан удхатай*).

Верхняя одежда бурят Предбайкалья шилась с прямым разрезом спереди, с расширяющимися книзу полами. Воротник длинный, шалеобразный, рукава выкраивались отдельно и пришивались к прямо срезанному стану. Конец рукавов и ворот обшивали бархатом, мехом. Этот вид кроя верхней одежды встречается у тувинцев, хакасов, т.е. у тюркоязычных народов.

Обязательной принадлежностью мужского халата были пояса, разнообразные по материалу, технике изготовления и размерам. Утилитарная функция пояса – подпоясывать прямой по крою мужской халат. Пояс при этом задерживал холод, что было немало важно при верховой езде.

Мужские халаты шились без карманов; подпоясавшись, за пазухой носили пиалу, кисет, трубку и другие необходимые принадлежности. Пояс выполнял функцию своеобразного корсета, ибо при длительной езде верхом, спина и стан получали дополнительную опору и были защищены от простудных заболеваний. Пояса могли быть вязаными, ткаными из овечьей шерсти темных цветов, по размерам были широкими и длинными. Длину пояса определяли в две длины вытянутых в стороны рук (*хоер алда*), ши-

рину – в три ширины от ногтя большого пальца до кончика среднего пальца (*гурбан һөөм*).

К началу XIX века такие пояса уже не делали. В конце XIX – начале XX вв. использовались шелковые и полушелковые фабричные пояса, которые покупали у китайских торговцев в Маймачене, а с конца XIX в. такие пояса стали привозить русские купцы и продавать их на ярмарках в Иркутске, Верхнеудинске и других местах.

Самым дорогим, редким и поэтому престижным считался кушак из китайского шелка с радужным орнаментом (*янжан*). Второе место отводилось шелковому, ручной работы поясу (*дурдам*), затем шелковому тканому поясу (*утаһан*). Бедняки носили простые тканые пояса (*хазаан*). Носили пояса, обертывая его вокруг талии спереди назад, закладывая концы с боков.

Традиция, по которой пояс был обязателен для мужчин, восходит к древнему охотничьему быту. Кожаный пояс с зубом марала, когтями добытого зверя был призван помогать охотнику. Подобные пояса сохранились и встречаются у таежных эвенков.

Пояс, который дети носили поверх одежды, когда-то также был связан с древним обычаем и должен был, по представлениям бурят, охранять детей от злых духов. Жизнь детей у бурят с самого рождения была обставлена предохранительными мерами в виде магических церемоний, обрядов с целью сохранения их жизни, здоровья.

Наборные пояса носили иркутские, баргузинские, тункинские и агинские буряты. Описанию поясов, украшенных орнаментами, посвящены работы Л.Р. Павлинской, Р.Д. Бадмаевой, А.А. Бадмаева, И.И. Соктоевой. До наших дней дошли единичные экземпляры, которые хранятся в музейных коллекциях.

У бурят и других монголоязычных народов наблюдалось особое отношение к поясу мужчин, как и к головному убору. Это один из сакральных дополнений костюма, символ чести и достоинства мужчины. У кочевников бытуют пословицы: «*Муушье һаа, эрэ, мохоошье һаа, хутага*» (Хоть плохой, но мужчина, хоть тупой, но

нож); «*Бэһэтэй хүниие үргөөд ябабалшни – тулга болохо, дараад ябабалшни – дарамта болохо*» (Если будешь поднимать, поддерживать мужчину – он будет тебе опорой, если будешь его давить – станет тебе обузой).

Немаловажную роль играл пояс в бурятских обрядах. Пояс для бурята был не только знаком его чести и достоинства, но порой становился выражением отношений. Старинный обычай обмена поясами (*бэһэ андалдаха*) совершался как акт установления дружеского союза или побратимства, или как часть разработанного сценария с ритуальными действиями по случаю брачных союзов. В таких случаях пояса выступают как символы закрепления дружеских, побратимских и родственных отношений. Обменявшиеся поясами становились друзьями, побратимами или сватами. Нередко побратим становился выше родных. Часто при установлении побратимства обменивались не только одним поясом, а целым поясным набором, включающим нож в ножнах, табакерку, иногда седло и даже скакун. Если учесть, что эти предметы изготавливались или украшались драгоценными камнями и металлами, то их материальная ценность была велика. Потомки, соблюдая обычай, с почтением относились к побратимам своих отцов и проявляли к ним сыновнее почтение и уважение (Васильева М. 25.С.50).

С поясами были связаны определенные запреты. Сняв с себя пояс, обязательно завязывают его посередине узлом, и после этого вешают его высоко на гвоздь или крюк. Пояс нельзя бросать на землю, перешагивать через него, отрезать, отрывать.

Раньше каждый мужчина носил свою пиалу при себе, храня ее за пазухой в особом футляре. Угощаясь в чужой юрте, он пользовался своей пиалой и своим ножом. Постоянное ношение при себе и использование в случае надобности собственной пиалы было, возможно, вызвано гигиенической предосторожностью.

Нож и огниво (*хутага, хэтэ*) – чаще всего они встречаются в паре – обязательно входили в экипировку мужчин. Нож вместе с ножнами мог быть подарен в благодарность за какую-либо услугу или выступать в качестве обмена дарами.

Первичная утилитарная функция ножа – как орудия защиты, как предмета, необходимого при трапезах с мясными блюдами –

Б. Жамбалов. Мужской гарнитур «Гэсэр».1982.

дополнилась со временем новой функцией – декоративной: нож стал предметом украшения костюма.

«По всей видимости, нож и огниво заняли место колчана и налучника, покрытых железными посеребренными пластинками, когда-то составлявшими главную принадлежность мужчины-охотника и воина, защитника семьи и рода от всяких напастей» (Соктоева И. 115. С. 191).

У бурят издавна существовал обычай – при рождении сына отец заказывал для него нож, который тот передавал своему сыну, таким образом, он передавался из поколения в поколение. Если пояс считается символом чести и достоинства мужчины, то нож является хранилищем его души, жизненной энергии. Нельзя было передавать нож другим лицам, особенно чужим. Бытует поверье: если кто хотел сделать плохо владельцу ножа, навести на него порчу, то его ножом резал оскверненное мясо (*бузартай мяха*).

Огниво – парный предмет к ножу – плоская кожаная сумочка, типа кошелька, размером 4–7 и 7–10 см, внизу к нему прикреплено стальное кресало. Лицевая сторона огнива украшалась серебряными накладными бляхами с чеканными узорами, среди которых преобладали зооморфные, растительные и геометрические. В кожаном кошельке хранились трут и кремневый камень, при помощи которых высекались искры и добывался огонь. Об огне как символе жизни, тепла, очищения и возрождения написано в разделе «Орнаменты». Поэтому огниво как источник огня – один из сакральных предметов в мужской экипировке, носят его так же, как нож, на поясе, образуя триаду – пояс, нож и огниво.

И мужчины, и женщины старшего возраста употребляли табак. Пожилые мужчины и старики курили *дэнсэ тамхи* (душистый табак), привозимый из Китая. Женщины пользовались нюхательным табаком, который хранили в табакерках как местного производства, так и привозных из Монголии, Китая.

Бурятские мужские трубки встречались 2-х видов – с длинным чубуком из нефрита, «пестрой» древесины, которая также доставлялась из Китая. Местные мастера-чеканщики чубук делали коротким. Головка трубки делалась маленькой, серебряной, некоторые головки закрывались серебряными полусферическими крышками. Мундштуки трубок изготавливались из нефрита или китайского сердолика (*суй мана*). Для чистки отверстия головки применяли серебряный серповидный крючок (*хоёо*), пепел выколачивали о серебряный круглый диск (*тоншуур*). Табак хранили в матерчатых кисетах, украшенных тесьмой, вышивкой. К кисету пришивали шелковую тесьму или крученый жгут, к которым прикрепляли тоншуур и хоёо.

Курительные трубки для бурят – это предмет, выполняющий не только утилитарную функцию, но и имеющий большое значение в различных ритуалах. Даже если мужчина не употреблял табак, он обязан был иметь при себе кисет с табаком и трубкой, которыми мог угостить собеседника.

Серебряные навершия (*дэнзэ*) для головных уборов встречаются у агинских, хори, селенгинских бурят. Дэнзэ имеют куполообразную форму высотой 3–7,5 см, диаметр основания 5–6 см. Верх дэнзэ украшался камнем, чаще всего кораллом. Поверхность навершия украшалась лотосовидными, цветочными, зооморфными

узорами. В средневековье подобный атрибут костюма встречался в Китае. На головных уборах чиновников закрепляли бусины камней разных диаметров и цветов, которые зависели от ранга носителя. У бурят дэн-зэ – декоративный элемент шапки.

В XX веке буряты, как забайкальские, так и предбайкальские, стали носить верхнюю одежду европейского покроя, а традиционный костюм и украшения стали носить только по особым торжествам.

Головной убор

Обязательным дополнением к костюму как мужчин, так и женщин были головные уборы, в которых четко проявлялись региональные различия. Особенно это заметно при сравнении шапок забайкальских и предбайкальских бурят. Традиционные шапки шились вручную, наряду с ними носили также и покупные.

В Иркутской области наиболее распространенной была шапка в форме колпака из камусов, отороченного по нижнему краю мехом рыси. Эта шапка называлась «*татар малгай*» – (т.е. татарская), подобная форма шапки бытовала у многих народов.

Также иркутские буряты носили шапки, сшитые из выдры (*халюун малгай*). Круглый верх шили из бархата, нижнее цилиндрическое поле из шкур выдры. Мех выдры дорогой, очень ноский, поэтому выходцы из Иркутской области, особенно пожилые люди, иногда носят их и сегодня. Эта шапка считалась нарядной, праздничной. Женщины надевали шапки *бизга* или *бортого малгай*. Верх делали из куска ткани, заложенного в мягкие складки. В центре пришивали кружок картона, обшитый тканью, тулья обшивалась позументом. На свадебных шапках вместо позумента пришивали цветы, листья из бархата, шелка, парчи, окрашенные перья.

У забайкальских кочевников наиболее популярны 3 типа шапок:

1. Наиболее древний, цельнокроеный, одношовный головной убор «*юудэн*», с наушниками и полукруглым выступом, закрываю-

щим шею. Шапка состояла из 2-х половин – правой и левой. Верх выкраивался вместе с наушниками, был узким в налобной и широким в затылочной части. Такая форма хорошо защищала лицо и шею. Шили ее из черного или синего плотного сукна, как и *субу* – накидку, надеваемую в непогоду.

Данная одежда (*суба* и *юудэн*) чаще всего встречалась у бурят степных районов (агинских, кяхтинских, джидинских, закаменских). У монголов она называлась *юбан*, у казахов – *башлык*, у тувинцев – *будзэлгэ* (Р.Д. Бадмаева. «Бурятский народный костюм»).

2. Традиционным головным убором бурят южных районов считалась «32-х пальчатая шапка» (*32 хургатай малгай*) с высокой конической тульей, отогнутыми полями. Использовались ткани преимущественно синего цвета. Для шитья шапки двуслойный кусок материи простегивали, расчертив на усеченные 32 конуса-сегмента, каждый сегмент набивали шерстью, после чего края сшивали. На верхушку тульи пришивали наверху *жинчи* в виде шарика из кусочка кедра, обтянутого материей, или из толстых шнуров ткани завязывали узел (*үлзы*). К *жинчи* привязывали также *залаа* – красную шелковую кисть из крученых шнуров или шелковых ниток. Оторочку зимней шапки делали из меха рыси, выдры, лисы. Передняя часть отворота шапки – козырек – назывался *һарабша*, *далибша*, по бокам пришивались наушники – *хасабша*.

Очень важно было, чтобы швы были ровными. Если шов был кривой, то такой головной убор нельзя было носить. Число 32 соответствовало числу 32 божеств Сундую. Есть еще одно объяснение числа строчек 32–«32 поколения монголоязычных народов». Такие шапки с вертикальными строчками носили мальчики, если их собирались отдавать в дацан, ламы и старушки.

3. Головной убор хори-бурят прострачивался 11-ю горизонтальными строчками – по числу 11 родов хоринских бурят. На головном уборе агинских бурят строчек было 8 – по числу 8 агинских родов.

Летний вариант шапок состоял также из тульи и околыша, выкроенных отдельно и пришитых друг к другу. Верх шапки и наушники зимних шапок выкраивались из одного куска ткани. Такая шапка называлась *хасабшатай малгай*. В холодную и ветреную погоду наушники носили спущенными, иногда завязывали под подбородком. В теплую погоду наушники заворачивали наверх и завязывали тесемкой на затылке. Зимние шапки подбивали мехом рыси, выдры, мерлушкой.

Цонгольская шапка отличается закругленным невысоким верхом тульи, сравнительно широким околышем (*татургой*), расширяющимся над серединой лба. Верх тульи джидинской шапки был острый, высокий, более узкий околыш имеет одинаковую ширину по всей окружности тульи. Джидинские зимние шапки из меха выдры были ниже цонгольских. Цонгольская обувь отличалась более загнутым носком и нетолстой подошвой.

Головной убор для бурята, монгола – предмет, наделенный особой сакральностью. Форма убора – полусферическая, повторяет форму небесного свода, поверхности юрты, очертания сопок и холмов, типичных для территории Бурятии и Монголии. Конусообразная форма напоминает контуры гор – обиталищ духов, хозяев, божеств. Шапка наверху завершается *дэнзэ* – серебряным навершием полусферической формы с красной бусиной, символизирующей солнце. От нижней части *дэнзэ* вниз струятся красные шелковые кисти – символ животворных солнечных лучей, материализованных в предметном воплощении. Также кисти на шапке символизируют жизненную энергию (*һүр һүлдэ*). Полная символика верха головного убора: *түрэл гарални олон болуужан, һүр һүлдэмни юумэндэ диилдэшэгүй бадаржа, орой дээрэмни хиидэжэ ябуужаг* (Пусть мой род приумножается, как лучи золотого солнца, пусть моя жизненная энергия не иссякает и развеивается надо мной). По этому поводу бытует пословица: «*Муу тулюурай шэнжэ – мухар малгай*». Нижний околыш (*тойробши*) – круг, сшитый из черного или темно-коричневого бархата, более состоятельные отделявали его мехом соболя, выдры. Черный цвет – символ земли (почвы), которая питает все живое.

Таким образом, в головном уборе сосредоточены 4 стихии: огонь, солнце, воздух, вода и земля. По вертикали символы верхнего мира – солнце, среднего – горы, нижнего – земля. Поэтому головные уборы нельзя было бросать на землю, перешагивать через них, относиться к ним небрежно. Совершая различные обряды, связанные с подношением угощений духам местности, гор, рек, при встрече гостей или проведении свадебных обрядов буряты обязательно надевали головные уборы.

Обувь

Обувь бурят называлась *гутал* (по-русски – *гутулы*). Она менее изучена, чем одежда. Наиболее исчерпывающе об этой части одежды написано в книге Бадмаевой Р.Д. «Бурятский народный костюм» (С.78–88).

Все разнообразие бурятской обуви можно свести к двум основным типам, отличающимся характером кроя: поршневидный и башмаковидный.

Обувь поршневидного типа состоит из 3-х частей: голенища, носка и подошвы. Голенища нарядных гутулов шили из кожи (*булгайр*), тонкого сукна или далембы (*бүд гутал*). Мысик носка, переходящего в голенище, был треугольным, прямо срезанным или закругленным. По низу носка и на пяточной части пришивались кожаные союзки. Подошва унтов шилась из яловой кожи и пришивалась к кожаной союзке изнутри.

Второй тип обуви – башмаковидный – был известен как *эрмэг гутал*. Материал, из которого шили голенища (толстая кожа), придавал ей жесткую вертикальную форму. Головка выкраивалась из 2-х половинок с шишечкой на носке, подошва из толстого стеганого войлока подшивалась снизу кожей. Обувь такого типа была характерна для бурят, монголов, тувинцев, хакасов. Монгольский вариант обуви, особенно нарядной, имел острый поднятый носок. Плотная кожа голенища предохраняла голень от стирания о ремень стремени, а толстая подошва защищала от холода железного стремени, загнутый носок был удобен при верховой езде и связан с появлением стремени.

Женская обувь по крою и назначению не отличалась от мужской. Она была несколько изящней, меньшей по размеру. У бурят Иркутской области носок нарядной обуви из плиса или тонкого сукна черного цвета вышивали тамбуром, гладью или крестом. Вышивкой также покрывался шов, соединяющий носок с голенищем. Кроме этих двух типов шили специальную обувь для охоты. Голенища для таких унтов вязали из шерсти толстыми крючками, носок и подошва были традиционными. В конце XIX – начале XX века буряты, монголы стали носить покупные ичиги из хрома (мягкие выворотные сапоги из юфти), молодежь носила ботинки с каблуками, сапожки, туфли.

Женская одежда

Детская одежда, что для девочек, что для мальчиков, была одинаковой и повторяла крой мужского халата, т.е. прямой, не отрезной по линии талии, рукава цельнокроенные – реглан.

До периода зрелости на девочку смотрели как на чистое (*арюхан*) существо, как-им считался мужчина, поэтому в ее костюме сохранились все элементы мужского костюма. Девочки носили длинные *тэрлиги* или зимние *дэ-гэлы*, подпоясывались матерчатými кушаками, которые

подчеркивали тонкую, гибкую талию. Повседневные кушаки делали из далембы, нарядные – из шелка в полоску.

При достижении зрелости в 14–15 лет менялись покрой платья и прическа. Платье становилось отрезным по линии талии, декоративная тесьма *тууза* закрывала линию шва вокруг талии. В девичьем костюме отсутствовала безрукавка.

Разнообразной была прическа, которая всегда служила признаком принадлежности человека к определенному возрастному периоду. Девочки носили одну косу на макушке, часть волос на затылке сбивалась. В 13–15 лет коса на макушке оставалась, остальные волосы отращивали и заплетали две косы на висках (*шанха*). На затылке из оставшихся волос заплетали 1–3 косы (*гээзэгэ*). Такая прическа означала переход девочки в следующую возрастную ступень и была первым знаком, отличавшим ее от мальчиков. В 14–16 лет на гээзэгэ надевали украшение *саажа*, а на темени укрепляли металлическую пластину сердцевидной формы – *юбун*. К девушке с таким знаком можно было засылать сватов.

На свадьбе девушке меняли прическу и заплетали две косы – обряд назывался *yhэ zahaxa* (переплетение волос). Для исполне-

Девичий костюм

ния этого обряда собирались близкие родственники жениха, подруги невесты. Волосы расчесывали гребнем матери жениха.

У русских, наоборот, из 2-х девичьих кос заплетали одну женскую. Это объясняется тем, что к свадьбе обычно готовили приданое, в том числе украшения. Тип украшений бурятских женщин рассчитан на парную косу, т.к. массивные по размерам, тяжелые по весу, они прикреплялись к основаниям кос. Русский тип женских головных украшений – короны, кокошники, кички закреплялись на затылке под косой. В этом случае одна коса обеспечивала прочность закрепления. Большинство украшений русской женщины – бусы, монисто носились на шее. Декор головных украшений приходился на лицевую плоскость кокошника, кички: их богато расшивали жемчугом, драгоценными камнями.

В конце XIX – начале XX века женский костюм всех регионов сохранил свой этнический региональный колорит, хотя различался некоторыми элементами отделки и украшений.

Женский костюм больше, чем мужской, сохранил родоплеменные и традиционные особенности, что обуславливает выделение 2-х территориальных комплексов – Забайкалья и Предбайкалья и их вариантов.

По костюму бурят Предбайкалья можно проследить территориально-родовые деления: костюм боханских, аларских, верхоленских бурят, которые относятся к булагатским, хонгодорским и эхиритским родам. В Аларском районе женские халаты шились из узорчато-переливчатого шелка светло-сиреневой расцветки, по низу подола пришивали широкую полосу из меха выдры, вырез на груди отделялся черным плисом или бархатом, иногда собольей шкурой. Отделка халата – четырехугольная, закрывающая почти всю грудь меховая нашивка, разделенная неширокими полосами бархата. Основным элементом декора костюма и украшений бурят Иркутской области являлись круглые бляхи и монеты царского или советского времени разного достоинства. Монеты оправлялись в золото или серебро; иногда монеты перемежались с коралловыми бусами. Общее количество и стоимость тех и других определяло степень богатства и родовитости владельца костюма или украшения.

Женский свадебный наряд *дэгэлэй* надевался поверх платья, оставляя перед открытым, подол сзади имел разрез. Шили *дэгэлэй* из сукна, парчи.

Женские костюмы Предбайкальских бурят

Если в мужском халате возрастные периоды подчеркивались цветом ткани, а конструкция оставалась одинаковой для всех возрастов, то в женском все возрастные периоды четко выделялись кроем и конструкцией халата, прической.

У бурят бытует пословица: «*Гэргэдэй гоёнъ урдаа, гэрэй гоёнъ хойноо*» (красота женщины спереди, красота дома – сзади). Пословица эта появилась не случайно и связана с тем, что передняя часть женского костюма шилась из дорогих, нарядных тканей, а спина – из менее дорогостоящих. Это, скорее всего, было вызвано дефицитом дорогих тканей, т.к. все это привозилось издалека – Китая, России и соответственно стоило очень дорого. При покупке ткани точно учитывалось количество используемой ткани: лишняя ткань – лишние деньги. В дальних районах Оки, Закамны дорогостоящие ткани встречались очень редко. Там женские наряды из более простых тканей дополнялись богатыми серебряными украшениями.

Верхняя одежда замужних женщин была отрезной по линии талии. При общей основе конструкции халата в ней наблюдались некоторые региональные различия. Удлиненный лиф с глубокими проймами, доходящими до талии, простая форма отделки выреза лифа, не очень глубокий запах левой полы на правую, прямое соединение лифа и подола было характерно для одежды хори-бурят. Летние женские халаты чаще всего шили из синей чесучи, линию шва закрывали декоративной тесьмой только в передней части. Ширина тесьмы могла быть как узкой (в 1 палец), так и широкой – до 10 см. Для отделки применяли блестящие плотные ткани – шелк, парчу, бархат. Поверх швов нашивали узорчатую тесьму ручной работы – *тууза*, которая дополняла цветовую гамму, конструктивно подчеркивала или выделяла основные детали, элементы. В одежде женщины – хранительницы домашнего очага, продолжательницы рода – преобладают округлые формы: на плечах рукава – буфы, пышно присборенный на талии подол. При отделке большую роль играли материалы золотисто-желтого цветов и различные оттенки дымленного меха, овчины, камусов.

Одежда женщин пожилого возраста отличалась упрощенностью форм и украшений. Старые женщины шили будничные халаты из тканей подешевле и темных оттенков, рукава становились менее сложными. Безрукавка как дополнение костюма сохранялась.

Одежда селенгинских бурят в целом отличалась от одежды хоринских бурят. Но и среди селенгинцев наблюдались местные особенности: в форме рукава, манжеты, шапки, обуви. Энгэр селенгинского дэгэла закругляется у ворота. Цонголы делают рукава широкими, длинными, с широкой манжетой; джидинцы шьют рукава более узкими и короткими, с неширокими манжетами. В женском дэгэле цонголов лиф халата соединяется с подолом закругленным мысом; джидинцы делают эту линию талии на халате чуть прямее; у хоринцев соединение лифа с подолом делается по прямой линии.

Региональные особенности отчетливо проявляются при крое и декоре рукавов. Рукава женского халата – составные, т.е. состоящие из двух или трех частей. Основание рукава или верхняя часть – *узуур тохой*, декор выше запястья до локтя – *нарин тохой* и нижняя часть – обшлага – *нюдарга*.

Так рукава халатов хори-буряток у основания были широкими и собирались в пышные буфы (*буллубша*), которые постепенно сужались к середине предплечья, к ней пришивалась средняя часть рукава – *тохоног* (локоть). Заканчивался рукав широкими обшлагами – *нюдарга* (кулак). При морозной погоде обшлага отворачивали вниз. Многие путешественники и исследователи при описании костюма отмечали, что буряты, монголы «ни в какие морозы рукавицы не имеют».

Рукава закаменских халатов тоже шились из трех частей. Обычно верхняя и нижняя части шились из той же ткани, что и сам халат, средняя часть – из ткани контрастного цвета. Буфы у основания были менее пышными, чем у хоринских. Соединения частей рукава отделялись полосками простроченной ткани или декоративной тесьмой. Практически каждая женщина сама изготовляла свой наряд. По аккуратности шитья можно было судить о ней как о хозяйке.

Безрукавка (*уужа*) была обязательным дополнением костюма замужней женщины всех регионов проживания бурятских родов и племен. Уужа бывали двух видов: короткая, до линии талии называлась «*эсэгын уужа*» (отцова безрукавка), потому что по древнему бурятскому обычаю женщина в присутствии мужчин, в особенности свекра, могла появляться только с покрытой головой и спиной – в шапочке и безрукавке. По отношению к свекрови этот обычай был не столь жестким. Короткие безрукавки большей частью

носили в Забайкалье, в некоторых районах (например, в Закаменском) бытовали укороченные уужа, едва достигающие до декоративной тесьмы на линии шва талии. Шили их из ярких тканей с глубокими проймами, узенькой спинкой, прямым разрезом впереди.

У предбайкальских бурят в Эхирит-Булагатском, Качугском, Ольхонском районах, у тункинских, баргузинских, агинских бурят Забайкалья шили также длиннополые уужа. Основой ее служила короткая безрукавка, к которой пришивали присборенную на талии длинную юбку с разрезом сзади. Такая уужа была приспособлена для езды и называлась *морин уужа*.

У аларских, унгинских, боханских буряток безрукавка называлась *хубайси* – цельнокроеная, расклешенная книзу, с узкой спинкой и глубокой проймой. Подол был широким, полы заходили друг на друга. По краю переда, вокруг горловины, проймы нашивались монеты. Достоинство и количество их зависело от материального благосостояния носителя. Иногда вместо монет пришивались круглые перламутровые пуговицы или круглые металлические бляшки. Безрукавки надевались поверх платьев – *халдай*, *палаатив* Предбайкалье, *тэрлиг*, *дэгэл* в Забайкалье и застегивались на одну пуговицу у ворота. Говоря о безрукавке, нужно отметить, что эта деталь костюма характерна не только для бурят – она присутствует у многих народов. Древнейшая магическая функция – охранная: оберег молочных желез и позвоночника – столпа, на котором строится каркас тела. Такой же была роль женщины в семье как хранительницы очага, продолжательницы рода. Отсутствие безрукавки в девичьем костюме объясняется тем, что пока она в доме родителей, она не выполняет эти функции. И только свадебные и после-свадебные обряды переводят ее в другую возрастную категорию – хозяйки дома, матери. Главное назначение женщины в семье, в обществе заключалось в рождении и воспитании детей. Лишь при создании семьи, ведущей к появлению детей, возможно исполнение данной роли.

Женщиной, равной всем женщинам улуса, невестка может стать лишь после проведения обряда *үһэ заһаха*, *боолто боохо* – замены девичьей прически на женскую.

В прошлом этот обряд проводился после рождения первенца, перед обрядом захоронения последа. Позже это правило уже

не соблюдалось, часто две женские косы невестке заплетали уже при переодевании ее в женский наряд. Смена прически на женскую означала, что невестка отныне вошла в состав женщин-матерей. Это было переломным моментом в ее жизни, теперь она полностью принадлежала семье мужа, его роду.

С древнейших времен прическа почти всегда служила признаком принадлежности человека к определенной возрастной категории.

У всех народов мира существовало и существует до сих пор множество поверий, связанных с волосами. Многие из них сводятся к тому, что в волосах покоится сама жизнь или они являются обиталищем богов и духов, поэтому за ними следует тщательно ухаживать, всячески украшать. Особенно распространены суеверия, связанные со стрижкой волос. У одних народов они вызваны боязнью нечистой силы, которые могут завладеть остриженными волосами и, оказывая на них магическое воздействие, сумеют лишить здоровья и даже жизни человека, у других считается недопустимым тревожить духа, обитающего в волосах.

В настоящее время, когда идет новый подъем национальной культуры, языка, религии, традиционных праздников, народ старается одеваться в свою национальную одежду, которая становится более современной, праздничной, нарядной. Люди надевают ее для красоты и оригинальности, поэтому одежда утрачивает функции повседневной и приобретает функции праздничной.

Современные модельеры, художники – создатели гражданских и сценических костюмов – исходят из образности и декоративности традиционного костюма. Многие из того, что было когда-то первостепенным, обладало особой магией и сакральностью, отходит на второй план, выдвигая на первый декоративность. В развитии современного бурятского костюма мы видим извечную борьбу двух тенденций; с одной стороны, желание сохранить традиции глубокой древности, а с другой – стремление к новизне, ломающее традиционные формы.

Из этой борьбы вырастает третья тенденция – хотя бы формально освящать традицией вновь рождающееся.

Тема 8. Украшения

Украшения – *зүүдхэл, гоёолто* – съемное подвижное убранство из постоянных или проходящих материалов, в отличие от неподвижных украшающих элементов, таких как разрисовка и деформирование тела, татуировка или укладывание волос.

Украшения – одна из универсалий, относящаяся к атрибутам личной культуры. Многие народы и сейчас могут обходиться без одежды, но нет ни одного из них, у которого не было бы украшений.

Украшения появились задолго до того, как человек начал создавать орудия труда и предметы быта. Научившись ковать металл, он прежде всего сделал из них украшения, закрепляя их на тех частях тела, которые создавали естественную опору: голове, висках, шее, руках, плечах, груди, пояснице, бедрах, ногах – нет такой части тела, для которой не было бы придумано украшение. У всех народов земного шара первоначальная функция украшения – магическая. Обереги обеспечивают тому, кто их носит, защиту от злых духов, опасностей. Вторая функция – декоративная, как выражение эстетических потребностей, радостей жизни, самоутверждения, стремления к красоте. Украшения в отличие от одежды имеют знаковую функцию: с их помощью человек стремится как-то выделиться, показать свою индивидуальность, быть замеченным. Следующая функция – материальная: украшения как знак социального отличия, символ благополучия и кредитоспособности, рациональный способ вложения материальных средств.

Кочевой образ жизни диктовал потребность в минимальном количестве небольших по размерам, многофункциональных, прочных предметов быта. Так как кочевники разводили скот, то численность его не могла быть бесконечной. Буряты обменивали его на хлеб, ткани, металлические изделия или же продавали за деньги в городах Иркутске, Верхнеудинске. На вырученные деньги заказывали, покупали украшения. Есть ценности проходящие, т.е. исчезающие, например, одежда, которая может порваться, выйти из моды и т.д. Украшения же относятся к ценностям вечным, т.е. чем оно древнее, старше, тем оно ценнее. Они компактны. Их можно было хранить в тайниках, укромных местах.

Жизнь кочевников была полна непредвиденных ситуаций: скот мог пасть от болезни, бескормицы, его могли угнать недруги, жилище могло быть ограблено, уничтожено огнем. Но человек, имеющий украшения и хранивший их вне дома, всегда мог рассчитывать на свое состояние и выйти из критической ситуации, продав или обменяв их на предметы, необходимые ему.

Металлы, камни, из которых изготавливали украшения, их типы и формы зависят от географической среды обитания того или иного народа, от исторической эпохи, когда их носили или создавали, от экономических и культурных контактов жителей данного региона и не в последнюю очередь – от меняющихся направлений моды. Важную роль в их выборе играют религиозные и национальные традиции, а также классовые, сословные, семейные и другие обычаи. Существуют территориальные, этнические различия в украшениях, а также различия по полу и возрасту. Многие украшения являются символом статуса, связанного с социальным рангом или классом.

Бурятские мастера – *дарханы* пользовались огромным уважением сородичей; работа их, сопровождавшаяся выполнением многих обрядов, представлялась неким таинством; большинство секретов передавалось по наследству и только посвященным. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранившиеся и дошедшие до наших дней мифы и предания, а также специальные «кузнечные гимны» в честь «небесных» покровителей ремесла.

В бурятском фольклоре им приписывается божественное происхождение, и могущество их приравнивается к явлениям вселенского масштаба: «Мастер, подобно белому небу... ты велик, как горы, как океан... подобно горам высоким, горнило с наковальной сделай! Подобно храмам высоким, горнило с наковальной сделай! Белый волосок серебряный до луны дотяни! Красный волосок до высоких гор дотяни!».

Помимо типичных для фольклора гипербол, здесь интересны и акцент на искусство кузнецов, умеющих «вытягивать» тонкие нити драгоценных металлов, и их цветовая увязка с небесными светилами. Ведь серебро действительно напоминает лунный свет, в то время как красный – цвет золота и меди, ассоциировался с солнцем, оттого-то «красный волосок» дотягивается «до высоких гор»,

из-за которых восходит утренняя заря и разгорается зарево закатного неба» (Соктоева И.С. 189).

Известно множество способов обработки исходного материала для изготовления украшений: резьба и гравировка камня и металла, шлифование, полировка, огранка драгоценных камней. К традиционным способам художественной обработки металлов относятся филигрань, зернь, чеканка, насечка, литье, чернь. Бурятские ювелиры, используя опыт предыдущих поколений, владели всеми этими способами. Часто выполнение какого-то одного вида изделия требовало от мастера знания сразу нескольких технических приемов. Основным материалом, служившим для изготовления украшений, было серебро. Для людей малосостоятельных ювелиры использовали серебро самой низкой пробы, так называемое «польское», для более зажиточных украшения выполнялись из серебра высокой пробы с позолотой, знать заказывала ювелирные изделия из чистого золота. Красота изделия зависела не только от качества материала и драгоценности камней, но и от искусства мастера, способного вдохнуть жизнь в свое творение. Старые мастера удовлетворяли запросы близких людей, односельчан, они видели и знали своих заказчиков – невесту, для которой делалось свадебное украшение, которую надо было «оберечь от злых духов», поскольку от неё зависело будущее рода, его продолжение; либо нарядно одетую женщину – хозяйку и хранительницу очага в доме. Он знал, что вещи, сделанные его руками, будут передаваться от поколения к поколению – от матери к дочери, от отца к сыну – и вместе с ценностями рода перейдет и имя автора-исполнителя. Для мастера не существовали главные и второстепенные детали и украшения. Так, в некоторых женских украшениях даже невидимые зрителю детали покрывались тончайшими узорами. «Бог видит все и отовсюду», – говорили старые мастера. По их убеждению, облегчить себе работу значило погрешить не против заказчика, а против своего мастерства и его святых покровителей. Мастера не заботили затраченное время или расходы материалов, для него важнее всего было его имя, признание его таланта, мастерства, а заказчики, в свою очередь, безмерно почитали его и ничего для него не жалели (Соктоева И.115. С. 191).

Изделия бурятских мастеров надо рассматривать на фоне национального костюма, воспринимая все как единое целое. Девичьи украшения были довольно скромными – серебряные сережки в форме кольца (*гариха*) диаметром 8–12 см, колечки, которые носили на указательном и безымянном пальцах (от 2 до 4 шт.), серебряный перстень, иногда со вставкой из коралла. Носить кольца на среднем пальце считалось нежелательным, особенно если у девушки был старший брат. Носили серебряные гладкие браслеты, а также с коралловыми вставками, хотя богатые использовали бирюзу и лазурит. Коралл по стоимости был дешевле, чем бирюза или малахит, еще дешевле стоил янтарь (*хуба*) красного и желтого цветов. После революции янтарные украшения были самыми распространенными; из него делали колечки, сережки, но чаще всего носили янтарные ожерелья. Девушки могли носить на широкой шелковой ленте нагрудные украшения *зуу* – серебряные медальоны.

Большое внимание уделялось украшению девичьей косы. Если она собиралась на *наадан* (игрища), к косе сверху вниз прикреплялись серебряные монеты: сначала 5–6 монет достоинством в 100 *мунгэ* (копеек), диаметром примерно 12 см, затем – 4–5 монет стоимостью 50 *мунгэ*, диаметром 8 см, а еще ниже – долларовая монета – *яншаа* достоинством 100 *мунгэ*.

Яншаа привозили из Монголии, на лицевой стороне была изображена птица Гарууда. Вместо яншаа в последние предреволюционные годы использовали монеты достоинством в 100 *мунгэ* отечественного производства с изображением царя Николая. Монеты к косе привязывали тоненькими ремешками (*тамһан*) из кожи козули. Также вплетали косоpletку (искусственную косу) из шелковой крученой нити черного цвета – *гогшоо*. Украшение косы было сложным делом, поэтому девушка прибегала к помощи матери, сестры, тети. В обычное время в косу, удлиняя её, полагалось вплетать только косоpletку (Галданова Г.30. С. 118).

Полный комплект женских украшений почти у всех народов представлен в праздничных и свадебных нарядах.

Для буряток к свадьбе готовили приданое, в том числе и полный комплект украшений. Основным материалом для поделок служило серебро, в большом количестве использовали кораллы (*маржаан*), янтарь (*хуба*), малахит (*номин*) и бирюзу (*оюн*). В украшениях иркутских буряток наряду с этими камнями использовали

перламутр (*эржин, эрзин*) – в виде круглых пластинок или пуговиц. Средний вес полного женского комплекта бурятки составлял 4–5 кг.

Ювелирные украшения женских комплектов были выполнены в разной технике. Самыми распространенными были техника чеканки и филиграни. Мастеров, работающих в этой технике, называли *шаблаад хэдэг дархан*. Филигрань могла быть накладной и ажурной. При накладной филиграни серебро вытягивалось в тонкую ровную проволоку, а затем на нее насекалась украшаемая основа в виде всевозможных узоров. При ажурной филиграни основы не было, рисунок в виде завитков и спирали скреплялся между собой в местах соединения или по краям общей композиции. Украшения изделий вставками из разных камней называется инкрустацией.

Выше мы уже говорили, что нет такой части тела человека, для которой не было бы придумано украшение. Все многообразие бурятских украшений по способу ношения подразделялось на следующие группы: головные, накосные, ушные, височные, височно-нагрудные, наплечные, поясные, боковые, украшения для рук.

Основным головным украшением является *даруулга* или коралловый венок. Основа в виде берестяного обруча, слегка расширяющаяся по верхнему краю, приподнятая на лицевой стороне, обтягивается материей, чаще всего темного-синего цвета. На нее нашиваются в три ряда полудрагоценные камни – кораллы, янтарь, лазурит, изредка встречается белый камень. В центре среднего ряда пришивается самый крупный камень, слева и справа от него располагаются другие, по убывающей величине. Каждый третий камень при этом выделяется либо цветом, либо размером. Камни верхнего и нижнего рядов одинаковы по размерам.

Даруулга закаменских бурят представляла собой узкую кожаную ленту, обшитую черным бархатом, на которую нашивались коралловые бусины или снизки мелких коралловых бусин, тремя рядами гирлянд свисающие по обе стороны, обрамляя лоб.

В селе Алцаг Джидинского района сохранились полные комплекты головных и наочно-височных украшений, выполненные известным мастером Доржи Чагдуровым. Это целые композиции из коралловых снизков, серебряных подвесок, медальонов – гуу.

К височно-нагрудным украшениям относятся подвески, которые пришиваются к головным уборам в области виска и свисают на грудь, прикрывая лицо, шею и грудь с обеих сторон. На уровне мочек ушей нередко закреплялись круглые орнаментированные бляхи, от которых тянулись несколько снизков коралловых бус, концы снизков завершались мелкими монетами. Такой тип подвески, называемый «*хиухэ-мөөр*», характерен для кудинских бурят. У эхиритских – ожерелья с серебряными кругами – дисками свисали до уровня пояса, бусы и монеты прикрывали главным образом грудь.

Нагрудное украшение *хоолобши* состоит из пяти блях, постепенно утяжеляясь книзу, где находится самая крупная из них, необычного очертания. Центральный круг окаймлен зубцами, между четырьмя крупными видны четыре более мелких, те и другие расположены крест-накрест, вписываясь в квадрат с чуть выгнутыми сторонами. Здесь встречается устойчиво повторяющийся мотив совмещенных фигур, которые символизируют солнечный диск и восемь направлений: четыре главных и четыре промежуточных.

Современные *хоолобши* – серебряная или золотая монета на цепочке, которую дарит сторона жениха во время сватовства.

У агинских и хори-бурят височно-нагрудное украшение называется *хиухэ*. Массивные литые кольца диаметром 10–12 см составляют основу украшения. Верхнее кольцо заканчивается стержнем с крупной коралловой бусиной посередине и кольцом меньшего размера (диам. 2,5 см). Длина этой части составляет 20–22 см.

Множество цепочек, снизок бус, соединяющих верхнюю часть украшения, удлиняли ее. Своеобразная разновидность украшения *хиухэ* – *хонхо* встречается в Кяхтинском, Селенгинском, Закаменском, Джидинском районах Бурятии. Основа его также состояла из кольца, но более легкого. Внутреннее пространство заполнялось филигранным ажурным орнаментом, к нему припаивалась сбюку пластина с фигурными краями, накладной филигранью, вставками коралла, малахита. Оба кольца соединялись на длинной цепочке фигурной орнаментированной пластиной, завершающейся колокольчиками.

К нагрудным украшениям относятся *гуу* – ладанки, в которых хранили тексты молитв или культовые реликвии. Гуу имели регио-

нальные различия по форме. Так в Мухоршибирском районе наиболее излюбленными были круглые, гладкие гуу, для Закамны характерны полуовальные или квадратные формы, для селенгинских бурят – прямоугольные.

Варианты нагрудных украшений. Сосор и Михаил Санжиевы.

В Тунке украшение подобного типа комбинировали с двойным или тройным рядом кораллового ожерелья и называли *гуу-хоолоб-ши*. Прекрасный образец такого украшения работы тункинского мастера Базара Садаева хранится в фондах Художественного музея им. Сампилова. Ладанки агинских буряток были в основном округлой формы, диаметром 5–8 см. Некоторые изделия имели овальную и прямоугольную формы. Лицевая сторона покрывалась чеканным или гравированным узором, основные сюжеты рисунка были связаны с буддийской символикой. Гуу носили на шелковых хадаках, шнурках или полосках ткани, некоторые носили на серебряных цепочках. Оно было обязательным нагрудным украшением женщин.

Своеобразным украшением замужних женщин Селенгинского района были футляры для кос *шэбэргэл*, иногда их носили с украшением *туйба*. Туйба представляет собой Г-образное металлическое украшение, длинный конец которого (стержень) вставляли в волосы у основания кос и обертывали сверху тесьмой. Видимый короткий

конец украшали серебряным, иногда золотым шариком. Украшение туйба бытовало только у забайкальских бурят.

В отличие от других украшений, шэбэргэл с туйбой или только одно украшение туйба носили до преклонного возраста.

Накосные украшения закаменских буряток назывались – *хонтуулы* – серебряные цилиндрические, запаянные с одной стороны наверх, которые закреплялись горизонтально к основаниям кос. Поверхность хонтуулов усыпана коралловыми вставками, расположенными симметрично и сконцентрированными вокруг наиболее крупных камней. Хонтуулы бурят западной части Закамны (сел Санага, Утатуй, Далахай, Мыла, Сагаан-Морин до Цакира) отличаются крупными размерами по сравнению с подобным украшением нижних сел – (Хамней, Бургуй, Улекчин, Хуртуга).

Другой вид накосных украшений – *боолто* – бытует в основном у закаменских бурят. Боолто – полуцилиндрический серебряный чехол для верхней части кос, лицевая поверхность украшена чеканным орнаментом в основном растительного происхождения.

Серьги – украшение, которое носят женщины всех народов, национальностей, возрастов.

Небольшие сережки, кольца, браслеты женщины носили ежедневно, их не снимали даже при выполнении домашней работы. Нарядные украшения делались из дорогостоящих материалов: золота, серебра, украшались вставками из кораллов, лазурита, малахита. Крупные по размерам, тяжелые по весу украшения надевались только по торжественным событиям. Как пишет И.И. Соктоева, «почти для всех бурятских украшений характерна укрупненность объемов и орнаментации. Имело место и социальное расслоение общества, когда наличие богато отделанных украшений выделяло богатых и знатных: в обычаях старины все должно было быть на виду и напоказ». Среди всех вариантов особо выделялись серьги, сделанные закаменскими мастерами. С именем первой женщины чеканщицы Бурятии Долгор Логиновой связано представление о продолговатых серьгах с длинными тонкими цепочками, завершающимися на нижних концах колокольчиками. Серьги состояли из двух частей: верхняя оформлена в виде цветка, на тыльной стороне припаян длинный крючок для вдевания в отверстие мочки. Верхняя часть на шарнирах соединяется с нижней основой круглого диска, к которой припаивались круглые колечки – ушки.

От них вниз свисали пять или семь цепочек с колокольчиками. У закаменского мастера Лубсана Тубшинова концы цепочек завершались серебряными шариками в форме зерен. Нарядные, в то же время строгие по своим пропорциям, композиционно завершенные, они не оставляют равнодушными ни одну женщину и в наши дни. Достойной продолжательницей традиции закаменских чеканщиков стала народный мастер Бурятии Валентина Бадмаева, в роду которой пять поколений известных чеканщиков. Она участница многих международных, союзных, республиканских выставок.

*Валентине Бадмаевой,
непрезойденной мастерице*

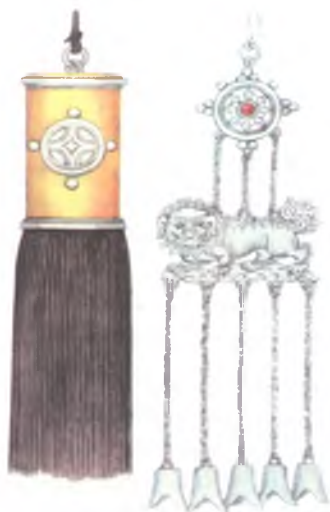
В ушах моих серьги звенят
Серебряные осколки луны,
На пальце поет серебром
Колечко, как память любви.

И мастерицы улыбка нежна,
Властительницы злата, серебра,
Как музыка льется с небес,
Серебряной мелодии звуки.

Г. Базаржапова

В комплект украшений молодых женщин и девушек агинских и хори-буряток входило наплечное украшение – *мүрэй гуу*. Его пришивали на плечи халата или женской безрукавки. Это украшение представляет собой круглую серебряную бляху выпуклой формы, изготовленную штамповкой. С трех сторон бляхи припаивались кольцообразные серебряные петельки, к которым подвешивали снизу двойных коралловых нитей, с шелковыми кистями на концах. Размеры гуу колебались от 4,5 до 9 см в диаметре (Бадмаев А.А. 6.С. 41.)

Парное боковое украшение *ханжуурга* также входило в комплект свадебного украшения. Это набор из нескольких ювелирных предметов, подвешенных к круглому серебряному диску со вставкой коралла в центре (т.н. *гарьха*). Иногда вместо круглого диска предметы подвешивались на длинных тонких цепочках к фигуре льва. На одном боку висели шипчики для выдергивания заноз, ухочистка (*хулхуур*, *холхибшо*), зубочистка, игольница. В конце XIX – начале XX веков во всех районах Забайкалья и у агинских бурят на цепочке или шелковом шнуре подвешивали не-

большой женский нож и огниво. Вся подвеска закреплялась к верхней одежде на уровне пояса, нередко дополнялась шелковыми кистями красного, желтого, зеленого цветов.

Как мужчины, так и женщины носили на руках кольца. Кольцо – *бэнэлиг* – знак, имеющий свое символическое выражение у всех народов, во всех культурах. Кольцо, круг, диск Солнца – символ благоденствия, дающий богатство. На эмблематическом уровне это знак бессмертия, вечности. Кольцо с камнем обеспечивало защиту в зависимости от свойств камня. Обручальное кольцо – символ, обет супружеского союза, верности. В некоторых случаях кольцо передавали из поколения в поколение, поддерживая энергетику рода. Кроме колец на руках носили перстни. Мужские перстни обычно выполняли в виде печатки, на которой наносились инициалы владельца.

Браслеты – *бугааг* – носили женщины всех сословий и возрастов. Их можно было носить на обеих руках. Формы браслетов были разными: полукруглые, круглые, плоские, их украшали орнаментами, часто инкрустировали кораллами, малахитом, лазуритом или бирюзой. Повседневно могли носить медные браслеты, считая, что они помогают при вывихах, растяжении жил или мышц.

Ношение серег в ушах, колец, браслетов, цепочек имело в древности магическое значение, которое сейчас практически утратилось. Объясняют это следующим: у каждого человека есть душа, жизненная энергия, которая может уйти из тела. Ночью она находится в волосах или под ногтями, поэтому старые люди даже сейчас запрещают ночью стричь ногти, расчесывать голову или стричься. Душа может покинуть тело через ее выступающие конечности: пальцы рук, ног, мочки ушей, глаза, ноздри, рот. Чтобы «закрыть» эти выходы, вдевали в мочки серьги, как бы «замыкали», на пальцы надевали кольца, но так как на все пальцы не наденешь 10 колец, то «замыкали» всю руку браслетом, на шею надевали цепочку – «замыкались» все отверстия на голове. У некоторых народов продевали кольца в носу, в Индии даже на ногах носили браслеты.

Украшения буряты (как женщины, так и мужчины) придавали большое значение. Они служили не только для выполнения их прямого назначения – украшать, но и наделялись большим символическим смыслом – играли роль амулетов – оберегов, маркировали возраст и социальное положение индивида, утверждали переход личности из одного статуса в другой. В костюме они подчинялись формам и пропорциям человеческой фигуры, образуя единый комплекс, в котором каждая деталь обусловлена ее местом в композиции. Бляхи и подвески украшений, как мужских так и женских, тяготеют к замкнутым формам круга, полусферы, как в общей композиции, так и в различных ее фрагментах и деталях.

Расшифровка семантической стороны бурятских украшений раскрывает целую систему различных магических представлений. Например, множество различных по размерам колокольчиков на серьгах, нагрудных *hiuxэ* при ходьбе издают мелодичные звуки. Подобное звуковое сопровождение идущей женщины было характерно для татарок, башкирок, цыганок и представительниц других национальностей. Бытовала даже поговорка, что «женщину сначала слышно, а затем видно». Здесь сохранились отголоски древнего верования, связанного с очищением звуком, особенно колокольным. Звон колоколов на русских церквях очищал прилегающую местность, колокольчики на конской сбруе извещали о приближении транспорта, перед которым освобождался путь, звук колокольчиков сопровождает совершение как шаманского, так и ламаистского обряда. Наличие боль-

шого количества серебра на женщине тоже имело магический смысл, т.к. серебро – белый металл – является символом чистоты, святости.

Замечательные свойства драгоценных камней и кристаллов различных минералов известны и используются людьми с глубокой древности. Современная наука смогла в значительной мере раскрыть их природу, доказать, что это не чудо. Все объясняется строением и происхождением тех или иных камней. Образовавшись на протяжении многих лет в результате тектонической деятельности, они аккумулялировали и преобразовывали в себе воздействие как космических, так и земных сил. Извлеченные из естественной среды и даже обработанные для придания им большей красоты, камни несут в себе способность преломлять энергию Земли и Космоса, усиливая или ослабляя их влияние.

Известный индийский астролог, хиромант, владеющий секретами учения йоги, крупнейший специалист по гемологии Ачарья Пушпарадж в своих исследованиях и наблюдениях по магии камней говорит о том, что «тот или иной эффект воздействия драгоценных камней на человека в гемологии связывается с тем, что они способны абсорбировать или, наоборот, усиливать космическое и земное излучение, под влиянием которого постоянно находится все живое. В традиционной восточной медицине, уходящей корнями в глубь тысячелетий, хорошо известны энергетические центры, расположенные на человеческом теле. Считается, что они являются регуляторами всех процессов, происходящих в организме, и одновременно – теми чувствительными «приемными устройствами», через которые в него проникают различные поля Космоса и Земли.

С помощью правильно подобранного драгоценного камня можно включить эти «приемники» и настроить их на нужную волну или же при необходимости приглушить их восприимчивость, чтобы предохранить организм от вредных для него земных и космических излучений».

Для того, чтобы знать, когда и какой камень следует применять, нужно детально разобраться в гороскопе человека, который обращается за помощью к гемологу, прочитав его судьбу по звездам или по руке. Наши пальцы и некоторые точки на ладонях служат как бы датчиками, воспринимающими создаваемые камнями поля и передающими соответствующие сигналы энергетическим центрам организма.

По Ачарья: «мизинец связан с планетой Меркурий, ему нужен камень зеленого цвета – изумруд. Безымянный – палец Солнца. К нему подходит только камень красного цвета – рубин. Средний связан с Сатурном, на нем следует носить синий или черный камень, лучше всего сапфир голубого или синего цвета. Указательный – Юпитер. На него нужно надевать кольцо с желтым сапфиром, камнем редким, обладающим очень ценными свойствами. Большой палец заменяется на мизинец или безымянный. Это палец Венеры, камень которой бриллиант чистой воды.

Бугорок на ладони на основании большого пальца – Марс. Его брат – палец Солнца, безымянный. Бугорок на противоположной стороне ладони, напротив мизинца, – это Луна. Камень Марса – коралл – носят на среднем пальце, а Луны – натуральный жемчуг или заменяющий его лунный камень – на мизинце. Все это касается только правой руки.

Левая – вспомогательная, на ней можно носить дополнительные кольца с камнями, только для того, чтобы усилить эффект.

«Правильно установить, какие камни носить, можно только при одном условии: если знаешь индивидуальный гороскоп человека», – советует Ачарья. Важнейшее значение имеет фактор времени. Чем точнее известен момент рождения того или иного человека, тем вернее можно составить гороскоп и подобрать нужный ему талисман. Доверять «календарям камней», который часто предлагают ювелиры и где на каждый зодиакальный знак предписан один или несколько камней, значит, очень упрощенно подходить к этому тонкому делу. Ведь под одним зодиакальным знаком оказываются люди, родившиеся в разные годы или же с разрывом в минуты, часы, дни, недели. Между тем взаимное расположение планет постоянно меняется, и такие временные отличия очень существенно сказываются на общей картине. Представим, что в одну и ту же секунду вместе с вами появился на свет индиец (или человек любой другой национальности). Оба родились под одним зодиакальным знаком, но один на берегу Байкала, а другой – на 1000 км южнее. На все живое на определенном участке Земли планеты будут влиять иначе, а значит иными будут ваши характеры, по-разному сложатся судьбы. Даже у родившихся в один момент в одном роддоме судьбы не могут повториться, потому что будут различаться космобиологические факторы, перешедшие в наследство от

родителей и играющие огромную роль в формировании личности. Уловить же такие нюансы можно только на основе индивидуально составленного гороскопа, который следует еще и выверить путем составления теоретических расчетов на будущее со многими данными из уже реально прожитой жизни. Определить свой «счастливый камень» не просто. Более того, как уверяет Ачарья, если строго следовать всем правилам, его вообще невозможно подобрать на всю жизнь. Астрологи считают, что все планеты имеют определенные «периоды активности», когда их воздействие сказывается наиболее сильно.

И сами камни отличаются друг от друга в зависимости от места их происхождения, имеют энергетическую привязку к определенным регионам. Человеку из России лучше носить изумруд с Урала, а не из Южной Америки, – советует Ачарья.

Коралл – самый любимый камень бурят.

К нам он попадал через Китай и Монголию как предмет торговли кяхтинских и верхнеудинских купцов. Коралл – это морское или водное дерево, обладает сложным символом, включающим в себя символизм дерева и знак водяной бездны. Красному цвету придавалось большое значение в различных обрядах и действиях магического характера. Еще в глубокой древности раскрашивали красной охрой наскальные рисунки, изделия из кости и камня. Коралл ассоциируется по цветовой символике с огнем, солнцем, кровью – символами жизненной энергии, тепла, очищения.

Своим приглушенным и вместе с тем насыщенно густым тоном кораллы оживляли матово-белую поверхность серебряных изделий, контрастно выделяясь на фоне чеканного и ажурного узора.

Они гармонично сочетаются со смуглым цветом кожи и черными волосами бурятских женщин. Коралловые вставки можно увидеть не только на женских, но и на мужских украшениях как в одиночных гнездах – кастах, так и на проволочных стержнях «спенях», для чего их просверливали насквозь. В верхней части такой коралл завершается цветочной розеткой, например, на дэнзэ (навершиях шапки), на пуговицах. Многие украшения бурят выполнены из золота или декорированы им.

Золото – драгоценный металл, ценимый за то, что не ржавеет. Будучи желтым, он ассоциируется с солнечной энергией и огнем. Эзотерически это знак мудрости и знания, знак света, универсальный символ Солнца, Божественного озарения, мудрости и бессмертия. Во многих традициях ассоциируется с тайной Земли; он воспринимается как сердце Земли, подобно сердцу – центральному аспекту в человеке. Золото – символ изобилия и благополучия, используется как амулет и талисман. Это знак земного и небесного величия. Золото как алмаз – знак духовной крепости и устойчивости. Его антиподы – дерево, солома, сено. При испытании огнем золото очищается, закаляется, антиподы – уничтожаются. В Индии золотой цвет означал истину.

Как золотая корона – знак мужской солнечной энергии. Античные греки видели в золотом цвете знак разума и бессмертия. Золотой фазан в китайской мифологии – символ космической гармонии.

Существующие выражения «золотое правило», «золотое сечение» «золотая середина», «золотые слова», «золотые годы» несут в себе свидетельства непререкаемой истины и справедливости констатируемых в них фактов.

Чрезмерное увлечение золотыми украшениями и изделиями, как говорили старые буряты, «*бэедэ хүндэ*» (т.е. тяжело для тела, духа). Поэтому носили их редко, в особо торжественных случаях. В быту, в будние дни буряты предпочитали носить серебряные изделия.

Серебро считается национальным металлом бурят. Люди с глубокой древности осознавали, что серебро и серебряные сосуды, чаши, кубки обладают способностью к стерилизации пищи и напитков. Вся церковная и дацанская утварь, в которых хранили святую воду, была сделана из серебра. Буряты всех районов именно серебряные (белые) монеты бросали на дно родниковых источников, на *обоо*, на горных перевалах у *бариса*.

Серебро – металл, наделенный магической функцией, синоним всего светлого, радостного, символ красоты, богатства, здоровья. В течение многих веков у многих народов серебро было, наряду с золотом, монетарным металлом. Цены на серебро и золото постоянно колеблются. Наиболее почитаемо серебро в Индии, на родине буддизма. В Монголии во времена правления Чингисхана серебряные изделия являлись предметом культа, они ценились дороже золота.

Со времени превращения золота в монетарный, а затем в валютный металл, серебро значительно обесценилось. Обладая ценным физическим свойством – высокой электропроводностью, серебро стало незаменимым техническим материалом.

В Бурятии серебро добывали во многих местах. Об этом свидетельствуют многочисленные топонимы, например, река Мунгут в Хоринском районе, в Оке, Тунке, Закамне. В селе Санага Закаменского района есть местность Мүнгэн Добо «Серебряный Холм». Когда-то в древние времена здесь добывали серебро местные дарханы-чеканщики. С приходом буддизма в Бурятию в 1832 году тут был построен Санагинский дацан и добычу серебра в этом месте запретили. В бурятском героическом эпосе «Гэсэр» слово «серебро», «серебряный» встречается более двухсот раз. Применение серебра в эпосе приобретает эстетический характер: дворцы, стены, полы, столы, шлемы, коновязи, оружие, предметы конской упряжи, мужские и женские украшения выполнены из серебра или украшены им (Ковалевский Д. 58.С. 352–356).

Бирюза – символ счастливой любви и благодатной семейной жизни. Ее символика связана с древними восточными поверьями, будто бирюза есть не что иное, как кости умерших людей.

Бирюза – основной камень Востока, священный камень Тибета, камень египетских фараонов, а также небесный камень американских индейцев. Многие камни утрачивают свои непостижимые силы, но бирюза способна сохранять мистические свойства, меняя цвет, становясь бледной, пятнистой, переходя из голубой в белую. Считалось, что бирюза отражает различное состояние здоровья. Бледнеет – если хозяин ее болен, становится белой, если он умер.

Цвет камня может восстановиться, если его снова будет носить здоровый наследник. В Тибете бирюзу ценили, считая не камнем, а божеством. Известные тибетские семьи даже брали себе фамилии типа «бирюзовая крыша», надеясь, что это принесет удачу. В Китае считали, что бирюза придает большую силу тому, кто смотрит на нее. По мнению китайских медиков, применение целебной мази из бирюзы излечивало от катаракты. Она якобы возвращает цвет зрачку и способствует видению в темноте. В плане магической процедуры, медитация на бирюзу ночью, в ново-

лунне, могло укрепить здоровье и принести победу в сражении. Многие древние авторы приписывали ей способность вылечивать эпилепсию, кишечные болезни, язвы, опухоли.

Ювелирное искусство долгие годы было полузабытым ремеслом. Во второй половине 50-х годов начинается его подъем. Лучшие мастера-чеканщики из всех районов Бурятии представили свои работы на выставке во время проведения II Декады бурят-монгольского искусства и литературы в Москве в 1959 году. Многие современные мастера декоративно-прикладного искусства не прекращают творческих поисков, совершенствуют профессиональные навыки и технико-исполнительское мастерство. Основываясь на богатейшем творческом наследии народа, они стремятся внести свой вклад в современную бурятскую культуру и способствовать дальнейшему ее развитию.

Б. Жамбалов. Женский гарнитур «Сэсэгма». 1993 г.

Темы и задания к главе 2

Тема 4. Дерево в культуре бурят

1. Защита письменных работ по творчеству мастеров, работающих с деревом (на примере мастеров своего села, района, города).
2. Дерево в фольклоре, литературе, изобразительном и песенно-музыкальном жанрах.
3. Экологические традиции, обычаи и обряды бурят, связанные с деревом, в сфере природопользования.

Тема 5. Пища как часть культуры народа

1. Обычаи и обряды бурят, связанные с бурятской кухней.
2. Народные способы хранения и консервации продуктов питания.
3. Бурятская кухня в фольклоре, литературе, изобразительном искусстве.
4. Экологические традиции бурятской кухни.

Тема 6. Жилище

1. Обычаи и обряды бурят, связанные с жилищем.
2. Бурятское жилище в фольклоре, литературе, изобразительном и песенно-музыкальном жанрах.
3. Юрта – прообраз жилища XXI века.

Тема 7. Бурятский костюм

1. Региональные особенности костюма агинских, иркутских, хоринских, селенгинских бурят.
2. Символика дополнений костюма (пояса, манжет, дэнзэ, ножен, трубок).
3. Обычаи и обряды бурят, связанные с костюмом.
4. Бурятский костюм в фольклоре, литературе, изобразительном и в песенно-музыкальном жанрах.

Тема 8. Украшения

1. Мастера серебряных дел Бурятии (традиции).
2. Региональные особенности и символика бурятских украшений.
3. Украшения и их отражение в фольклоре, литературе, изобразительном и песенно-музыкальном жанрах.
4. Ювелирное искусство Бурятии на современном этапе.

Глава 3. Духовная культура бурят

Тема 9. Лошадь в традиционной культуре

Не наделив человека крыльями,
Небо взамен даровало ему лошадь.

Из народной мудрости

Если мы взглянем на историю цивилизации и человечества в целом, то увидим, что многие поворотные моменты прямо или косвенно были связаны с появлением коня. Именно лошадь и собака, прирученные человеком в глубокой древности, верно и преданно сопровождают его и сегодня.

Приручение коня вызвало первые крупные передвижения народов, когда, получив в свои руки удесяттеренную скорость, человек смог проникнуть во многие пустынные и труднодоступные территории, сделав их обитаемыми, а также использовать естественные ресурсы этих районов для скотоводства, охоты и т.д.

Благодаря верховому коню стали расширяться географические познания кочевников, устанавливаться новые контакты с жителями вновь открытых земель. Это обстоятельство, в свою очередь, способствовало обмену хозяйственными и культурными ценностями, их широкому распространению на больших территориях.

Использование верхового седла с твердой основой и стремян произвело в древности настоящую хозяйственно-техническую революцию. В жизни кочевников это стимулировало развитие культуры на ранних этапах истории.

Почти 6000 лет прошло со времени приручения человеком дикой лошади и за это время в различных странах мира выведено около 250 различных пород лошадей. В начале III-го тысячелетия лошадь остается другом и верным помощником человека в его разносторонней деятельности.

Тематика, связанная с ролью коня в различных сферах жизни человека, может быть очень широкой в рамках исторической хронологии и географического пространства.

О лошадях написаны тысячи книг – и научных, и художественных. О них сложены легенды, предания, сказки, песни, стихи и целые поэмы. И все это не случайно.

В далеком прошлом, когда люди мало, а то и совсем ничего не знали о многих явлениях природы, они объясняли их с помощью всяких домыслов. При этом они часто прибегали к помощи богов и лошадей. Происхождение одного из интереснейших явлений природы – грозы – они объясняли так: по небу на грохочущих колесницах мчались боги, мечущие огненные стрелы. Такими способностями обладали индийские боги Индра и Варуна, римский Юпитер, греческий Зевс, хеттский Пирва.

У христиан громом и молниями ведал пророк Илья-громовержец, разъезжавший по небу на тройке лихих коней, запряженных в огненную колесницу. При этом раздавался гром и блистали молнии.

До введения христианства у восточных славян громом и молниями ведал бог Перун, которому поклонялись еще киевские князья Олег и Святослав. В латышских народных сказаниях Перун (по-латышски Перкун) изображался могучим громовержцем, мчавшимся по небу на девяти конях. С ним были девять сыновей: трое гремят, трое разят, трос мечут молнии.

На Руси веками было так, что без коня ни дикое поле не вспашешь, ни натиск врагов не отразишь, ни в поход не пойдешь. Как бы выражая общее значение коня для русского человека, П.П. Ершов в своей замечательной сказке «Конек-горбунок» писал:

На земле и под землей он товарищ будет твой.
Он зимой тебя согреет, летом холодом обвеет,
В голод хлебом угостит, в жажду медом напоит.

С Центральной Азией связаны судьбы таких крупных этнических образований, как индоиранцы, тюрки, монголы. Выявление их роли в создании общечеловеческих культурных ценностей волновало исследователей всегда.

Идею космоса, Вселенной выражал в иранском искусстве «огненный» символ – небесная колесница, запряженная четверкой лошадей, воплощавших четыре стихии: огонь, воду, ветер (воздух), землю. Точнее, эта космическая колесница олицетворяла собой идею связи Вселенной и человека. Позднее эта связь нашла свое воплощение в образе всадника, верхового конника, скачущего на лошади, догоняющего врага.

Жители иранских земель верили, что в коней, которые мирно пасутся на лугах окружающего их мира, уходят души царей и героев.

Образ коня – это очень важный символ древнеиранского искусства. Он соединялся с образом царя, бога – вседержателя. В сознании людей царь и конь соединялись воедино, поэтому сегодня археологи находят в захоронениях вождей племен и царей Ирана каменные и золотые скипетры – символы царской власти с головой коня.

Образ коня в искусстве превратился в один из самых популярных возвышенных мотивов, с которыми связаны чувства преданности, добра, любви.

Особенно ярко выступает культ коня в традиционных верованиях и эпосе у скотоводов-кочевников Центральной Азии и прилегающих к ней районов. Это связано, несомненно, с огромным значением коня в их хозяйстве, культуре и быте.

У всех кочевников Азии конь пользовался большой любовью, к нему относились как к близкому другу, называя *эрдэни* – драгоценность. Коня лелеяли и холили. Запрещалось ругать, бить лошадей, особенно по голове, наступать на удила.

У монголоязычных народов лошадь считается символом ума. К.В. Вяткина отмечала присущее монгольским народам осмысление лошади как предка.

Характеристика лошадей, разводимых бурятами, по архивным документам 1879 года, звучит так: «Мы, родоначальники разных родов ведомства Агинской степной думы, имеем честь объяснить: разводимые нами местные породы лошадей питаются подножным кормом, зеленью, ветошью, не требуют за собой особого ухода, зимой и летом могут обходиться без конюшен и сараев, но между тем обладают крепостью и выносливостью. И для верховой езды по легкости своей имеют превосходство перед лошадьми, привозимыми из внутренних губерний и Западной Сибири».

В Бурятии встречаются лошади около двадцати мастей. Наиболее типичные из них: вороной (*хара*), рыжий (*зээрдэ*), пегий (*алаг*), бурый (*хүрин*), саврасый (*хула*), соловый (*шаргал*), чубарый (*соохор*), сивый (*боро*). В бурятском языке масти лошадей

обозначаются также символами: *халюун, сагаан, соохор-хара, хүрин хээр, хаарал, буурал, сабидар, хүрин-хара, алаг, юбуутай хара* (со звездочкой на лбу), *ашагта зээрдэ, халтан боро, уһан хүхэ, үүлэн боро* и т.д. Достоинства коня подчеркивались в песнях, фольклорных произведениях эпитетами: быстрый (*хурдан*), ходкий (*ябадалтай*), отменный (*агта*), сильный (*шамбай*), отличный (*галдан*), упитанный (*арбинтай-далантай*). Не обойден вниманием и шаг коня: *хатар* (рысь), *жороо* (иноходь), *оодор* (галоп), *дугшалга* (мелкая иноходь). Возраст коня определяется по его сорока зубам. По возрасту новорожденный жеребенок называется *унаган*, двухлетка – *дааган*, трехлетка – *гунан*. Мерин трехлетний – *үрээ*, кобыла трехлетняя – *шүдэлэн*, мерин четырехлетний – *хизаалан*, пятилетний – *ноёо хунгама морин* (именно в пять лет выпадают первые шесть зубов), жеребец – *азарга*, кобыла – *гүүн*. Коня, прожившего свыше двадцати лет, называли «*жалжагы гутал*» (стоптанный башмак). В Монголии, Бурятии бытует сутра «О достоинствах коня» (*мориной шэнжын худар*). Краткое содержание ее:

1. Если зрачки лошади темно-красного цвета, значит, сердце ее богатырское. Она ничего не боится.

2. Если ноздри большие, значит, легкие маленькие. И это хорошо, ибо лошадь с большими легкими не годится для дальних расстояний.

3. Если уши тонкие, значит, почки небольшие, такая лошадь считается быстроногой.

4. Если у лошади грудь подобна львиной, холка, как у хайнака, – это признак хорошего скакуна.

Пожалуй, ни в одном языке мира нет столько слов, имеющих отношение к лошади, как в бурятском и монгольском. Ведь только мастей у лошади около пятисот, а каждая масть имеет еще свои оттенки.

Говорят, опытный табунщик может определить масть лошади по его копытам, сможет, глядя на жеребенка, сказать, какой конь из него получится, недаром у бурят есть пословица: «*Хүн болохо багаһаа, хүлэг болохо унаганһаа*» (Каким будет человек, видно с детства, каким будет скакун, видно с возраста жеребенка).

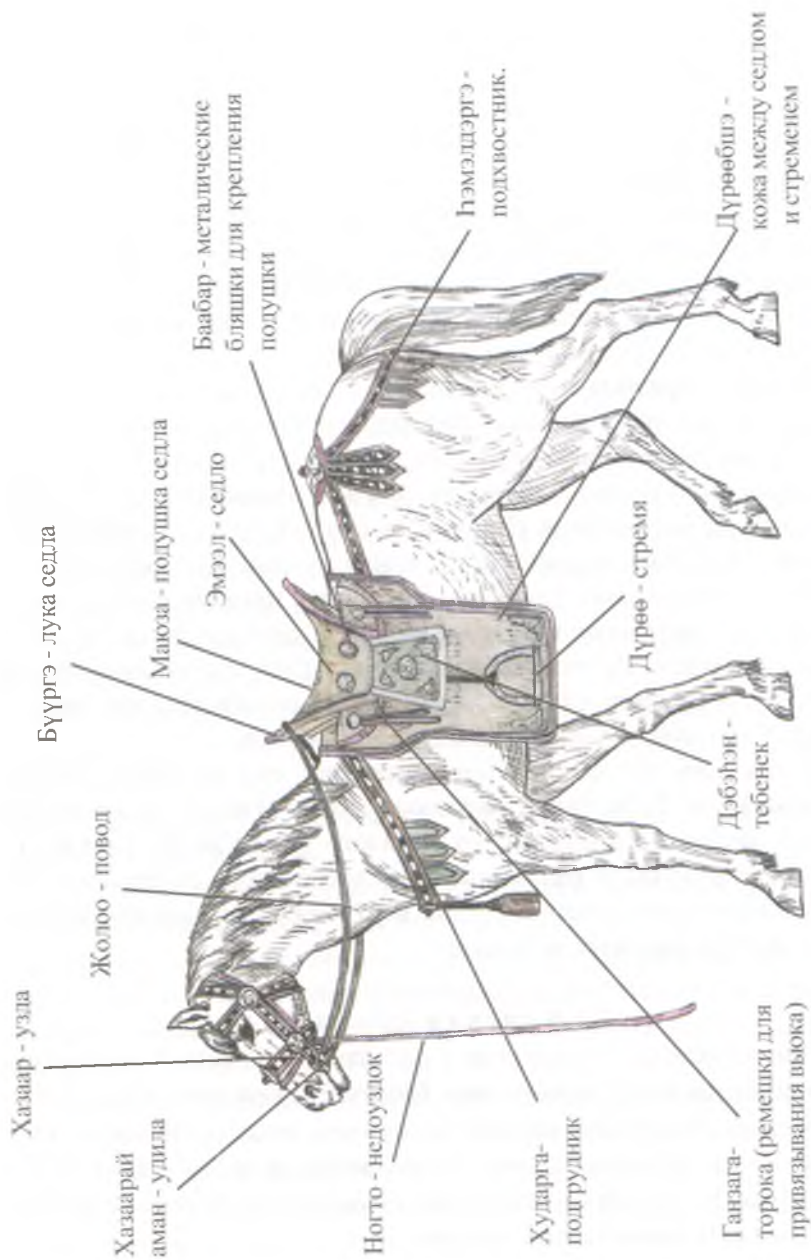
Самой большой ценностью для степняка-кочевника, с точки зрения красоты и престижа, был хороший конь в богатой сбруе. В эпических произведениях тюрко-монгольских народов проступает традиция, свойственная обществу кочевников – не престижно мужчинам ходить пешком и вообще не иметь коня. Она очень глубока, если судить по эпосу, по памятникам древней письменности. Недаром в древнем мире даже сложилось представление о кочевниках, как о кентаврах. Поэтому для тюркских и монгольских народов было незыблемым обычаем погребать вместе с владельцем его любимого коня, чтобы не лишать его нормального существования в потустороннем мире.

В давние времена буряты верили, что с рождением сына – баатора (в тот же час и минуту) рождается и аргамак, предназначенный для него: *«баатарай түрэхэдэ – хүлэг түрэдэг»*. Истоки этой веры уходят в седую древность, когда кочевники, прося сына у Солбон сагаан тэнгэри (Венеры) и его супруги Майлган хатан (царицы Майлган), приносили им в жертву солового коня. Посвященный тэнгрию конь удостоивался обряда привязывания к нему специальной ленточки *«сэтэр»* и гулял на свободе до своей естественной смерти, на этом коне никто не ездил, его не привлекали к работе. В старину считали, что Солбон сагаан тэнгэри дарует коней, а его супруга Майлган хатан – сыновей.

После того как человек приручил коня, ему не сразу удалось сесть на него. Если быка, верблюда можно тянуть за железное кольцо, продетое в ноздри, то горячего коня так не поведешь. Значит, нужны были различные приспособления, надеваемые на лошадь при использовании ее для верховой езды, перевозки вьюков, для езды на санях и телегах.

Конская сбруя

При взгляде на взнузданную и оседланную лошадь, будь то конь спортсмена, пастуха или табунщика, бросится в глаза прежде всего сходство в снаряжении коня, которое будет очень велико. Но все, что мы видим на коне: уздечка, седло со стремянами, подковы – возникло в разное время и у разных народов. И оказалось объединенным одной системой сравнительно недавно.

Узда – самое древнее средство управления конем. Одно из наиболее древних сведений об уздечках относится к ассирийским текстам. Самые ранние детали конской уздечки датируются третьим тысячелетием до нашей эры.

Сегодня существуют разные способы управления упряжными и верховыми животными: простые недоуздки для верблюдов, кольцо в носу для быков, верблюдов, узда для лошадей. Цель во всех случаях одна – наилучшее управление животным, подчинение его своей воле, а средства оказываются разными. Дело в том, что у нижней челюсти лошади зубы расположены не сплошным рядом, как у людей и большинства животных, а с пустым пространством между резцами, клыками и коренными зубами. Именно на этот беззубый край десен и на язык давят металлические удила.

Простая узда состоит из трех частей: оголовье (или суголовье) из кожаных ремней, металлическая часть удила или трензеля (грызло), находящиеся во рту лошади, и повод, идущий от удила к руке всадника (*жолоо*).

Оголовье состоит из соединенных между собой ремней, цель которых так укрепить удила, чтобы лошадь не могла их сбросить во время движения или при остановке, а также, чтобы они не натирали губы или язык. Соединяются между собой ремни с помощью различных блях, крючков и пряжек, типы и орнаментация которых служат хронологическим или этническим признаком.

Удила на самом раннем этапе изготавливались из сыромятных ремней, затем заменились на металлические. Удила, вернее, грызло – та часть, которая лежит на беззубом крае челюсти и языка, состоит из двух или более звеньев.

Повод был ременным, иногда плетеным; прикреплялся к кольцу удила, проходящему сквозь центральное отверстие псалий или надевавшегося на них.

Лошадь являлась основным транспортным средством в хозяйстве, повседневном быту и во всех торжественных случаях семейной и общественной жизни.

Поэтому большое внимание бурятские мастера уделяли изготовлению и украшению конского снаряжения. Сделать красивое седло со стременами или другой предмет для коня каждый дархан

считал самым почетным заказом, большой честью для себя, вкладывал в него всю душу, мастерство. Во всех районах Бурятии были свои мастера-седельщики.

В Еравне жил известный мастер Паачуу-дархан, в Закамне пользовались спросом седла мастера Халзай-дархана, но самыми знаменитыми считались кижингинские седельщики, к которым приезжали и заказывали седла со всей Бурятии. Большим спросом пользовались на ежегодных ярмарках, проходивших в Агинском дацане, Верхнеудинске, работы братьев Буега и Эрдэни Ринчиновых, Бадмы Улзытуева, Ринчина Санжиева, Жамбала Жамсаранова, Санжимитаба Агбанова.

Конское снаряжение у кочевников в основном было предназначено для верховой езды. У каждого члена семьи был свой любимый конь. Выдавая дочь замуж, родители давали в качестве приданого хорошего коня со всем убранием.

Главное место в конской сбруе занимало седло. Впервые седла изобрели германцы; поначалу это были две плоские деревянные доски, укрепленные на спине лошади и покрытые звериной шкурой. Усовершенствование седел в разных исторических эпохах и в разных географических точках земного шара имело свои особенности. Главной функцией седла было облегчать и создавать удобства при верховой езде. Не простое дело сделать хорошее седло. У бурят различались три вида украшения седел: серебряные, посеребренные и деревянные. Они служили своеобразным показателем социального положения владельца: серебряные – для богатей, высокопоставленных лиц, посеребренные – для лиц среднего достатка, деревянные – для бедноты.

Для изготовления деревянного каркаса использовали березу – иногда лошадь сбрасывала его со спины, березовые же седла обладали особой прочностью. Это достигалось за счет правильной сушки: заготовки держали в навозе, не снимая бересту до тех пор, пока она сама не отделялась. При такой сушке сок дерева оставался внутри, для придания особой прочности заготовку варили до приобретения красноватого оттенка. Деревянная часть седла (остов) состояла из березовых дощечек – полок – продолговатой полуовальной формы (*хабтаһан*), к которым прикреплялись две луки (*бүүргэ*)

– передняя почти вертикальная, задняя несколько откинута назад. Аккуратно подогнав все детали, их склеивали, закрепляли кожными ремешками, продетыми через небольшие просверленные отверстия. Среднее расстояние между луками у мужских седел составляло около 30 см, у женских – 50 см. Это объяснялось тем, что даже во время беременности женщины могли ездить верхом.

На обоих концах боковых дощечек пробуравливали по две дырочки для кожаных ремней – тороков (*ганзага*), это место прикрывали металлическими посеребренными бляхами.

Лицевые стороны луков в большей части окрашивали красной масляной краской, которая символизировала «утреннее красное солнце, подобно румянному цвету лица», древность рода владельца, его молодость, его здоровье. Некоторые мастера украшали лицевую сторону тонкими серебряными пластинами с чеканными орнаментированными узорами; торцевые края обкладывались костяными пластинками из рогов изюбра, оленя или же закрывались полосками серебряных пластин.

Подушки – сиденья (*маюза*) – кусок толстого войлока выкраивали по форме остова и обтягивали сукном или кожей. Они прикреплялись к деревянной основе серебряными круглыми бляхами (*баабар*) по две штуки с каждой стороны.

От нижнего края подушки по обе стороны свисали кожаные квадратные (20–30 см), украшенные аппликацией или вышивкой тебеньки (*дэбэһэн*), закрывающие место закрепления кожаных ремней, через которые продеты стремяна, они также предохраняли ноги всадника от трения ремнем стремени.

При седлании коня первым на спину накидывается толстый войлочный потник. Потник особо не украшали, лишь обшивали по краям кожаной полоской, чтобы войлок не растрепывался. На потник накидывали чепрак – *хэжэм* – кожаные или юфтевые прямоугольные накладки, предохраняющие бока лошади от трения. Некоторые чепраки представляли собой великолепные образцы прикладного искусства, ибо они богато орнаментировались геометрическими, растительными узорами, выполненными в технике аппликации, вышивки, тиснения. Седла закрепляли на спине двумя подпругами, сплетенными из конских волос. Подпруги перетягивали под брюхом лошади, поэтому они часто могли промокать. Волосяные подпруги при промокании не меняют своих размеров в отличие от кожаных, которые могут растягиваться или наоборот, засохнув, стягивать кожу животного.

Буряты делали уздечки для повседневного пользования и нарядные. Так же, как седло, кожаные детали узды украшались белыми круглыми бляхами, которые эффектно выделялись на поверхности кожи. Выполняли они в этом случае двойную функцию, являясь украшением, закрепляли, скрепляли детали.

У женских седел агинских и хоринских бурят на подушку накидывалась деталь *агтабша* (наседельник). Шесть круглых металлических дисков соединялись кожаными ремнями – по три диска с каждой стороны. Центральные диски соединялись ремнем, ложившимся на подушку сидения.

Большая круглая бляха или посеребренный диск служили основой для подгрудника – (*хударга*) и подхвостника (*һэмэлдэргэ*) – двух деталей комплекта сбруи. Назначение их – фиксировать сед-

ло на месте при спуске с горы или при подъеме в гору. От центрального круглого диска спускались подвесные украшения из красного сукна с кистями.

Кроме орнаментированных узоров, пространство металлических деталей заполнялось вставками из цветных камней – коралла, лазурита, богачи использовали для декора сбриуи, кроме серебра, золото.

При быстрой езде все металлические детали издавали мелодичный звон, который был слышен издали.

Еще одна деталь, без которой нельзя себе представить любое седло, – это стремяна. Изобретение стремени сыграло исключительную, даже в некоторой степени печальную роль в истории приручения и использования лошади. Впервые стремяна появились предположительно в Китае во II веке н.э. Одно кольцо подвешивалось на ремнях к седлу. В это кольцо всадник вставлял пальцы ноги и прыжком садился на коня – в то время одно стремя служило лишь в качестве ступени для удобства посадки. Спустя только четыре столетия стремя расширилось до размера ступни. Позднее, когда вместо одного стало два стремени, это обстоятельство перевернуло все представления о возможностях использования лошади – человек получил опору. Они не только укрепили посадку в седле, но и высвободили руки. В освободившиеся руки тут же было вложено оружие: лук, меч, щит, лассо, пика.

Материалом для изготовления стремян служили медь (*гуулин*) и железо. Тюрко- и монголоязычным племенам издавна была известна одна общая форма с круглым или продолговатым основанием и высокой дужкой. На протяжении веков именно эта форма оставалась неизменной, стремяна отличались друг от друга только по их декоративному оформлению. Бурятские мастера-седельщики использовали медные стремяна, которые приобретались в Китае или Монголии. Ввиду их редкости и высокой цены они были доступны только состоятельным заказчикам. Для повседневных седел стремяна делали мастера – кузнецы, основным материалом служило железо. По сравнению с монгольскими, бурятские стремяна были по декору проще. Железо – прочный материал, но он не обладает красотой благородных металлов. Чтобы украсить изде-

лия из железа, применяли серебрение. Кочевники добывали и обрабатывали железо задолго до прихода русских. В эпосе «Гэсэр», датированном десятым веком, многие предметы конской сбруи, орудия труда, вооружение героев и врагов выполнены из железа. Если из драгоценных металлов – золота и серебра – изготавливаются предметы украшения особо ценного назначения, то железо, будучи материалом для изготовления орудий производства, представляет собой другую категорию ценностей. Оно показывает крепость, прочность, могущество природного материала.

Использование лошадей на различных работах требует внимательного отношения к сохранению их копыт. Для предупреждения сильного стирания и повреждения копыт, а также предотвращения скольжения в зимнее время принято их подковывать. Римляне изобрели «конскую сандалию», которая прикреплялась кожаными ремнями к копыту, затем их заменили кожаными ботинками с железными каблуками. Позже они стали ковать лошадям подковы, прибиваемые гвоздями. Существует предание, что на конюшнях римского императора Нерона содержалось несколько тысяч лошадей, которые были подкованы серебряными подковами. А супруга императора приказала отлить для своих любимых лошадей даже золотые подковы. После распада Римской империи подковы были забыты и появились в странах Европы лишь в X веке. В эпосе «Гэсэр» лошади подкованы серебряными подковами. У многих народов существует примета: найденная и прибитая над входной дверью подкова приносит счастье и достаток в дом, причем прибывали ее вверх концами в виде чаши. Прибитая к порогу подкова отпугивала злых духов, которые якобы боятся не только лошадей, но и железа. Это поверье поэт Е. Долматовский выразил такими поэтическими строками: «Коль найдешь подкову на дороге и ее приладишь на пороге – будет счастьем жизнь твоя согрета, такова народная примета». В странах Европы и поныне бытует обычай дарить родственникам и друзьям подкову, которая, помимо всех названных достоинств, как бы символизировала и сулила богатства.

Весной, с наступлением теплых дней, появлением первой зелени, буряты, прежде чем выпустить лошадей на волю на все лето,

снимали им хвост и гривы. Это был своеобразный обряд «*адаһа дэлһэлхэ*». Хозяин собирал в улусе молодых и сильных мужчин, которые ловили лошадей арканом, ловко накидывая на шею. С кобылиц и молодых жеребят снимали почти всю гриву, оставляя лишь небольшой хохолок на макушке между ушами. У жеребца, особо почитаемого в табуне, не снимали ни хвост, ни гриву.

После завершения работы хозяева угощали приглашенных помощников «жертвенным» обедом из саламата, жирного мяса, нескольких котлов тарасуна. Угощая, хозяин благодарил их за помощь, в ответ участники обеда высказывали пожелания, чтобы табун у хозяина не убывал, а умножался, поддерживая его гордость и славу.

Собранные волосы шли на изготовление всевозможных веревок для применения в хозяйстве: ошейники для телят, веревки для привязывания их во время дойки, дужки для ведер, рыболовные сети. Вожжи, путы для лошадей, поводья и подпруги для седел при скручивании требовали большой ловкости и даже силы, поэтому эту работу в основном делали мужчины. Вообще изготовление конской сбруи как сакральных предметов было делом мужским. Женщины из конского волоса ткали на ручных станках *таары* – волосяные ковры, которые стелили на кровать, на пол: довольно колючие и шершавые, они служили своеобразной защитой от ползающих насекомых. Так в Монголии до сих пор используют волосяные веревки при устройстве ночлега в степи: очищенную площадку опоясывали толстой волосяной веревкой и спокойно спали в середине круга, не боясь змей или других ползающих насекомых. Изделия из конского волоса при промокании не растягиваются, как кожаные веревки, поэтому их использовали для опоясывания, закрепления войлочного покрытия юрт. При установке юрты части каркаса соединяли, связывая волосяными веревками. Существовало поверье, что именно по такой веревке семья с неба спускается счастье, благодать.

Многие кочевые и полукочевые народы нашей страны устанавливали поблизости от своих жилищ специальные столбы для привязывания лошадей. Коновязные столбы устанавливались не только с практической целью, но и для проведения различных обрядов, как в древности, так и в более позднее историческое время. Такие

столбы у якутов, бурят и монголов носят общее название «сэргэ».

Являясь неотъемлемой частью народного быта, сэргэ до сегодняшнего дня считается у бурят одним из самых уважаемых и почитаемых предметов-символов, таких как белая пища, голубой хадак.

Разведение лошадей испокон веков было занятием мужчин, поскольку это требовало большой физической силы. Во дворе правая сторона считалась мужской: здесь размещали загородки для лошадей и жеребят, под специальным навесом хранились предметы конской упряжи, телеги, сани. В более позднее время на правой стороне стали строить четырехугольный зимний дом для проживания всей семьи. На левой части подворья размещались стайки, сараи для скота – коров, телят, ягнят, овец, поэтому эта сторона считалась женской.

Водружали сэргэ сразу же по окончании постройки юрты на правой (мужской) части подворья. Изготавливали их обычно сами хозяева или близкие родственники. Они должны были быть очень прочными, для этого использовались части ствола лиственницы или березы, очищенные от коры, диаметром 12–18 см, высота столба над уровнем земли достигала до 2,5 м. Перед установкой коновязи нижнюю часть ее для предохранения от сырости обертывали берестой.

Бурятские коновязи, кроме утилитарного, имели в прошлом и ритуальное значение, с ними были связаны некоторые религиозные представления. Так, например, не разрешалось делать на них зарубки, тем более срубать их. Объяснялось это тем, что в коновязи видели местопребывание духа рода, семьи, ей оказывали такое же почитание, как духам очага, местности. Считалось, что от близости расположения этого духа к членам семьи зависело их благополучие. При переносе жилища сэргэ оставляли на старом месте, они стояли там до тех пор, пока не разрушались временем. Водружение сэргэ было тесно связано со свадебными обрядами, с появлением новой семьи, нового дома.

Традиционные бурятские коновязи были трех видов. Первую коновязь возводили, когда справлялась свадьба старшего сына. Молодым устанавливалось отдельное жилье, сын становился хозяином

ном дома и отцом семейства – в знак этого, сэргэ называлось отцовским или личным. Оно было высоким, имело *двухступенчатое* навершие, конусообразное сверху. На верхней ступени имели право привязывать коня старейшины, почетные гости, хозяин дома. На нижней, второй ступени привязывали лошадей молодые мужчины, женщины – на гладком бревне *сэргэ*. Вторая коновязь именовалась «братовой» (*ахын сэргэ*) – у нее отсутствовало верхнее конусообразное навершие, высота равнялась высоте первой ступени отцово́й.

Третья коновязь устанавливалась перед свадьбой второго сына. Она стояла чуть подалее отцовской и братовой. Высота ее равнялась высоте гладкого бревна второй коновязи, с одной ступенью наверху. По наблюдениям М.Н. Хангалова, на второй день после приезда свадебного поезда невесты в улус жениха на улице устанавливали березовое сэргэ. Под ним клали пищу, чаще грудинку, которая считалась почетным блюдом. У сэргэ садился «*үрөөлши*» – благословитель и произносил благопожелания невесте, у тункинских и балаганских бурят *үрөөлши* сидел у очага. Благопожелания в большинстве случаев звучали так: «*Унашагуй сэргэтэй, унтаршагуй гуламтатай ябаарай!*» (Пусть коновязь будет непоколебимой, а очаг неугасимым!). Таким образом, сэргэ можно сопоставить с очень важным элементом семейной жизни – очагом. Видимо, поэтому кочевники не передавали свои коновязи другим и не выкапывали их, так как это могло принести семье несчастье. М.Н. Хангалов приводит интересные сведения о том, что в XVIII – начале XIX веков во время похорон к сэргэ привязывали коня в лучшей сбруе, в седло сажали покойника, затем, отвязав коня, везли умершего на место погребения, где сжигали его вместе с убитым конем. Следовательно, сэргэ было связано с жизнью бурята от свадьбы до смерти. Если человек был бездетным и после его смерти никого не оставалось, чтобы наследовать сэргэ, коновязь уничтожали и про такого человека говорили: «Его сэргэ не существует!» (*сэргэнь сайраа!*), другими словами «род его прекратил существование, оборвался». Этот обычай аналогичен другому обычаю древности, согласно которому, убивали бездетных женщин и гасили огонь очага. Про того, кто умер бездетным, говорили: «Огонь его погас» (*галань унтарраа*).

О символическом значении сэргэ как эмблеме жизненности писал А.В. Михайлов. По его словам, предсказание смерти выражалось иносказательно: «Огромное сэргэ свалится, золотое *жодоо* (ритуальная ветка пихты) уничтожится». Проклятие же «*алтан сэргыш узуурааран сабшахаб*» означало угрозу уничтожения семьи, рода – «под корень срублю твой род».

Идея жизненности, заложенная в обычае сооружения сэргэ, возможно, восходит к архаичным представлениям о взаимосвязи жизни человека и жизни дерева. Ведь словом «*сэргэ*» обозначали не только коновязь, но и деревца, которые устанавливали при проведении свадебного обряда, причем в качестве ритуальных деревьев – *сэргэ* – обычно использовались береза и сосна.

Женщинам сэргэ не ставили, как и мужчинам, не имеющим наследников. Этот обычай относится к более позднему периоду господства патриархальных отношений. Установление сэргэ имело символическое значение: это моя земля, это место имеет хозяина. Отцовское сэргэ обычно оставалось у младшего сына, потому что он наследовал домашний очаг и отцовскую землю, это символ обладания богатством, что отразилось в следующем үреэле: «*Сэргэһээш агтын хүбүүн бү таһараг! Агта морин сэргытнэй элээг!*». Үреэл выражал пожелания иметь много хороших лошадей, принимать много гостей.

В произведениях устного народного творчества бурят описания сэргэ изобилуют сравнениями «серебряный», «золотой». В эпосе «Гэсэр» герой «подъезжает к своему дворцу, к широкому серебряному крыльцу. У золотой коновязи с восьмидесятью восьмью украшениями, с восьмидесятью восьмью драгоценными вкраплениями коня останавливает, привязывает, добычу с коня на землю сбрасывает». «Алма-Мэргэн хатан из дому вышла, от крепкой серебряной коновязи огненно-рыжего коня отвязала, села на коня и направилась на северо-восток».

Бурятская пословица гласит: «Без собаки пастух глухой, без коновязи юрта степняка пуста». И не просто коновязью называли, а Алтан сэргэ, что означает Золотой столб.

Существует легенда, где Алтан сэргэ – Золотая коновязь приносит счастье, богатство дому, всем живущим в нем дарует здоро-

вье и удачу. Каждое утро, как только лучи восходящего солнца ударят по вершинам гор, хозяин Хангая на быстроногих скакунах, звеня серебряными стрелами, уздой с колокольными звонами, спускается в долину и обходит свои владения. Пусть ненадолго, но его кони обязательно останавливаются возле Алтан сэргэ каждого дома.

В настоящее время в Бурятии в некоторых районах сохранили свое назначение старинные коновязи, установленные несколько поколений назад. Иногда в селах во дворе можно встретить три-четыре новых сэргэ, но по ним трудно бывает определить, кому они были поставлены – что отцовское, что сыновнее сэргэ оказываются одинаковыми по высоте и по оформлению. Это происходит от того, что мы не знаем многих обычаев и правил при их установке.

Исходя из вышесказанного, сэргэ для бурята-скотовода являлось символом вечности жизни, продолжения рода, символом почитания старших, связи с Вечно Синим Небом.

Лошадь в буддизме и буддийском искусстве

Изображение лошади часто встречается в буддизме и буддийском искусстве. Ездовым животным многих божеств является лошадь, например, у Далха – хозяев местностей в Бурятии; догшид Хаягрива не только сидит верхом, но и имеет в короне голову коня.

В Бурятии, Монголии, Тибете встречаются изображения коня на полотнище ткани «*хии морин*». Его можно увидеть во дворе дома, развевающимся на высоком шесте (Тунка), в Баргузине хии морин устанавливали над домом, в Закамне уносили далеко в горы и вешали на ветви молодых деревьев. Когда кто-либо заболел или ему постоянно сопутствовали неудачи, говорили: «*Хии мориниинь доошоо хараа*» или «*хэлтээгээ*» (Хии морин наклонился, смотрит вниз). Это значит, что его жизненная энергия не находится над головой, уменьшилась сила, исходящая от него.

Понятие «хии морин» означает также вдохновение: человека талантливого со светлой душой называют хии моритой хүн, т.е. человек, обладающий небесным (воздушным) конем. Это мужская, добрая, благодатная сила, не само божество, а добрый посредник между небом и человеком, связанный и с миром людей и с миром духов. «Хии морин» выполняли роль амулетов, приносящих сча-

тье, здоровье, удачу. Так, с точки зрения буддистов, его водружение – это не только благодеяние, но и магический обряд. Здесь же на плоскости ткани начертана молитва о благополучии и изображены 8 буддийских символов – эмблем счастья (*найман тахил*), 7 драгоценностей (*долоон эрдэни*). Изображение коня, несущего на спине драгоценность (*чиндамани*), считается вариантом китайского коня с головой дракона, несущего на спине книгу закона. Тибетский, монгольский, бурятский «хии морин» вместо книги несут изображение чиндамани – трех сокровищ триратны. Изображение крылатого коня (*жэгууритэ морин*), по мнению ученых, пришло в буддизм из индийской традиции, где он является конем божества Чакравартина, на котором тот за сутки успевает объехать весь мир.

В каждом дацане Бурятии сейчас хранятся матрицы (*бар*) с вырезанным изображением хии морин. Самыми известными барчинами в Бурятии считались ламы из Эгитуйского дацана Еравнинского района. Ткань, на которой делается по просьбе верующих оттиск, обрамляется с четырех сторон полоской ткани и пришиваются три язычка (*хэлэн*). При выборе ткани и дерева, на котором вывешивается хии морин, учитывается гороскоп человека. Ниже приводится таблица, которую нужно знать при оформлении и совершении обряда вывешивания хии морин.

Год человека	Цвет ткани	Обрамление	Цвет язычка	Дерево, на котором вывешивается
тигр лошадь собака	желтый	зеленое	красный	береза
свинья овца кролик	зеленый	белое	синий	лиственница
мышь дракон обезьяна	синий	желтое	белый	сосна
курица бык змея	белый	красное	желтый	осина

С появлением мотора и различных механизмов постепенно утрачивается былая роль лошади. Конечно, она не исчезнет с лица земли. Еще долго лошадь будет использоваться в сельском хозяйстве, в геологических экспедициях, охотниками – в тех местах, где нет дорог для автомобилей. Надолго сохранится конный спорт: бега и скачки в той увлекательной форме, какая существует сейчас. Не утратит свое значение лошадь и как мясное животное.

Лошадь красива. Лошадь радует сердце и глаз человека. Конь и всадник остаются образцами, исполненными красоты, стремительности, совершенной пластики, силы и гармонии, как это было многие тысячелетия назад.

Мой конь, опережая ветер,
Ржет, будто чутким ухом слышит
Зов кочевых времен прошедших,
Гул эпохальных вех далеких.

Мой конь, летящий словно птица,
Ржет, будто уловил в пространстве
Гул назревающих событий,
Через века услышав Время.

Г. Базаржапова

Тема 10. Древние игры и танцы бурят

Все народы земного шара сопровождают свои праздники, увеселительные мероприятия песнями, играми, танцами. В них отражаются представления народа о прекрасном, они характеризуют лицо народа, национальный или психологический склад мышления.

Из глубины веков дошли до нас народные игры, танцы, которые были непосредственно связаны с различными сторонами быта и трудовой деятельности бурятского народа. Среди большого количества игр, танцев и развлечений до недавних пор имели широкое распространение игры и пантомимические сценки, которые относятся к древнейшим по своему происхождению. Это такие игры, как «*хойр наадан*» (глухаринная игра), «*баабгайн наадан*» (медвежья игра), «*шоно наадан*» (волчий танец), «*тибһэ малтааша наадан*» (танец выкапывания сараны) и другие, отразившие явления жизни бурятских племен, характерные для периода охоты и собирательства, когда человек жил присваиванием готовых продуктов природы. В этих играх и танцах воспроизводятся характерные повадки животных и птиц, как домашних, так и диких. Еще в 1765 году русский капитан Михаил Татаринов, описывая быт бурят, писал: «Братские, как сидя в юрте, так и в компании между собою, охотники петь песни и голосу протяжного, также играют молодые в юртах, воркуют по-голубиному или кричат по-гусиному, по-утичьи и прочих птиц голосами. И так их игра весела и смешна».

Во всех играх и танцах исполнители, облачившись в шкуру того или иного животного, стремились как можно точнее воспроизвести характер движений, а также звуков, издаваемых ими. Древний охотник-бурят, плохо вооруженный, должен был умело приблизиться к зверю на близкое расстояние, чтобы поразить его наверняка. Чтобы уподобиться зверю, нужно было хорошо знать их повадки. Без этого не могло быть успешной охоты, служившей в тот период едва ли не главным средством существования первобытного племени.

После удачной охоты, обеспечив на длительный период весь род мясом, устраивали для всех соплеменников общее веселье.

На этом торжестве нужно было показать всем этапы охоты, требовавшей мужества, ловкости, умения, сообразительности. Это веселье, торжество в этом случае носит характер игрища. Исполнители неоднократно перевоплощались то в охотника, то в разных зверей, изменяя каждый раз свое облачение и повадки.

К этому же древнему периоду охоты и собирательства относится и возникновение такой игры, как *«тибһэ малтааша наадан»*, в которой изображалась женщина, идущая и выкапывающая корни сараны. Являясь следствием и свидетельством первого разделения труда между мужчиной и женщиной, этот танец имел многочисленные аналоги у разных народов. По мере того, как охота и собирательства стали занимать все меньшее время в жизни бурят, подобные игры потеряли то большое значение, которое имели прежде, постепенно стали любимым и распространенным видом развлечения.

Новым крупным шагом на пути прогресса явилось появление скотоводства. Оно породило целый ряд новых обычаев, взглядов, традиций, которые нашли свое отражение в новых играх и танцах. Примером этого может служить *«мори хургааша наадан»* (танец укрощения коня). Исполнитель изображал наездника, укрощающего строптивого коня, роль которого выполняла палка или трость. Дикие скачки лошади, пытающейся сбросить седока, различные ухищрения всадника, то с трудом удерживающегося в седле, то молодежато гарцующего на усмирленном коне, имитация бега коня – все это разыгрывалось очень живо, динамично и точно. В таких производственных играх, как *«мори тахалха»* (подковывание коня), *«арһа элдэхэ»* (выделка кожи), *«юумэ оёхо»* (шитье) и других, исполнитель пантомимически воспроизводил те или иные действия человека, занятого работой. Эти игры, развлечения, неся воспитательное значение, использовали элементы театра.

Некоторые игры и развлечения бурят изображали бытовые сценки, вроде *«бүүбэй наадан»* (игра в няньки), где в смешном виде показывалась нянька, усыпляющая в колыбели ребенка; *«адангууша наадан»* (танец насмешника), в котором исполнитель изображал остроумного и злоязычного пересмешника; *«һогтуу онгон»* (пьяный онгон), имитирующий поведение пьяного человека. Кро-

ме того, было большое количество игр, сопровождающихся диалогами, песнями, юмором, они также отражали чисто житейские ситуации. Некоторые сибирские народы, в том числе буряты, исполняли круговые танцы вокруг какого-либо предмета или природного объекта: костра, столба-сэргэ, дерева, а также вокруг горы. Все эти объекты символизировали мифическое мировое дерево. Наиболее ранние свидетельства бытования обрядовых круговых танцев дали археологические материалы из прародины индоевропейцев – Передней Азии. Во время раскопок поселений земледельческо-скотоводческих племен древнейшей Месопотамии были найдены ритуальные сосуды, на которых рядом с восьмилучевыми солярными знаками изображены люди, взявшиеся за руки и танцующие круговой танец. Здесь уместно будет напомнить, что буряты солнце называли своей матерью и на онгонах изображали его с восемью лучами – «ногами». Известно также, что тюрко-монгольские народы издревле обожествляли землю, которую называли также матерью. Эта обожествленная Мать-Земля обитала на Мировой горе или Мировом дереве.

Летом 2000 года почти после столетнего перерыва состоялись Ёрдынские игры, в котором приняли участие представители всех родов и племен Усть-Ордынского, Агинского округов, Республики Бурятия. Большую роль в возрождении нынешних игр сыграли исследования доктора исторических наук, профессора Д.С. Дугарова. Этим игрищам посвящена глава пятая «Ёрдынское игрище – реликт грандиозного комплекса обрядовых игр древних курыкан» (Дугаров Д.С. 41. С. 141–158).

Впервые о Ёрдынских играх упоминает в своем полевом дневнике М.Н. Хангалов в 1908 году. Он пишет, что «прежние буряты во время облавных охот вокруг Большого Ёрд устраивали большой праздник *хатарха*. Игры эти проводились всегда в одном и том же определенном месте в Ольхонском районе Иркутской области – в устье небольшой речки Анги, в двух километрах от ее впадения в озеро Байкал, в восьми километрах от поселка Еланцы. В небольшой ровной долине, окруженной с трех сторон горами, а с четвертой озером Байкал, высятся две сопки Ёрд. Одна называется Ехэ Ёрд (Большая Ёрд) – холм почти правильной куполооб-

разной формы, высотой 40–42 м над поймой долины, её окружность – семьсот шагов, другая – Бага Ёрд (Малая Ёрд высотой 12 м).

В двух километрах к северо-востоку от этих сопок на берегу Байкала находится священная белокаменная скала Аяя с древними писаницами бронзового и железного веков. Именно это место в древности являлось общекурыканским межплеменным культовым центром, где проводились ежегодные грандиозные тайлганы в честь главнейших покровителей-божеств Неба – Земли – Воды. Для проведения такого общенародного праздника требовалось соответственно большое «Мировое дерево», аналогом которого являлась сопка Ёрд и большая вода. Всем этим требованиям отвечали гора Ёрд и озеро Байкал, именуемое бурятами священным морем – Байгал-далай. Около скалы Аяя происходили главные ритуалы и церемонии, куда имели доступ только избранные, особые жрецы, посредники между духом-хозяином скалы Аяя и собравшимися бурятами.

Через эти два сакральные места буряты и их этнические предки – курыканы осуществляли контакт с небесными божествами, отправляя туда свои молитвы и жертвоприношения. И через эти же священные места в ответ на проведенные ритуальные действия нисходили к ним небесная благодать, богатство, счастье, размножение детей и скота.

Это игрище приурочивалось какому-то важнейшему ежегодному культовому обряду с жертвоприношениями, молениями, танцами. О том свидетельствует приуроченность события к определенному календарному сроку – к началу лета, к той поре, когда трава вырастет, т.е. к маю. Это начало дойки кобылиц, пора приношения в жертву богам первого кумыса, обряд, издревле известный всем тюркомонгольским народам. На эти игры съезжались представители всех родов и племен не только с западной, но и с восточной стороны Байкала. В некоторые годы собиралось до двух-трех тысяч человек. Собравшаяся масса народа, не принимавшая участие в главных ритуалах и обрядах возле скалы Аяя, устраивали грандиозные круговые танцы вокруг горы Ехэ Ёрд, которые продолжались шесть дней и ночей. Скачки, борьба, стрельба из лука, какие сейчас проводятся на современных праздниках, по-видимому, здесь не устраивались. Для того, чтобы игрище состоялось, должно было собраться столько участников, чтобы они, взявшись за руки, могли опоясать горку, замкнув хороводный круг вокруг нее. Для этого необходимо было, чтобы собралось не менее семисот человек танцоров. В случае же, если собиралось меньше народа и круг вокруг горы не замыкался, то игры отменялись или проводились кое-как; считалось, что состоялся плохой наадан (*муу наадан болоо*) и поэтому нет гарантии, что год будет хорошим.

Такое представление, по-видимому, объясняется тем, что замкнутый круг был древнейшим оберегом от злых сил и гарантией благополучного исхода обряда. Но если круг не только замыкался, а танцоры смыкались плечом к плечу, то такое игрище считалось хорошим, и участники игр разъезжались по своим улусам довольные и радостные, говорили, что год нынче будет хороший, богатый и счастливый.

Это был по всей вероятности сугубо скотоводческий обряд. Об этом говорят, например, рассказы местных бурят о том, что

они до сих пор молятся духу-хозяину горы Ёрд, прося у него покровительства их скотоводческому хозяйству. Или предание о богаче Даагае. Жил некогда в близости от горы Ёрд большой богач. Он владел таким несметным количеством овец, что даже не знал им счета. Чтоб хоть приблизительно знать сохранность своих овец, он загонял их на большой остров Анги. Если овцы заполняли весь остров без остатка, то он определял, что скот его не уменьшился. В дни игрищ богач Даагай выносил из своих амбаров шкурки белых ягнят и покрывал им всю священную гору Ёрд, отчего она становилась белоснежной.

Не случайно дошло до нас предание об устилании этой горы шкурками белых ягнят. Такая шкурка у бурят имела ритуальное значение. Когда весной пролетали над стойбищами перелетные птицы, женщины хори-бурятки выбегали на улицу с подойником. На дно наливали немного молока, сметаны или какой-нибудь кисломолочный продукт и закрывали подойник шкурой белого ягненка. Навстречу птицам брызгали молоко и после этого ведром делали перед собой вращательные движения и произносили заклинание: «*а хурый, а хурый, а хурый!*» (приди, приди, приди!). Обряд назывался «*далга абалга*» (приманивание счастья, богатства) или «*хэшэг хурылха*» (получение небесной благодати).

По воззрениям хори-бурят, прародительница хоринцев – дочь неба, белая лебедь – на своих крыльях приносила лето, а вместе с ним – богатство, процветание и счастье для своих земных потомков. Белые шкурки ягнят, которыми покрывали Ёрдынскую гору, по-видимому, имели такое же ритуальное значение, как и в обряде приманивания счастья и небесной благодати при весеннем прилете птиц.

Ёрдынские игры были также своеобразной олимпиадой, смотром народно-песенного творчества. В дни игр сюда, на берег Байкала, съезжались десятки выдающихся народных певцов, музыкантов и танцоров. Здесь происходили их состязания, и слава о лучших, особо отличившихся певцах расходилась по всей этнической Бурятии.

Такой же обычай исполнять обрядовый круговой танец вокруг священной горы существовал в старину у эвенов Охотского по-

бережья. Известными московскими учеными-этнографами В.Я. Туголуковым и М.Я. Жорницкой было записано у них древнее предание. Когда эвены впервые пришли в эти места, они устроили круговой танец вокруг горы. Но не хватило одного человека для того, чтобы хороводный круг вокруг горы замкнулся. Тогда они взяли в круг единственную, бывшую с ними собаку, и круг замкнулся. Но во время танца собаку разорвали пополам. Это предание представляет особый интерес не только потому, что оно еще раз подтверждает обязательность замыкания ритуального круга танцоров вокруг горы и его магическую функцию, но и свидетельствует о несомненных общих истоках происхождения кругового танца бурят и эвенов.

Ёрдынские игры напоминают многодневный обрядовый хороводный танец осуохай, устраиваемый на якутском весеннем кумысном празднике ысыах. У якутов хозяйственный год делился на две половины: на зимнюю – *кыһынны* и летнюю – *сайынны*. Летняя считалась самой ответственной половиной года. Поэтому главный якутский праздник ысыах, посвященный новому году и верховному богу творцу Урун Айбы Тойону, проводился с конца мая до 23–24 июня. Он завершался ритуальным распитием собравшимися освященного кумыса, круговыми танцами и другими обрядовыми играми. Из бурятских обрядов Ёрдынские игры ближе всего к обряду, посвященному водяным хатам, божествам Земли – Воды (*уһан хаһы тайлган*). В этом обряде, как и в якутском ысыахе, одним из главных компонентов был круговой танец е хор, который начинали женщины и девушки. Во всех других родовых обрядах женщины не допускались, и е хор на месте тайлгана, кроме тайлгана уһан-хатам, не танцевали.

Кроме бурят, якутов, эвенов Охотского моря широкое распространение получил среди эвенков Красноярского края круговой икевун, известный многим группам эвенков под названием ёхорьё. Он зафиксирован исследователем, балетмейстером-постановщиком эвенкийского национального ансамбля «Осиктакан» (Звездочка Анатолием Ивановичем Мельником, Тунгусо-Чун-ском, Илимпийском районах Эвенкийского автономного округа, в Туруханском районе, в Катангском и Качугском районах Иркутской области,

среди эвенков Таймыра. Известен ёхорё усть-май-ским, токкинским и каларским эвенкам. Среди эвенков Якутии этот танец распространения не получил – у них распространен хороводный танец дэрэдэ, получивший свое название от первого выкрика-запева: «дэрё-дэрё-дэс», не имеющего перевода. Эвенки Олекминского района Якутии танцуют осуохай. У баунтовских эвенков Бурятии Михаилом Воскобойниковым зафиксированы круговые танцы осорай, очора, очерой. В.И. Цинциус в статье «Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом» приводит предание, записанное в селении Новая Каменка Буруканского района на Амгуни, в котором упоминается о том, что люди эвенкийского рода Конига в прошлом водили вокруг круглой, как шар горы, хоровод под названием *ходё*.

В Северо-Енисейском районе Красноярского края бытовал женский хороводный танец *хэдюгэ*. Ему подобен круговой танец икевун эвенков села Ербогачен Катангского района Иркутской области.

В танце ёхорё эвенков Качугского района через каждые две основные строчки повторяли слова ритма-запева «ахорай, ахорай». Вспомним, что при совершении бурятских шаманских обрядов произносятся слова – призывы счастья благодати «*а хуры, а хуры*».

При внимательном рассмотрении и сравнении всех вышеперечисленных хороводных танцев можно прийти к мнению, что, несмотря на различные названия, эвенкийский *икевун*, по существу, у всех групп эвенков одинаковый и имеет одни исторические корни. Однако, если взять каждый танец в отдельности, то можно легко заметить, что и манера, и характер исполнения, и лексика движений везде разные. Как говорила одна старожилка-эвенкийка: «Эвенки везде танцуют по-разному. Как можно одинаково? В лесу и зверь бежит разно: по ровному лисичка бежит ровно, однако в глубоком рыхлом снегу прыгать будет. Так и эвенк».

Ни один праздник бурятского народа не обходится без самого любимого, распространенного по всей этнической Бурятии древнейшего по своему происхождению кругового танца *ёхор* или *на-адан*. Буряты – единственный из современных монголоязычных народов, у которых бытует круговой танец. Об их бытовании в ранние

периоды истории свидетельствуют данные фольклора и этнографии, где они красочно описываются в героическом эпосе. Бытование хороводных танцев отмечалось в письменных источниках русских и иностранных путешественников и исследователей. Известный русский путешественник и этнограф XIX века Г.Н. Потанин, описывая свадебный обряд аларских бурят, упоминает о ёхоре как названии хороводного танца. Одно из самых первых упоминаний слова ёхор встречаем в очерке Н.С. Щукина «Буряты». «Плясок нет, – пишет автор, – а только хороводы. Мужчины и женщины становятся в круг и, взявшись за руки, идут медленно в одну сторону: сперва тихо, а потом скоро – под голос запевалы, за которым и прочие подпевают: ёхорь, ёхорь, ёхороо, ёхороже надыйе!» (Н.С. Щукин. Буряты, 1849. Ч. 26).

Ёхор как культурный феномен, как непреходящая ценность, которая передается из поколения в поколение, изучался в разные годы учеными, исследователями, практиками-хореографами. В конце XIX – начале XX века бурятский ученый этнограф М.Н. Хангалов написал статью, в которой дал, в основном, ее внешнее описание, причем вместо термина ёхор автор называет танец словом «хатарха» (рысить, бежать рысью).

Число участников исполнителей по Хангалову: «В этом танце могут участвовать сколько угодно лиц обоего пола. Иногда число танцующих доходит до 150 человек и даже более. Танец хатарха, как правило, открывают старики и старухи, которые с молодежью обоего пола встают в круг. Начать танец без участия стариков считается грехом. Это трудный танец, требующий навыка, непривычный человек сразу устает. Поэтому не все могут танцевать долго. Когда танцующие устают, то перестают прыгать, опять начинают медленно двигаться по солнцу, поют разные песни».

В каждую историческую эпоху ехорные танцы исполнялись не так, как в предыдущую, и это естественно, ведь каждое поколение отражает в танце свое мироощущение, свою культуру. Поэтому народный танец всегда современен. Народный артист Советского Союза Гомбо Цыдынжапов еще в юности, во второй половине 20-х годов, будучи участником музыкальной передвижки Бориса Сальмонта, вместе со своими товарищами по группе исполнял

в концертах бурятские народные танцы под аккомпанемент небольшого оркестра. Юные танцовщики для большей выразительности и удобства исполнения вносили небольшие изменения в постоянный рисунок танца. Разъезжая с этой концертной группой по республике в летнее время, Г. Цыдынжапов стал невольно изучать разновидности ёхора в разных аймаках и выделил около 25-и основных танцевальных положений и движений, составляющих ёхор. В театральном институте в Москве он хорошо освоил курс ритмики и танца. Теперь он смело театрализует бурятский танец, создает его новые ритмические варианты, используя старинные игры и пляски бурят. Пригодился молодому экспериментатору и опыт постановки танцев в спектакле «Улаан сар» (Красный месяц) в Калмыцком театре Саратова в 1931 году. Работая над созданием сценического танца бурят, он органично вплетает в него отдельные элементы узбекского и калмыцкого танцев. Так была подготовлена Г. Цыдынжаповым большая хореографическая программа, куда входило 6 коллективных танцев, один парный (танец охотников), танцевальная пантомима с хором – «постройка юрты» и большая танцевально-игровая пантомима с пением, декламацией. Эта программа была показана на съезде Советов республики, затем на съезде колхозников-ударников. Бурятский научно-исследовательский институт культуры устроил специальный общественный просмотр этих танцев. Учащиеся техникума искусств танцевали легко и живо, увлекая зрителей четкими ритмами, молодым задором.

Программа имела огромный успех у общественности республики. По существу, это был первый выход бурятского народного танца на большую театральную сцену, первый шаг к рождению национального балета. Республиканская пресса живо откликнулась на это событие, напечатав «Письмо бурятскому режиссеру» группы писателей и ученых, приветствующих начинания Г. Цыдынжапова в области театрализации бурятского танца. Музыковед А. Кочетов в большой обстоятельной статье «К возникновению бурятского танца» дал положительную оценку экспериментам молодого режиссера в области национальной хореографии» (газета Бурят-Монгольская правда», 1935 г. 9 апреля). Готовясь к I декаде литературы и искусства в Москве в 1940 году, Г. Цыдынжапов вклю-

чил массовые бурятские танцы, в том числе и эхор, в спектакли «Энхэ Булат батор» и «Баир».

Известная бурятская танцовщица Татьяна Ефремовна Гергесова в книге «Бурятские народные танцы» уделила большое внимание региональным аспектам бурятских танцев, в том числе эхора, рассматривая их с позиции хореографа-практика. В репертуаре народного артиста СССР Махмуда Эсембаева имелся красочный бурятский народный танец «Охотник и беркут». При исполнении его артист чисто пластическими средствами создавал образ гордой, могучей птицы и смелого, ловкого человека, несколько раз по ходу развития сюжета «преображаясь» то в орла, то в охотника. Танец этот был создан на основе бурятских народных танцев, которые М. Эсембаев изучал во время первой своей гастрольной поездки по Бурятии в начале 60-х годов, что является свидетельством необычайной живучести искусства, рожденного в древнейшие времена.

Известный исследователь и собиратель бурятского танцевального фольклора И.А. Манжигеев посвятил эхору краткий этнографический очерк, рассматривая его как искусство, как танец с элементами пантомимы. Кроме эхора, автор описал народные танцы-игры: *дүрбэлжэн, гүйбэл, наадан дээрэ ерээбди* – на игрища мы пришли, *дуун наадан* – хоровод. Хотя не со всеми выводами автора можно согласиться, тем не менее, эта работа остается одной из интересных и полезных для хореографов, культпросветработников, ученых, для широкого круга читателей (Манжигеев И.А. 72. 1985).

На шаманском материале выполнены драматические спектакли «*Зүүдэн бороо*» (Дождь снов) и «Улейские девушки» (режиссер С. Жамбалов). Студентами бурятской национальной актерской студии ВСГАКИ в качестве дипломной работы были исполнены пластико-хореографические сцены, сочетающие древние и современные танцевальные элементы эхора. «Песнь про мать Лебедь» – вокально-хореографическая композиция Государственного театра танца «Бадма сэсэг» в постановке Д. Бадлуева – прекрасный образец авторского варианта древних видов танцев в современной аранжировке: танец прама-тери Лебедь, мужской танец лебедей, танец шаманов.

Круговой танец ёхор стал объектом исследования доктора исторических наук, профессора Дашиныны Санжиевича Дугарова (Д. Дугаров. Исторические корни белого шаманства. (М., Наука, 1991. С. 84–118). На основе собранных автором во время фольклорно-этнографических экспедиций материалов обрядового фольклора по местам проживания разных групп бурят – по Иркутской, Читинской областям, по районам Бурятии – ёхор рассматривается как составная часть некоторых обрядов белого шаманства. Особую ценность, научность работе придают использование данных археологии, палеоантропологии, истории, этнографии и языкознания урало-алтайских, индоиранских, индоевропейских народов, охватывающие огромный отрезок времени от IV тысячелетия до н.э. и вплоть до сегодняшнего дня. Основные положения и выводы Д.С. Дугарова автор использовал в этой главе книги.

За долгие годы народ создал множество ярких ёхорных движений, выработал разные стили в пластике, напеве, характере и манере исполнения, создавая свои местные, локальные варианты. Но при всем многообразии движений можно выделить ряд наиболее устойчивых и распространенных движений. Д.С. Дугаров по типам напева и движения выделяет 8 вариантов кругового танца бурят: аларо-унгинский, эхирит-булагатский, идинский, тункинский, закаменский, байкало-кударинский, баргузинский и заимствованный у западных бурят в 1920-х годах восточно-бурятский. Внутри каждого из указанных местных локальных стилей различаются по несколько различных танцев или их вариантов (Дугаров. Д.С.42.С85).

Большей частью ехор исполняли весной и летом, как правило, на природе, на открытом воздухе, простора требовала сама специфика, сама сущность танца – массовость и общедоступность. Костер, вокруг которого образовывали круг, разжигали после захода солнца. Если число участников было много, то образовывали двойной круг (круг в круге). Здесь можно было не только танцевать, но и встретиться со знакомыми. Парни приглядывали себе невест, а девушки присматривались к будущим мужьям, которые своей манерой, осанкой также старались им понравиться.

Все вышеназванные исследователи едины во мнении, что «ёхор – сугубо молодежный хороводный танец. В нем не принимали участия люди даже среднего возраста, тем более пожилые. Более того, ехорить пожилым считалось верхом неприличия».

И.М. Этагаров: «Посещение нааданов, не говоря уже о стариках, считается непристойным для женатых и замужних женщин». Редко люди преклонного возраста могли войти в хороводный круг для того, чтобы вспомнить свою молодость. Так сказать «тряхнуть стариной, показать молодежи, как они танцевали в свое время» (Дугаров.Д.С.42. С. 91.) «Ёхор – это исключительно молодежный хороводный танец. Еще перед войной в нем участвовали только здоровые юноши и девушки. И совсем не принимали участия люди даже среднего возраста, тем более – пожилые, которые физически не в состоянии были кружиться в вихревом танце» (Манжигеев И.72.С. 15).

Песни, под которые исполняют ехор, имеют различные содержание и тематику. В них отражены темы воспевания природы, труд, любовь. В первые годы становления Советской власти ехорные песни, игры и танцы, распространившись по всей Бурятии, откликаясь на те или иные события времени, приобретают агитационный и пропагандистский характер. Появились новые ехорные танцы: «колесуха», «осоо», «аз, комсомол». Например: танец «колесуха» – один из ярких примеров творческой активности народа. Колесуха – примитивный плуг с железным сошником, появившийся в России в конце XIX века. В свое время появление в хозяйствах бурят этого плуга вместо деревянной сохи было большим событием и радостью для народа, что нашло отражение в веселом танце. В движениях танца встречаются имитации пахоты плугом. В 1926 году, когда зародилось общество Осоавиахим в качестве добровольной организации для содействия обороне страны, появился новый припев ехора: *осо осоавиахим, эсэсэрэй оборон яс*. Многие не зная аббревиатуры Осоавиахим, слово это выговаривали на бурятский лад – *осо эбээхэй*. Танец «аз, комсомол», по утверждениям некоторых информаторов, впервые появился в Баргузинском районе.

Ёхор всегда выделял из круга исполнителей талантливых певцов и певиц. В каждом улусе был свой ведущий – запевала, мастер ведения ёхора. Как правило, это были музыкально одаренные люди, наделенные хорошим голосом, артистическими способностями. Они становились главными заводилами, давали ритм запева и слова песни. Иногда во время ехора устраивались своеобразные песенные турниры – состязания. Опытные запевалы могли выдумывать новые слова к старой песне, добавляя в чужой вариант что-то свое, новое, никем не услышанное, и этим улучшали мелодию. Новый вариант попадал к другому певцу, который также вносил в него что-то свое, изменяя ритмический рисунок. С годами из одного первоисточника могло родиться несколько вариантов. Они постепенно запоминались, становились устойчивыми, хотя и видоизменялись, что, чаще всего, зависело от каких-либо событий, предшествующих исполнению песен, или настроения самого запевалы. Наиболее удачные строки песен, переходя к другим запевалам, постепенно теряли своих хозяев, становились народными.

Высоко ценился тот запевала, который дольше других умел по ходу танца сочинять куплеты на злобу дня, импровизировать. Особым даром импровизации, необычайно красивым голосом при исполнении ёхора владела Мария Бадмаевна Шамбуева – первая бурятская женщина – режиссер, в 1935 году закончившая ГИТИС в Москве, а затем работавшая режиссером Театра бурятской драмы. В воспоминаниях ее современники писали, что когда ёхор начинался, то люди не сразу подхватывали песню, а минуту-другую молчали: всем хотелось насладиться ее изумительным голосом. Славились среди бурятского народа знаменитые ехорные запевалы Николай Таров, Цырен Хоборков, Моисей Иванов, Тарас Карпов, Григорий Халтуев, Ульяна Болдохонова, Чойжинима Генинов, Сэрэмжэ Уладаева и многие другие.

Древний ехор – это сочетание поэзии и пластики, мелодии и ритма телодвижения. Всенародное хороводно-танцевальное искусство сейчас переживает новый этап своего возрождения, ибо танцем народ украшал свой быт, свою жизнь. В ехоре человек танцует не столько для зрителя, сколько для себя, для собственного удовольствия. Танец, имевший в древности религиозно-магический смысл и исполнявшийся по праздникам, со временем отделившись от обрядов, утратил ритуальный смысл и превратился в бытовой, выражающий радость настроения. Время вносит изменения во все сферы человеческой деятельности, в том числе и в радости бытия.

Нарушилась и обязательность исполнения хора по определенным временам года, по определенным праздникам. Народ сочиняет новые по содержанию, но традиционные по манере исполнения ёхорные песни, ныне профессиональные и самодеятельные танцевальные коллективы вводят в ее свой репертуар хор. Фольклорные группы, коллективы художественной самодеятельности постоянно имеют в своем репертуаре разные варианты хора и ехорных песен. Иногда на праздниках, где собираются представители всех районов, танцуют все, но все же ехор выглядит ярче и богаче, когда в нем сохраняются все традиционные компоненты, присущие этому красочному и самобытному жанру народного танца.

Итак, заканчивая главу о бурятских народных играх и круговом танце ехор, можно сделать следующие выводы: истоки национального своеобразия в хореографическом искусстве бурят исследователи видят в богатом пластическом фольклоре – сюжетных танцах, а также в наиболее популярном хороводе –ехоре. В настоящее время, когда круговой танец стал общебурятским, а не только западно-бурятским, как это было в дореволюционное время, общенациональным названием этого танца стал термин «ехор», который означает хороводный танец (Бурятско-русский словарь. – М., 1973).

«Ёхор как особая форма народной хореографии был теснейшим образом связан с важнейшими обрядами родоплеменных культов и имеет уйгуро-курукканское происхождение. Являясь важным элементом ритуального комплекса белого шаманства, был занесен к нам извне пришлыми индоиранскими и индоевропейскими племенами, у которых он бытовал с древнейших времен, тогда как аборигенам Сибири и Центральной Азии он был совершенно чужд» (Дугаров Д. С. 42. С.118). Об этом свидетельствуют то, что «круговой танец типа ёхор ныне танцуют по всей Центральной и Северной Азии только пять народностей Сибири: якуты, долганы (род эвенков), буряты, оленные и конные тунгусы и родственные им эвены. Соответственно география распространения хора – Прибайкалье, Северное Забайкалье, бассейн реки Лены, низовья Енисея, Таймыр и часть Магаданской области. В этногенезе всех этих народов принимали участие тюркские этнические компоненты

уйгурского круга. Три основных народа, у кого бытует ехор, составляют алтайскую языковую семью: тюркоязычные якуты, монголоязычные буряты и тунгусоязычные эвенки, долганы, тунгусы. У всех других народов Центральной Азии и Дальнего Востока – монголов, маньчжуров, тунгусоязычных народов Амура – круговой танец отсутствует. Нет его у всех тюркоязычных народов, кроме якутов.

Когда в ехоре ребята,
Что там иноходь коней,
Перед взмахом рук девичьих,
Что там крылья лебедей.

Каждый круг, что мы проходим,
Все азартней, все быстрее.
Косы девушек щекочут
В пляске спины парней.

Д. Жалсараев (перевод М. Светлова)

Фольклорный ансамбль «Дэбэснэм»
Джидинского района

Тема 11. Обоо, тайлаган

Повсеместно среди бурятского населения Забайкалья бытуют ламаистский и шаманский культы *обоо*. Это основная форма внедацанской обрядности, которая проводится коллективно. Ритуальные действия совершаются в рамках определенного культового сообщества. Обоо – это святилище, место пребывания самого сильного духа. Обоо сооружается в виде нагромождения камней на вершинах гор, на перевалах, на берегах озер, в степи.

В прошлом каждый род имел на территории своего кочевания общие святы места, на которых совершались ежегодные общественные обряды жертвоприношения духам-хозяевам данной местности (*сабдагам*).

Бурятские сабдаги приходят к людям, обернувшись человеком, зверем, птицей и т.д. Люди, наделенные особым зрением, могут их видеть такими, какие они есть. Сначала сабдаки были только шаманскими божествами, затем под влиянием буддийских учителей приняли прибежище в Трех Драгоценностях (учение Будды).

На обоо съезжаются все местные жители, приносят с собой угощения из молочных и мясных блюд. А на обряд подношения Лусуд (духам воды) запрещается приносить мясные блюда.

Для проведения обряда приглашается лама. Цель обряда – умиловить хозяев, духов местностей, чтобы они покровительствовали жителям данной местности, вовремя отправляли дожди, тепло, охраняли от разных болезней, способствовали размножению скота и т.д. Кроме угощения духов молочной и мясной пищей, дополнительно привязывали к ветвям молодых деревьев полоски новых тканей, оставляли сладости, деньги. Жгли на каменных алтарях можжевельник, благовонный дым от которого считался для духов, божеств приятной пищей. Все это расценивалось как жертва – дар, который не требовал немедленной материальной отдачи. В ответ божества должны были в течение длительного времени содействовать благополучию семьи, приросту скота, богатству, здоровью и другим видам благодетий.

В случае успешно проведенного обряда, приема подношения проявляются знаки благосклонности духов-хозяев: начинает идти

мелкий, моросящий дождь, появляется на небе радуга. На месте совершения обряда может появиться сам хозяин местности, обернувшись зверем или птицей. Устройство обоо на вершинах гор связано с их культом, ибо все возвышенности на поверхности Земли концентрируют ее жизненную энергию. По шаманской мифологии бурят, в мифах других народов горы – место, где духи земные встречаются с духами неба. Чем выше гора, тем ближе к небу. Поэтому горные районы Бурятии – Тункинский, Окинский, Закаменский, Курумканский, Баргузинский и другие – считаются местами обитания божеств.

Районы современного расселения бурятских, монгольских родов в культовом отношении делятся на несколько зон, где у каждого рода или племени есть особо почитаемое обоо. Так, среди хори, кижингинских бурят популярными, наиболее почитаемыми считаются обоо Шалсаана, Һэбхээн Үндэр, Алтанай Улаан хада, в Еравне – Тэлэмбын Үндэр, Алтанай обоо; в Баргузинской долине – Бархан уула, Болон Түмэр, Дээдэ Таабай (Сахули), Һэлмэн хушуун, Нархан тахил, Суво (т.е. пять больших тахилганов). В Тункинском районе самыми главными являются Хаан Шаргай, Бурхан баабай и обоо, посвященные Буха-ноену – общему генеалогическому культу булагатов, хонгодоров. Буряты юго-западного региона поклоняются Бүрин-хаану, Үндэр баабай, Уран Дүшэ. Кроме этих, наиболее крупных мест поклонения, в каждом селе, улусе есть свои родовые обоо.

Общественными праздниками бурят Предбайкалья, тесно связанными с религией, в частности, с шаманизмом, были тайлаганы. Слово «*тайлаган*» (*тахил*) происходит от древней общемонгольской формы «*тахиху*», перешедшей в «*тайху*», что значит «чествование» богов (Михайлов Т.М.84. С.66–71).

Обоо, тайлаганы проводились с середины мая до конца осени. Каждый тайлаган посвящался конкретному божеству – *эжину*. Сроки и цели их проведения определялись циклом сельскохозяйственных работ, временем кочевки. Старейшины рода, улуса решали вопросы сбора денег на покупку коня или баранов для принесения в жертву. Главное их назначение, также как при обоо, – просьба у богов, эжинов благополучного года, урожая, травостоя, умножения скота, счастья в семьях, избегания бед и несчастий. Тайлаганы могли быть семейными и коллективными молебствиями.

Например, бурятские кузнецы проводили свой особый тайлаган, посвященный кузнечным божествам. Иногда устраивались группой людей, объединенных какой-то общей целью – выездом на охоту, началом строительства объекта общественного значения, поездкой в город для торговли.

Обычно тайлаганы устраивались на вершинах гор, откуда открывается широкий обзор на расположенные у подножия улусы – хозяин местности обычно живет там, откуда может обозревать свои владения. Иногда устраивались у подножия горы, на берегу реки или озера, каждый тайлаган имел свое постоянное, живописное место проведения.

Тайлаганы, как правило, были массовыми мероприятиями всего населения улуса, рода. Непосредственное участие в нем принимали только мужчины, а также дети обоего пола. Женщины оставались дома, но включались во всеобщее торжество после возвращения мужчин в улус.

Р. Мердыгеев. Тайлаган

Тайлаган на Верхней Березовке

Число участников зависело от численности населения, поэтому колебалось от нескольких десятков человек до нескольких сотен, а кое-где до тысяч.

Участие в тайлагане семьи и всех домочадцев было обязательным, иметь свою долю жертвенного мяса – *хуби* – считалось делом чести и достоинства главы семьи, показателем социального статуса человека. Неучастие в тайлагане считалось нарушением традиций отцов и дедов, оскорблением бога, хозяина, поэтому он мог наказать такую семью, послав болезни или разные беды. На тайлаган не ходили только самые бедные, которые не могли внести деньги на покупку вина или жертвенных животных, а поэтому не имели права на получение пая, доли. Но никому из мужчин не запрещалось прийти на это торжество, повеселиться, попробовать мясо и вина от чужих даров. У большинства бурят были обязательны три тайлагана: весенний, летний, осенний.

Из всех тайлаганов самым торжественным, многолюдным был Ехэ тайлаган – Большое, или Великое жертвоприношение, прово-

димое в начале лета. Готовились к нему заранее, каждая семья в зависимости от материального благосостояния заготавливала продукты и вино; ожидая гостей, наводила чистоту и порядок в доме, юрте и хозяйстве. Самыми многолюдными были тайлаганы, устраиваемые на горе Байтог в Кудинском ведомстве. В них принимали участие все улусы, относящиеся к племени Эхирит, иногда собиралось две-три тысячи человек.

Для отправки на тайлаган готовили тарасун, саламат, белую молочную пищу, нужную посуду. Все приготовленное очищали огнем, окуривали богородской травой; все участники при выходе из дома тоже очищались. Приехав на место, садились семейством или группами у *туургэ* – специально заготовленных молодых березок, воткнутых в землю, выделяли для общего принесения в жертву вино и съестное. По заранее распределенным обязанностям разводили костры, другие приносили дрова и воду, третьи забивали и разделявали жертвенных животных, четвертые готовились варить мясо.

В это же время главный, кто проводил тайлаган, брызгал молоком, тарасуном, призывая соответствующих богов, эжинов, как бы готовя их к приему жертв. Этот обряд называется «*сасли*» – вступление; сасли заканчивалось загадыванием счастья, благополучия. Вверх и вперед бросали деревянные чашки с возгласом «*төөрэг!*». Если чашка падала, не опрокинувшись вверх дном, это означало хорошее предзнаменование. Бросивший подходил к своей чашке, становился на одно колено, молился, срывал большой пучок травы с места, куда упала чашка – *хэшэг абаха* – символ богатства, счастья от земли, затыкал за кушак и держал ее дома, повесив высоко в сакральном углу. Если чашка падала вверх дном – это считалось плохим знаком. Наливали вино или молоко в чашку, брызгали из нее на главный костер и бросали до тех пор, пока чашка не упадет правильно.

Когда мясо было сварено, отделено от костей, отбирали часть для угощения богов, а все остальное делили между всеми участниками, согласно их вкладу.

После перерыва начиналась главная часть молебствия. Шаман и его помощники, становясь в один ряд, хором начинали произно-

суть призывания к богам, *эжинам*, просили принять дары. Время от времени бросали вверх куски мяса, разбрызгивали вино. В призываниях просили ниспослать благополучие, урожай, здоровье, потомство, просили спасти от всяких напастей и бедствий.

Кости животных собирали и сжигали на жертвеннике – *шэрээ*.

Во время угощения богов, хозяев каждый получал свою долю, положив в посуду, ждали, чтоб начать обряд *далга хурылха*.

Далга абаха или *хурылха* – зазывание благодати, счастья. Подбрасывали дрова на жертвенный шэрээ и в главный костер. Шаман подходил к костру с ведром мяса, остальные следовали за ним и вставали вокруг костра. Звучали шаманские призывания, время от времени говорили: «*ай хурай*». Это мясо называлось *далга* – тайлаганское священное мясо, которое везли домой.

После завершения обряда далга и сожжения костей убитых животных начиналось пиршество, веселье.

К вечеру участники тайлагана возвращались домой, привозя мясо, глеющий уголь от костра клали на очаг и разводили огонь. Кусочками мяса угощали хозяина очага, духов предков, онгонов, зайнов. После этого угощались мясом члены семьи и гости. Началось пиршество, пели песни, водили хор, играли в разные игры, устраивали состязания.

Суровая, довольно однообразная жизнь бурят, проживающих небольшими группами на значительном расстоянии друг от друга, не располагала к частым празднествам – общие торжества и сборы были довольно редкими. Поэтому те немногие праздники, увеселения, проводимые при обрядах обоо, тайлаган, помимо религиозного ритуала, сплачивали членов рода – ведь жертвоприношения совершались от имени всех членов рода. Люди знакомились, налаживали взаимоотношения. Проведение обоо и тайлаганов сопровождалось играми, исполнением чарующих народных песен, словесными состязаниями, шутками, импровизациями.

В этих праздниках отражалось богатство народного творчества как в материальном, так и в духовном воплощении.

Тема 12. Сурхарбан

Одним из наиболее распространенных летних праздников монголоязычных народов является *Сурхарбан*. Его называют *эрын гурбан наадан* (три игры мужей). Один раз в год в начале лета, когда вскрывались реки, зеленела трава, подрастал молодой скот нагуливал вес, наступало обилие молочных продуктов, буряты, монголы, якуты, эвенки с древнейших времен проводили особые обрядовые игры, воспевающие пробуждение природы.

Он ожидался с нетерпением, готовились к нему задолго. Доступ на праздник имели все мужчины, без различия возраста и положения. Из женщин допускались только незамужние и дети. Главными моментами праздника были состязания по трем видам: стрельбе из лука, борьбе и скачкам лошадей.

Представители родов предварительно обсуждали место, сроки проведения, обговаривались условия проведения состязаний, призы.

Существует несколько версий значения слова. *Сур* – шишка – мишень, связанная из ремней, по которой стреляли из лука. Следовательно, слово означает состязание по стрельбе из лука в мишень – сур. По-бурятски ременная мишень называется *хур*, само состязание – *хур харбаан*. Подобные же состязания устраивали эвенки. Участники этого обряда стреляли в мишень – деревянное изображение лося-оленья, которое затем разрубалось на мелкие кусочки и раздавалось всем участникам и присутствующим, как залог дальнейшей успешной охоты. Словом «*сюр*» у тюркоязычных народов обозначаются рога оленя.

Еще одним вариантом пояснения происхождения названия праздника Сурхарбан служит бытовавшая у монголов игра «волк и тарбаганы». Играли в эту магическую игру, начиная с первого дня лета, связывая ее с удачей на работе. Легенда объясняет связь тарбагана с этим праздником так: «Тарбаган был когда-то человеком, метким стрелком. Однажды на небе появились три солнца, стало очень жарко, все начало выгорать. Стрелок хотел помочь людям и сбить лишнее солнце, но промахнулся. От стыда он отрезал себе большие пальцы, лишился человеческого вида и начал жить под землей».

Мотив уничтожения лишнего солнца является одним из древнейших, он отражен в мифах. В древнеиндийском языке «сурья» – солнце. Вполне возможно, что монголоязычное «сур» и «сурья» – однокоренные слова. Солнце имело древний символ на земле в виде оленных (солнечных) камней, наибольшее количество которых сохранилось и дошло до наших дней именно на территории Монголии. В этом случае Сурхарбан может означать не только стрельбу из лука в мишень – ремень – сур, но и стрельбу из лука в мишень – олень, «стрельбу из лука в мишень – Солнце» (Скрынникова Т.Д. 113.С. 39- 40).

История праздника уходит в глубокую древность. Поводом для устройства состязаний на самом раннем этапе были чествования духов хозяев священных местностей и предков рода. На этой стадии функция обряда-состязания сводилась к демонстрации единения членов рода, племени друг с другом, с охраняющими родовую территорию духами умерших предков и духами хозяев местности.

Второй этап в истории развития Сурхарбана – оставаясь родовым обрядом жертвоприношения, он приобрел дополнительную функцию военного смотра, отбора воинов для дружин ханов и нойонов. На праздник съезжалось много народу – несколько тысяч человек – приезжали участники, гости из самых дальних улусов. Каждый улус, род, племя стремились выставить своих борцов, мэргэнов, лучших коней и ловких наездников, чтобы одержать победу. Готовясь к соревнованиям, участники постоянно тренировались, сохраняя свою физическую форму.

В XII–XIII веках, во времена правления Чингисхана и его потомков, победителей состязаний военачальники, князья, хан отбирали в личную свиту. Ставили их во главе войсковых подразделений, ибо ловкость, меткость, сила были необходимыми качествами во время военных действий. Большие состязания, в которых участвовали сотни и тысячи лучших скакунов, ловких наездников, самые лучшие, сильнейшие борцы, меткие лучники, были своеобразным смотром вооруженных сил.

В советское время Сурхарбан приобрел новое содержание и масштабы. Из улусно-родового он стал общеколхозным, совхозным, районным, республиканским или окружным (в Иркутской облас-

ти, в Агинском округе), одинаково привлекая в качестве участников и зрителей представителей разных профессий. Проводятся смотры победителей самодеятельных народных и художественных коллективов, устраиваются народные гуляния. Любимый вид спортивных состязаний бурят – национальная борьба – *бүхэ барилдаан*. Задолго до соревнований борцы начинают тренироваться под наблюдением тренеров, приводя себя в соответствующую спортивную форму.

Не меньшей популярностью, чем борьба, пользуется стрельба из лука. Лук и стрелы были основным оружием охотника и воина вплоть до XIX века. С появлением огнестрельного оружия они постепенно ушли из обихода, но навыки меткой стрельбы из лука или ружья – качество, ценившееся у охотника, скотовода, воина и в мирное, и в военное время.

Конные скачки – третий вид состязаний Сурхарбана. За годы советской власти главное место занимала национальная борьба, два других вида состязаний постепенно стали отходить на второй план. Этому были объективные и субъективные причины: не везде сохранились старинные луки и стрелы, ушли из жизни многие знатоки и умельцы-мастера по их

изготовлению; метких стрелков, которые могли бы обучать детей с малых лет, можно было сосчитать по пальцам. Резкое сокращение поголовья скота, в первую очередь лошадей, привело к тому, что в районах и селах республики перестали устраивать конные скачки. Даже если кое-где и проводился этот вид состязаний, они не были столь зрелищными и многолюдными, как в былые времена.

В наши дни расширяется география регионов, где развивается конный спорт. Можно сказать, что появляются центры этого вида состязания на Улан-Удэнском ипподроме, в с. Ацагат и Новая Курба Заиграевского района, в Мухоршибирском, Джидинском, Курумканском, Еравнинском и других районах. Большой интерес сейчас проявляется к Сурхарбану в Усть-Ордынском и Агинском бурятских автономных округах. Особенно красочными и разнообразными были спортивные мероприятия, проведенные в рамках празднования 1000-летия эпоса «Гэсэр». Выявление самых быстрых скакунов, самых ловких наездников – задача скачек.

Существуют целые трактаты и неписанные правила о скачках, по отбору и тренингу скакунов. В таких старинных книгах, как 219 том «Данжура», «Эрдынин Товч», VIII том собрания трудов Сумбэ-Хамба Ишбалжира, в трудах Лодона Линховойна и других произведениях повествуется об отличительных чертах скакунов и их тренировке. Описанию признаков хороших лошадей, подготовке к скачкам посвящены в эпосе тюрко-монгольских народов многие страницы. Описываются не только бег коней, их достоинства и пороки, но и всевозможные хитрости и уловки и даже преступные действия всадников в борьбе за приз. А призы бывали очень велики: скот, выставленный как приз, исчислялся сотнями, а иногда и тысячами голов. Устраивались состязания женихов за руку прекрасной девушки, это традиция в некоторых местах сегодня возрождается.

Кони-победители совершают круг почета, на их головы и кресцы брызгают молоком и исполняют стихотворное восхваление *урезл-соло*.

Этот одический жанр имеет давнюю традицию в фольклоре кочевников. Содержание восхваления суммирует все, что имело значение для всадника: бег скакуна, его темперамент, экстерьер. Акаде-

мик А.П. Окладников приводит свидетельство о проникновении таких «славословий» коням у кочевников в китайские древние письменные памятники: «страна гулиганей производила лошадей, которые сильны... росли... в день могут пробежать по несколько сот ли... Император Тайцун, приняв таких лошадей, присланных ему, был восхищен ими, и каждому скакуну в отдельности дал славное имя и затем посвятил им особую поэму».

Материалы, записанные в разные годы в Закаменском, Джидинском, Тункинском, Еравнинском районах Бурятии, позволяют сделать вывод, что еще в 70–90-е годы были знатоки и исполнители этого жанра. Это Пурбо Самбуевич Самбуев из Закамны, Шагдар Дашиевич Байминов из Тунки, Тимофей Сандакович Менжигийн из Джиды, Рыгзен Эрдынеевич Эрдынеев из Еравны, Лодон Линховоин из Аги.

Изобразительные средства соло – эпитеты, сравнения, метафоры – говорят о самых тесных связях человека и природы. В характеристике коня существуют качественные приметы головы, туловища, ног «с изогнутой спиной» (*хотогор галдамни*), «грива, свисающая на шею». Наиболее архаичный пласт – сравнения, эпитеты, встречающиеся в соло «сорок белых зубов» (*дүшэн сагаан шүдэншни*), «четыре черных копыта с подковами» (*дүрбэн хара турууншни*), «круглые черные копыта» (*түхэрезэн хара тахадшни*). Большую роль в соло играет описание убранства коня: «янья мүнгэн хударга» (шлея из китайского серебра) и др.

Один из вариантов соло звучит так:

Адуунһаа танижа бариһан,
Агтаһаань һунгажа абahan,
Гол нугаар урилдажа, гое шэнжэтэй болоһон,
Утын намар уяжа, урилдаанай шэнжэ олгоһон,
Эрэлхэг гүүнэй унаган эрхэ боро хүлэг!
Харанхы газарые гэрэлтүүлэн ерэгшэ,
Харганаата талые харгы гарган ерэгшэ,
Ганга мүрэнэй долгин мэтэ, алтан шаргал азаргын
Ама сагаан гүүнэй унаган.
Мүнгэн сагаан туруутай
Морин эрдэниин хүлэг гэнээ!

Кроме хвалебных соло существует «хвала» лошади, пришедшей к финишу последней: «По ошибке и недогляду хозяина этого скакуна привязь его во время выдержки оказалась слишком короткой. Парнишка, который скакал на нем, был неопытным, а плетка в его руках слишком короткой. То холмы, то ямы на пути его попадались, препятствия то и дело его задерживали. Хотя он резво начал бег, припелся последним, словно телега, запряженная быками. Хотя в этом году величают «богатым желудком», на будущий год быть ему первым, первым из тьмы!» (СампилдэндэвХ. 1985).

Сегодня Сурхарбан – это часть национальной культуры, поэтому развитие, популяризация и научное изучение этого праздника следует рассматривать как составную часть возрождения материальной и духовной культуры народа.

Тема 13. Сагаалган

В праздник Белого месяца – как у нас повелось –
Людам надо бы встретиться, чтоб светлее жилось,
Чтоб убавилось горя, чтоб тучнели стада,
Чтобы небо над взгорьем голубело всегда.
Праздник Белого месяца, праздник Вечного месяца.
Только доброе ценится, только в светлое верится.

Эти стихи поэта Баира Дугарова посвящены празднику Сагаалган – Белому месяцу – встрече Нового года по лунному календарю. По этому же календарю встречают Новый год, кроме бурят, в Монголии, Тыве, Калмыкии, Китае, Японии, Корее, Вьетнаме.

Лунный календарь популярен среди народов Азиатского континента, в нем месяцы исчисляются по лунному циклу (29,5 дней).

Сагаалган – основная дата календаря монголоязычных народов. Как и другие народы, в культуре которых соседствуют и сосуществуют официальный (григорианский) и традиционный календари, современные буряты встречают Новый год дважды: 1 января и в феврале.

Из глубокой древности пришел на землю Бурятии Сагаалган. Ученые Доржи Банзаров, Гомбожап Цыбиков и другие, изучавшие

исторические корни праздника, указывали на древность его истоков и пришли к выводу о его народном происхождении, о том, что в его основе не так много общего с религией, с буддизмом. До нас дошли описания празднования еще во времена правления Чингисхана. В те далекие времена Сагаалган отмечали осенью, в день осеннего равноденствия, т.е. в первый лунный осенний месяц.

После распространения буддизма, поскольку Сагаалган был популярным всенародным праздником, буддийское духовенство не могло не считаться с ним и включило его в свою религиозную систему. Поэтому в проведении обрядов выделяются два основных аспекта: культовый и народный (бытовой).

В конце 20-х годов в Советском Союзе под видом борьбы с религией и церковью этот народный праздник попал под запрет.

С наступлением перестройки повсеместно стали возрождаться народные обычаи, традиции, праздники.

Президиум Верховного Совета Республики Бурятия своим указом от 24 января 1990 года придал национальному празднику Сагаалган статус народного. Это отвечало воле и желанию народа, стало началом широкого возрождения культуры, национальных обычаев и обрядов, в том числе возрождения религиозных ценностей.

Существует несколько вариантов объяснения происхождения названия «Сагаалган». Наиболее верным считается происхождение от слова «сагаан» – белый.

В символике цветов у монгольских народов белый цвет связан с понятием света, чистоты, святости, добра, благополучия. Для бурята-кочевника счастье – это многочисленное потомство, размножение пяти видов скота, изобилие молока и мяса. Белая молочная пища – это высшая категория пищи монгольских народов, пища священная, ибо все живое на Земле вскормлено материнским белым молоком. Недаром у бурят существуют обряды, связанные с молочной и мясной пищей (встреча, проводы гостей, жертвоприношение духам, хозяевам местности и др.).

К числу важнейших культурных достижений XII века следует отнести и принятие монголами нового календаря по звериному циклу. Он начинается с года Мыши и заканчивается годом Свиньи.

Монголоязычные народы говорят, что не бывает плохих звезд, плохих годов. Тем не менее, у каждого года есть свои особенности, свои отличия.

Культовая сторона праздника происходит в дацане. Накануне за оградой строится конусообразное сооружение из досок, которое внутри заполняется дровами. Оно символизирует людские прегрешения за прошлый год. Сверху пирамида обтягивается куском ткани, поверх нее нашиваются матерчатые или бумажные язычки пламени, устремленные вверх. С наступлением сумерек при большом стечении верующих вспыхивает костер. В этот костер люди бросают тряпки (новые платочки, куски ткани, салфетки), предварительно обтерев ими тело – свое и домочадцев. Иногда оно могло быть куском теста. В этом люди видели очистительную функцию обряда – очищение огнем. Сжигая все болезни, напасти, грехи, приставшие за весь год, человек встречает Новый год с чистой душой и телом, избавленный от всякой скверны. В том случае, если человек начинает «свой» год, а это происходит через каждые одиннадцать лет, то он должен в дацане заказать молитву-оберег, совершить некоторые обряды.

В эту же ночь до утра читаются молитвы, посвященные хранительнице веры Лхаме – покровительнице Иволгинского дацана. Затем, когда Новый год вступает в свои права, устраивается богослужение в честь победы буддизма над врагами веры. В течение пятнадцати дней, последующих за первым, читаются молитвы, посвященные 15 чудесам Будды. Существует легенда, что Будда одержал победу, проявляя различные чудеса в течение 15 дней. Здесь же читаются священные книги, молитвы, прежде всего о том, чтобы Новый год оказался для всех счастливым, о здоровье и благополучии людей. В течение сагалганского хурала, особенно в первые дни, в дацане бывает очень много народа.

В народно-бытовом плане подготовка к встрече Нового года начиналась задолго до его наступления. Подвозилось из дальних участков сено, побольше заготавливали дров, убирались в доме, в ограде выгребали мусор, выбрасывали ненужные старые вещи, и все это сжигалось в юго-восточном направлении от жилья. Затем окуривали благовонными травами членов семьи, дом, скот-

ный двор, все постройки. Женщины шили новую одежду, чистили, реставрировали или заказывали новую конскую сбрую, ведь в праздничные дни предстояли выезды на лошадях в дацан, к соседям, родственникам. Замужние женщины, живущие вдали от родительского дома, имели «законное право» один раз в год во время Сагаалгана навестить и поздравить родственников, поэтому они с большим нетерпением ждали наступления Нового года.

Еще осенью, с наступлением холодов, каждая семья забивала скот на зимнее мясо (*үүсын мяхан*). При этом специально лучшие куски мяса – грудинка (*үбсүү*), спинной отросток грудного позвонка (*нээр*), берцовые кости (*сэмгэ*), почки, сердце, ребра, внутренности заворачивали в околобрюшной жир и замораживали в шкуре забитого животного, это называлось – готовить *нари*. За несколько дней до праздника нари заносили домой. Когда оттаявшее мясо разворачивали и вытаскивали из шкуры, говорили следующие слова: «*Нарьяа задалхамнай! Сагаан харын хэшэгтэ хүртэхэмнэй! Шэнэ мяха эдихэмнэй!*» (Разворачиваем нари! Угостимся праздничными дарами! Отведаем свежего мяса!).

Одним из важных элементов Сагаалгана является приготовление национальных блюд. В меню преобладали мясные и молочные продукты. Заранее разделявалось мясо, лепили *бууза* (позы). При возможности наиболее состоятельные семьи перегоняли молочную водку (*тогооной архи*).

Приготовленные кушанья замораживались, накапливались запасы, чтобы вдоволь хватило и себе и на угощение гостей. В праздничные дни должно быть в доме обилие белой пищи. Еще с осени готовились и хранились до праздника *ааруул* (сушеный творог), *хурууд* (домашний сыр), топленое масло, сметана, пенки.

Бурятские женщины – великие мастерицы в приготовлении всевозможных молочных блюд. Готовят достаточное количество бообы (небольшие сдобы разных форм). Все мучные изделия готовились на сметане. Конфетами и бообами обычно угощали, одаривали детей, забегавших в гости в праздничные дни.

Последний день старого года называется «*бутүү үдэр*». По древним поверьям, жизнь человека, живых существ зарождается в глухом, закрытом пространстве (материнская утроба, раковина, ко-

кон, яйцо, икринка и т.д.), и когда наступает срок, они должны выйти оттуда.

Сагаалганская пища – это, прежде всего, ритуальная пища. Большая часть кушаний, которая ставилась на стол, была как бы «закрытой, глухой» – позы, сердце, почки, берцовая кость. «Открытие» их – это современная форма проявления древнего магического действия – «открывают закрытое, чтобы дать дорогу новой жизни».

Берцовая кость и содержащийся в ней костный мозг (*можын сэмгэн*) заключали в себе жизненную силу скота (*нүлдэ*). В последующие праздничные дни устраивались состязания мужчин в умении ударом кулака переломить *нээр* (*нээр*) – отваренный спинной отросток грудного позвонка крупного рогатого животного. Это также одно из древних магических действий. Обычно кости старых, худых животных бывают хрупкими, легко ломаются. Крепкий *нээр* говорит о том, что скот у этого хозяина молодой, хорошо упитанный, сильный. Хозяин дома или кто-то из старших по возрасту гостей, прежде чем начать состязание, произносил благопожелания следующего содержания:

Халуун дээрэнь дабтаа хаа,	Если ковать горячим,
Хатуу буладшье нугарха.	То можно согнуть сталь.
Хасабшалжа шаагаа хаа,	Если силой ударить,
Хандагайн сэмгэншье хухарха.	То переломится и лосиная кость.

При этом восхвалялись не только крепкие качества кости животного, но и сила и ловкость мужчин.

При приеме и встрече особо почетных гостей хозяева резали овцу. Самому старшему гостю – мужчине подавалась в знак особого уважения сваренная и специально обработанная баранья голова – *төөлэй*.

Каждый старался накануне нового года оказаться дома, среди своих близких, чтобы всем вместе совершить два обряда – «*Бурха дэлгэхэ*» и «*Далга*». Обряд «*Бурха дэлгэхэ*» (поклонение домашним божествам) включает в себя следующие моменты: на божницу выставляются скульптуры и развешиваются изображения буддийских божеств, нарисованные на холсте. В основном, это были изображения Белого старца – *Сагаан үбгэна* – хозяина Земли, покрови-

теля домашнего очага. В любом улусе, в юрте Сагаан үбгэн являл собой олицетворение народной памяти, жизненной мудрости и опыта. Кроме этого персонажа, во многих домах часто встречались изображения *Намсарая* – божества, дарующего людям богатство, *Аюши* – божества, дарующего долголетие, *Сагаан Дара эхэ* (Белой Тары) – покровительницы женщин и детей. Перед ними зажигалась лампада (*зула бадарааха*), ставились жертвенные чашечки с разными видами угощений.

Магическое значение имела также грудинка (*үбсүү*). На хорошо отваренной грудинке делали два поперечных надреза и ставили в качестве жертвоприношения на божницу перед божествами. Это называлось «*бүүлэг табиха*». Бүүлэг стоял на божнице несколько дней.

Прежде чем приступить к трапезе, хозяева совершали обряд «*далга*» – подношение угощений хозяину очага. Он сопровождался словами: «Отзвенел старый год, наступает Новый. Совершаю жертвоприношение грудинкой белой овцы. Пусть в доме будет тепло и светло. Да исчезнут смерть и страдания, да установится счастье и благополучие, да прибавится жизненная сила». При этом отрезали три кусочка мяса, брали по три куса со всех яств со стола и бросали в огонь, капали три раза молочной водкой. Число три в данном случае имело древний магический смысл: *Гал гурбан хубүүтэй* – у огня три сына. Огонь – символ жизни, символ возрождения, измеряющийся понятием, что у нас есть наши предки – наше прошлое; есть настоящее и наши дети и внуки как символ будущего.

Все собравшиеся члены семьи должны были есть досыта и обязательно попробовать все кушанья. Обильное застолье также имело магическое значение. Полагали, что оно способно содействовать процветанию и долголетию людей, богатому урожаю и приплоду скота. «С чем встретишь год – с тем и будешь весь год».

Раньше говорили, что в этот вечер в каждую юрту заходит *Сагаан үбгэн* (Белый старец). Если кто-то не насытился, он может обидеться, недовольный тем, что люди живут плохо и бедно, хотя он много заботится об их благополучии. И чтобы не обидеть его, во все праздничные дни в доме должно быть обилие еды.

Спиртное в этот вечер не пили. Вдоволь насытившись, люди пораньше ложились спать, чтобы утром подняться с рассветом. На ночь ставили за дверью (за окно, на балконе) чистую воду. Считалось, что покровительница Иволгинского дацана, хозяйка нижнего мира – Лхамо (*Хама хахюусан*) с рассветом объезжает землю, ведет пересчет живых душ (людей, животных), вода при этом менялась как чернила.

Рано утром, в первый день наступления Нового года, хозяин дома совершал обряд поклонения духам, хозяевам своей местности. Для этого с вечера во дворе устанавливалось возвышение (стол или сооружение на толстых чурках, досках). Утром на него ставилась металлическая посуда с горячими углями, на которые высыпали благовонные травы – можжевельник, богородскую траву (*арса- санзэ*). Выносились из дома приготовленные заранее блюда с молочной и мясной пищей. Специально для этого обряда варили новый чай, густо забеливали молоком (чай ни в коем случае не должен быть черным). В специальную посуду насыпали зерно, монеты. Все эти виды пищи разбрызгивались, разбрасывались на четыре стороны света с просьбой к духам, хозяевам, божествам принять эти угощения и даровать благополучие, спокойствие, мир, здоровье, т.е. все то, что необходимо человеку для нормальной жизни. При этом он обязательно должен поблагодарить их за то, что в год прошедший они покровительствовали ему.

Далее обряд встречи Нового года проходил дома. На столе должен был быть полный набор сагаалганской пищи.

Следующий обряд – поздравление с наступлением Нового года, с днем рождения. До революции у бурят не принято было запоминать или записывать дату рождения человека. Было установлено, что человеку в Сагаалган прибавляется один год. Таким образом, это был коллективный именинный день для всех бурят Забайкалья. В день Сагаалгана обязательно должны были поздравить своих родителей, бабушек, дедушек, преподнести им подарки. Самым почетным был первый гость дня, особенно если это был мужчина. Гость, зайдя в дом, не раздеваясь, проходил по ходу солнца к божнице, которая находилась на северной стороне (*хоймор*), поклонялся божествам и лишь затем поздравлял хозяев.

Народная традиция почитания, уважительного отношения к старшим – очень древняя и по справедливости достойна всяческого поощрения. Празднование продолжалось чествованием самого почитаемого человека в его юрте. При этом маршрут должен был пролегать по ходу солнца. По древним представлениям бурят нельзя разворачиваться против солнца, в сторону, противоположную его ходу. Поэтому, совершая обход скота, гуляя от юрты к юрте во время пиров, всегда шли по солнцу. Это связано с почитанием солнца: нельзя перечить солнцу, мешать ему, сердить его.

Существует поверье, что чем больше гостей будет в первый день, тем счастливее будет наступающий год. Вечером устраивали состязания *һээр шааха*, играли в альчики (*астргалы – шагай*), состязались в пении. Надо сказать, что все игры, состязания, связанные с костями животных, – отголоски древних магических игр, символизирующих плодородие скота.

Наиболее насыщенными событиями являются первые три дня. Однако весь месяц считается праздничным, продолжаются хождения в гости, посещения и поздравления родственников, живущих в других местах, обмен подарками и приветствиями.

Таким образом, Сагаалган – Новый год – древний народный праздник, все обряды несут в себе глубокий смысл. В них проявляется стремление к укреплению связей поколений, к созданию здоровой психологической обстановки, обеспечению преемственности в культурном и духовном наследии.

Пожелаем же всем, чтобы в Новый год исполнились все наши стремления и сокровенные желания.

Тема 14. Бурятская свадьба

Создание семьи – естественное стремление человека. Необходимость продолжения рода, чтобы он не оборвался, не угас, чтобы в очаге всегда горел огонь, не развеялось пепелище предков – вот главный мотив брака бурят в прошлом.

Свадебные обряды составляли комплекс различных представлений, обрядов, ритуальностей, касающихся этики, религии, искусства, физической культуры и т.д.

Бурятские свадебные обряды представляют собой строгое, веками выработанное и организованное действие, которое построено на ряде последовательно связанных символических моментов, созданных многими поколениями с незапамятных времен. Исполнялось оно рядом ответственных лиц, как со стороны жениха, так и со стороны невесты.

Буряты верили в магические слова песен и благопожеланий, почти каждый гость свадьбы, особенно люди старшего поколения, считали обязательным произнести их для молодых.

У разных локальных групп забайкальских бурят традиционная свадьба представляла собой развернутый, сложный комплекс обрядов и церемоний. У селенгинских, хоринских, агинских кочевников большое влияние на свадебные обряды оказал ламаизм, в то время как в свадьбе баргузинских, кударинских бурят это влияние значительно слабее. Эти группы бурят, в прошлом выходцы из западной Бурятии, сохранили в свадебной обрядности много общих черт с кудинскими и верхоленскими группами в содержании обряда и в терминах.

У селенгинских, хоринских, агинских бурят ламы играли заметную роль при бракосочетании: руководствуясь астрологическими книгами, они определяли возможность брака между юношей и девушкой по соотношению годов их рождения; указывали дни исполнения свадебных обрядов; назначали день и месяц свадьбы, время выезда свадебного поезда; определяли масть лошади, на которой поедет невеста; указывали человека, который должен вывести ее из юрты и сажать на коня, и еще двоих, один из которых должен был помочь невесте перешагнуть порог юрты жениха, а другой – прикоснуться к её голове, давая этим санкцию расплести девичью косу и заплести две косы; определял людей, которые сопровождали невесту при исполнении обрядов поклонения.

Невеста должна была иметь приданое, состав которого был вполне определенным, т.е. должен был включать установленный комплекс вещей и предметов. Основными компонентами приданого у богатых к концу XIX в. стали золотые, серебряные и коралловые женские украшения, полный комплект постельных принадлежностей, ковры, пологи, занавеси, сундуки и ящики с подставками, в которых привозилась и хранилась одежда. Также в приданое невесте давали скот (*энжэ*), количество которого также зависело от состоятельности родителей. У забайкальских бурят (селенгинских, агинских) одним из главных атрибутов приданого невесты считалась новая войлочная юрта.

Современный свадебный обряд бурят имеет общие для всех бурят черты. Как и старый, он состоит из трех основных циклов: предсвадебного, собственно свадьбы и послесвадебного. Многие из сложных церемоний и ритуалов свадьбы модернизировались, также значительно сократились и упростились их элементы. При этом основное место занимает собственно свадьба.

Главным этапом предсвадебного цикла является сватовство (*хадаг табиха, тахил табиха, ураг орохо*). Основой бракосочетания является взаимная любовь, желание и согласие молодых. Сватовство – это торжественный акт, знакомство родственников жениха и невесты, если молодые из разных местностей. На церемонию сватовства к родителям невесты во главе с уважаемым человеком, знатоком свадебной обрядности и поэзии (*худын түрүү*) едут сва-

ты в количестве от двух и более человек, при этом число едущих сватов может быть четным или нечетным. Старшим сватом по традиции бывает брат матери (*нагаса*) или брат отца (*абга*) жениха. Родители невесты заранее знают о дне приезда сватов. Приехавшие гости рассаживаются, и только после непродолжительного застолья с угощением гостей, когда приехавшие сваты выпьют по три рюмки вина, начинается словесное состязание. Хозяева, принявшие гостей, как бы притворяются, делают вид, что они не знают их, и спрашивают, кто они такие, откуда и куда они держат путь. Старший сват в ответ произносит, например, такую речь:

Ганса түлээн гал болохогүй,

Ганса хүн хүн болохогүй гэхэн

Урданай үгын ёноор,

Ураг болохоёо ерээбди.

– Болохо гү?

– Болохо, болохо.

Одно полено костер не составит,

Один человек не продолжит свой род.

Так и мы по обычаю наших предков

Приехали с вами породниться.

– Можно?

– Можно, можно.

Затем старший сват подносит хадаг, т.е. специальный обрядовый тонкий шелк в виде шарфа белого, синего или желтого цветов. Хадаг кладется на самое почетное место дома, к нему прилагается определенная сумма денег достоинством 100, 200, 500 рублей. Иногда обходятся и без него, при этом на почетное место дома ставится бутылка открытой водки, пачка чая, конфеты и печенье. Если старший сват заручится согласием родителей невесты, то обе стороны намечают день проведения свадьбы. Здесь же обговаривают количество гостей, которые должны приехать со стороны невесты. На этом визит сватов завершается и их провожают в обратный путь. После этого приглашенные на сватовство самые ближайшие родственники невесты продолжают семейное торжество.

За 20–30 дней до назначенного дня свадьбы родители жениха, как и родители невесты, оповещают своих родных и односельчан о дне свадьбы и приглашают на свадьбу.

В день свадьбы, обычно в пятницу, воскресенье, понедельник, среду, которые считаются благоприятными днями недели, родственники и приглашенные со стороны невесты собираются в доме, откуда должны выехать на свадьбу и устраивают проводы невесты

(*басаганай наадан*). Каждый приглашенный может принести с собой прибавку к свадебному угощению (*түрын нэмэри*) или же подносит невесте деньги.

Свадебный поезд на нескольких легковых автомашинах сопровождает невесту, на отдельную машину грузится ее приданое. При этом родители невесты не сопровождают её в дом родителей жениха и не присутствуют там на свадебных торжествах. Этот свадебный поезд выезжает с таким расчетом, чтобы приехать к дому жениха в послеобеденное время. Когда свадебный поезд находится в трех-пяти км (если невеста из другого района) или на расстоянии 200–300 метров (если невеста из этого же села), навстречу им со стороны жениха выезжают на автомашинах шесть-десять человек во главе со старшим сватом или почтенными стариками, знающими своеобразную поэзию и все подробности церемонии встречи. Встречающие останавливают свадебный поезд. Тогда старший сват со стороны невесты спрашивает: «*Зам харгыемнай юундэ хаагаабта?*» Почему вы преграждаете нам путь-дорогу? На это старший сват со стороны жениха отвечает примерно следующими словами:

Газарай холоһоо	Мы встречаем
Уһанай утаһаа	Свадебный поезд
Түрэ хурим хүргэжэ	Из дальнего далека,
Ерээшэдые	Из-за длинного водного рубежа.
Угтажа байнабди.	

Затем он обращается к приехавшим с вопросом: «*Та юушэн гээшэбтэ?*» (Кто вы такие?)

Те отвечают:

Үрээгээ морин болгохо,	Мы ведем свадебный поезд,
Үриэз хүн болгохо гэжэ	Богатый яствами и вином.
Болдог шэнээн мяхатай,	Мы едем, чтоб детей наших
Булаг шэнги архитай,	Благословить на путь.
Амбан түрэ хүргэжэ ерээбди.	
– Зүб гү? –	– Правильно?
– Зүбээ, зүб! –	– Правильно, правильно!

После такой краткой церемонии встречающие преподносят рюмку водки старшему свату и знакомятся, если невеста из дальних мест. Затем приехавшие и встречающие вместе едут к дому

родителей жениха. Когда свадебный поезд доезжает до дома жениха, то его встречают все собравшиеся. Первой в дом жениха заходит невеста со старшими сватами (*худын түрүү*), здороваются со всеми, рассаживаются за накрытые столы.

Перед тем как подавать первую рюмку вина, хозяева произносят речь, обращенную к старшему свату:

Нарин харгы үргэдхэжэ, Үргэн харгы наридхаж, Дааганайнгаа туруугаар Далан харгы гаргажа, Унаганайнгаа туруугаар Уужам харгы гаргажа ерэнэн Хуушанай ёһоор худа, Мүнөөнэй ёһоор ураг, Угтуулхаар ерэнэн алтан худа, Угтажа абаһан ураг эльгэнэй Ундан харые тогтоон барихатнай хайр болог!	Узкую дорогу расширяя, Широкую, наоборот, сужая, Копытом своего коня Путь-дорогу торя, Копытом своего жеребенка Широкую дорогу прокладывая, Прибывающий к нам – По-старому обычаю – сват, По-новому – родня, Достойный встречи золотой сват, Бокал вина со стороны родни, Встречающей вас, ожидаючи, Благоволите принять.
--	---

После трех рюмок вина в доме жениха начинается церемония подношения подарков (*бэлэг бариха, байлган*), человек, преподносящий подарок молодоженам, сопровождает его благопожеланиями (*үрээл хэлэхэ*). После этого начинается церемония заправки постели (*оро заһалга*), которая поручается двум женщинам, представляющим обе стороны. По традиции эти женщины должны были быть «полными» т.е. иметь семью, детей и быть в детородном возрасте. Заправив постель, женщина со стороны невесты произносит такое благопожелание:

Үргэн сагаан энэги дээрэ Энхэ найхан жаргалтай Үритэй, бэетэй Үнэр баян жаргагты.	Да живут, испытывая удовольствие и счастье, Богаты детьми, рожденными на шири Этого белого войлока.
--	---

По завершении церемонии хозяева преподносят старшему свату баранью голову (*хониной төөлэй*), которая подается в центре тарелки. Старший сват исполняет обрядовую песню, прославляющую это почетное угощение. Старшей сватье преподносят крестец барана (*хониной ууса*). Затем старшему свату и старшей сватье подают вина.

Прежде чем выпить, старший сват исполняет обрядовую песню:

Уужам дайдая харахадамнай
Ургы сэсэг гоё байна,
Ушараад эндэ нуухадамнай
Бархан хээтэй домбо байна.

Когда обзриваешь широкую степь,
Прекрасно цветов цветенье.
Когда сидишь на этой желанной встрече,
Прекрасны бокалы узорчатые.

Баран урагуудаараа уулзажа,
Баян түрэээ хүргэжэ,
Найр наадаяа бүтээжэ,
Аша үриез айл болгобобди.

Мы стали роднее родного,
Сыграв богатую свадьбу.
Устроив праздник – веселье,
Создали семью молодую.

Старшая сватья также исполняет подобную песню:

Энхэ түрэээ хүргэжэ,
Эрьсын һүүл табиюлжа,
Эржэн домбоор хүндэлүүлжэ,
Эрхэ түрэхэн хүүхэээ
Айл болгожо бусахамнай.

Славную свадьбу устроив,
Удостоились угощения.
Для дитя своего создали семью
И к себе домой возвращаемся,
Довольные и счастливые.

В конце свадьбы в доме жениха одаривают всех приехавших гостей со стороны невесты, начиная со старших сватов. Подарками обычно бывают мужские рубашки, куски дорогой материи, платки, плиточный чай и т.д.

Свадьба продолжается 5–6 часов, после чего все приехавшие гости со свадебным поездом начинают собираться в обратную дорогу, если невеста из этого же села. Если невеста из другого района, то свадебный поезд уезжает на следующий день. Перед тем как покинуть дом жениха, старший сват произносит речь, посвященную очагу дома, и льет в огонь вино:

Залиршагүй залитай,
Унтаршагүй гуламтатай,
Олон зоной дунда
Тэгшэ һайхан
Айл боложо һуугты.

Среди множества людей
Живите, как равные с равными.
Не зная горечи и нужд,
В достатке, любви и согласии.

Проводив свадебный поезд, все возвращаются в дом жениха, и здесь продолжается свадебное пиршество.

Современная бурятская свадьба сохраняет традиционную этапность свадебной обрядности и имеет в основном те же циклы церемоний и ритуалов, которые существуют у других бурятских родоплеменных групп.

Темы и задания к главе 3

Тема 9. Лошадь в культуре бурят

1. Проявление культа коня в материальной и духовной культуре бурят, монголов.
2. Образ лошади в бурятском фольклоре, литературе, изобразительном и декоративно-прикладном искусстве.
3. Тема лошади в музыкально-песенном жанре монголоязычных народов.
4. Практическое занятие по теме:
- Я хочу рассказать о лошади – помощнике, лошади – кормильце, лошади – друге, лошади – участнике всех народных празднеств, лошади – спортсмене, лошади – воине, лошади – путешественнике, лошади – артисте кино и цирка, лошади – знаменитости... (одну тему на выбор).

Тема 10. Древнейшие игры и танцы бурят

Практическое занятие:

1. Составить подборку этномузыкального материала по играм и танцам для фольклорного ансамбля своего села или района (фольклорным группам и музыкантам).
2. На основе игр, игровых сюжетов (по выбору) осуществить постановку танцевальной композиции (хореографам), составить сценарий (режиссерам), проиллюстрировать сюжет или фрагмент (художникам), составить библиографию, подобрать исторические и литературные произведения (библиотекарям).

Тема 11. Обоо, тайлган

1. Защита письменной работы по обряду «обоо тахиха» или «тайлган» на основе регионального материала.
2. Священные места моего района (села). Легенды и предания о хозяевах, духах данных местностей.

Тема 12. Сурхарбан

1. Празднование Сурхарбана в районах республики (на основе регионального материала).
2. Защита письменной работы на одну из тем:
  - а) подготовка лошадей, проведение скачек, чествование коня-победителя;
  - б) стрельба из лука, бурятские мастера-лучники;
  - в) бурятская борьба и ее особенности.

Тема 13. Сагаалган

1. Составление и защита сценария Сагаалгана соответствующего года.
2. Обряды и обычаи празднования Сагаалгана.
3. Функции обрядов в народно-бытовом и культовом аспектах.
4. Поздравления, благопожелания (чтение наизусть на 2-х языках).

Тема 14. Бурятская свадьба

1. Свадьба, свадебные обряды в фольклоре, литературе, изобразительном и песенно-музыкальном жанрах.
2. Свадебные обряды (по регионам), составление сценария на основе полевого материала.
3. Свадебные благопожелания, поздравления, игры, песни (традиционные и современные варианты).

З а к л ю ч е н и е

В конце XX – начале XXI веков, на стыке двух тысячелетий, большинство народов мира возвращаются к своим корням – духовным, эпическим, обрядовым, эзотерическим, чтобы обогатившись глубинными и сакральными ценностями, изначально хранившими этнос, войти в культуру XXI века, пронизанную новейшими технологиями, где истинно человеческому оставлено мало места.

«Массовая культура» с ее заштампованностью, стандартами, эталонами потребления, вкусов, стремлений, идеалов, образа жизни, общими для всех людей, независимо от места проживания, исторической и культурной специфики, ведет к тому, что человек все больше отчуждается от естественной среды обитания, подчиняясь ритму гонки за достижениями науки и техники, утрачивает чувство причастности к истокам, своим корням.

Духовное возрождение общества возможно только на основе общечеловеческих ценностей, нашедших свое воплощение в народной культуре. Решение этой проблемы невозможно без знаний о культурном наследии народа. В традициях и обычаях каждого народа зафиксировано то, что когда-то было достигнуто его предками в понимании своего места в мире и правил жизни в нем – то,

что мы называем экологичностью мышления людей древности, обладавших мифологическим, космическим сознанием.

Самобытная культура бурят должна явиться опорой для дальнейшего развития нации, т.к. именно культура определяет лицо нации, её жизнедеятельность.

Особую актуальность в современных условиях приобретает целенаправленная деятельность по подготовке специалистов, которые будут вести работу в сфере культуры и образования по приобщению детей и молодежи к традиционным духовным ценностям.

Сбор материалов по сохранению традиций, изучение и обработка их становятся одним из приоритетных направлений в культурной политике республики. В Бурятии функционируют национально-культурные центры, возрождаются исконные промыслы и ремесла, создаются благоприятные условия для развития фольклора. В то же время нужно исходить из того, что воспитание, обучение в традициях своего народа не должны замыкаться в узконациональных рамках, а должно функционировать и развиваться в контексте российской и мировой культуры.

В современных условиях интерес к региональным, в том числе этническим культурам, из теоретического становится все более практическим, насущным, так как в изучении и сохранении народных традиций видится возможность решения многих глобальных проблем, выхода из кризисных ситуаций. Не случайно на страницах научных и популярных изданий, посвященных вопросу дальнейшего развития цивилизаций, поднимается вопрос о возрождении традиций, обращении к опыту предков как ответу на вопрос, на каких принципах строить взаимоотношения с природой и себе подобными.

В наши дни, когда усилились потребность и, естественно, интерес к национальным многовековым корням, к традициям и обычаям, составляющим наряду с родным языком ведущее содержание этнической культуры, очень важно владеть не только необходимыми знаниями, но и в повседневной жизни стараться грамотно соблюдать их. Прошлое окружает нас в большом и в малом. Память и знание прошлого делают мир человека интересным, заряжают душу и тело сакральной энергией. И потому мы обязаны не только знать свое прошлое, но и хранить, используя его во благо сегодняшнего дня.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М., 1982.
2. Бабуев С.Д. Үрээл тогтохо болтогой! – Улан-Удэ, 1990.
3. Бабуева В.Д. В ремесле поет душа народа // Байкал, 1996, №4.
4. Бабуева В.Д. О некоторых педагогических аспектах профессиональной подготовки в БРУКиИ // Музыкальный фольклор и духовная культура. – Улан-Удэ, 2000.
5. Бабуева В.Д., Бабуев С.Д. Сагаалган. / Журнал “Бурятия”. – Улан-Удэ, 1999.
6. Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят. – Новосибирск, 1997.
7. Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм. – Улан-Удэ, 1987.
8. Байминов Ш.Д. Түрын түүрэлгэ. – Улан-Удэ, 1989.
9. Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. – Улан-Удэ, 1959.
10. Балдаев С.П. Избранное. – Улан-Удэ, 1961.
11. Банзаров Д. Белый месяц – празднование нового года у монголов. // Сбор. соч., – М., 1955.
12. Баранникова Е.В. Символика белого цвета в бурятских волшебных сказках / / Филологические записки, труды БИОН. Вып. 19. – Улан-Удэ, 1973.
13. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. – Новосибирск, 1980.
14. Басаева К.Д. Традиционное бурятское жилище и его членение // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. – Улан-Удэ, 1984.
15. Батжаргал Б. Монгольский зурхай и его место в развитии математических знаний // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. – Улан-Батор, 1974.
16. Батуева И.Б., Зориктуев Б.Р. Скотоводство и скотоводческие традиции у бурят // Этническая история и культурно-бытовые традиции бурят. – Улан-Удэ, 1994.
17. Болсохоева Н.Д. Астрологические характеристики планет в связи с символикой числа семь. // Отражение символики традиционной культуры в искусстве народов Байкальского региона и Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2001.
18. Будаев Ц.Б. Адекватные пословицы и поговорки разных народов. – Улан-Удэ, 1962.
19. Бурятский бытовой орнамент. / Сост. Е.Б. Батоцыренова; Отв. ред. И.И. Соктоева. – Улан-Удэ, 1974.
20. Бурятский орнамент в творчестве Лубсана Доржиева. – Улан-Удэ, 1992.
21. Бурятский художественный металл. – Улан-Удэ, 1990.
22. Быт бурят в прошлом и настоящем. – Улан-Удэ, 1980.
23. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М., 1991.
24. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии / / СЭ, 1976, №4.

25. Васильева М.С. Этническая педагогика бурят. – Улан-Удэ, 1998.
26. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М., 1980.
27. Вяткина К.В. Культ коня у монгольских народов. // Сов. Этнография, 1968. №6.
28. Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. – Л., 1969.
29. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск, 1987.
30. Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки. – Новосибирск, 1992.
31. Галданова Г.Р. Культ огня у монголов // Исследования по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 6. – Улан-Удэ, 1976.
32. Галданова Г.Р. Сагаалган - древний народный праздник монголов и бурят // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии, Докл. и сообщ. всесоюз. научн. конф. Ч. 1. – М., 1983.
33. Галданова Г.Р., Герасимова К.М., Дашиев Д.Б. и др. – Ламаизм в Бурятии, XVIII – начало XX века. Структура и социальная роль культовой системы. – Новосибирск, 1983
34. Гальшиев Э.-Х. Зерцало мудрости. – Улан-Удэ, 1993.
35. Герасимова К.М., Галданова Г.Р., Очирова Г.Н. Традиционная культура бурят. – Улан-Удэ, 2000.
36. Гергесова Т.Е. Бурятские народные танцы. – Улан-Удэ, 2002.
37. Гунга Ж. В чем ценность конины? // Монголия. 1976, №2.
38. Гэсэр: Бурятский народный героический эпос // Пер. В. Солоухин: в 2-х т. – Улан-Удэ, 1986.
39. Даажав Б. Юрта - основа монгольского зодчества // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии, – Улан-Батор, 1974.
40. Дамбаев Г.Э. Из прошлого и настоящего баргузинских бурят. – Улан-Удэ, 1970.
41. Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят. – М., – Улан-Удэ, 2001.
42. Дугаров Д.-Н.С. Исторические корни белого шаманства. – М., 1991.
43. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. – М., 1977.
44. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М., 1988.
45. Жуковская Н.Л. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. – М., 1990.
46. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. – М., 2002.
47. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск, 1991.
48. Жаргалов Д. Ю. Сказания об облавных охотах – Улан-Удэ, 1991.
49. Зориктуев Б.Р. Современный быт бурятского села. – Новосибирск, 1982.
50. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник //Краткие сообщ. ин-та этнографии. 1952.

51. Историко-культурный атлас Бурятии. – М., 2001.
52. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. – М. Прогресс, 1995.
53. К возникновению бурятского танца. Б.-М. Правда, 1935. 9 апреля.
54. Кадры культуры и культура кадров // Межрегиональная научно-практическая конференция. – Иркутск, 2003.
55. Календарные обычаи и обряды у народов Восточной Азии. Новый год. – М., 1985.
56. Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. – Улан-Удэ, 1997.
57. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. – М. 1977.
58. Ковалевский А.Л. История серебра Бурятии и Сибири. // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центр. Азии. – Улан-Удэ, 2000.
59. Коновалов П.Б. Древнейшие этнокультурные связи народов Центральной Азии // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983.
60. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. // Тюркологический сборник. – М., 1978.
61. Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов. // Тюркологический сборник. – М., 1978.
62. Кочешков Н. В. Народное искусство монголов. – М. 1973.
63. Кочешков Н.В. “Декоративное искусство монголоязычных народов” XIX сер. XX вв. – М., 1979.
64. Культура и быт народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1965. – С. 152.
65. Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. – Улан-Удэ, 1965.
66. Линховоин Л.Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. – Улан-Удэ. 1972.
67. Линховоин Л.Л. Агын бурядуудай ёно заншал // Байгал, 1990. ¹ 8.
68. Лотман Ю.М. Феномен культуры // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1978.
69. Мадасон И.Н. Буряад арадай оньһон, хошоо үгэнүүд. (Бурятские пословицы и поговорки). – Улан-Удэ, 1960.
70. Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. – М., 1991.
71. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М., 1978.
72. Манжигеев И. А. Бурятский ехор. – Улан-Удэ, 1985.
73. Манибадар. Альбом “Монгольский народный орнамент”. – Улан-Батор.
74. Марков Г.Е. Кочевники Азии. – М., 1976.
75. Материальная культура и искусство народов Забайкалья. – Улан-Удэ, 1982.
76. Материальная культура. // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. – М., 1989.
77. Материалы исследования по Монголии. – Улан-Удэ, 1974

78. Матханова Э.И. Бытовые традиции в современных условиях. – Улан-Удэ: 1965.
79. Мельхеев М.Н. Топо-, этно- и антропонимические связи в ономастике. // Ономастика Бурятии, – Улан-Удэ, 1976.
80. Митиров А.Г. О цветовой семантике орнамента монгольских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. – Элиста. 1981.
81. Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии. – М., 1986. С. 216–229.
82. Михайлов В.А. Войлочная и деревянная юрты бурят. – Улан-Удэ, 1996.
83. Михайлов В.А. Числовая символика бурят и монголов // Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты (материалы Междунар. научн. симпоз., 20–26 июня, – Улан-Удэ, оз. Байкал) Улан-Удэ, 1996.
84. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск, 1987.
85. Михайлов Т.М. К вопросу о складывании этнического самосознания бурят // Цыбиковские чтения – 6: Проблемы истории и культуры монгольских народов. – Улан-Удэ, 1993.
86. Михайлов Т.М. Религии в этнической истории бурят (XVII – начало XX в.) // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. – Улан-Удэ, 1984.
87. Монгольский народный костюм. Альбом. – Улан-Батор.
88. Морохоева З.П. Личность в культурах Востока и Запада. – Новосибирск, 1994.
89. Мэрдыеев Р.С. Изделия из шерсти и волоса в Аларском аймаке // Бурятияеведение. – 1927. – №1.
90. Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск, Наука, 1988.
91. Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ, 2000.
92. Обучение воспитание детей в дошкольных учреждениях и начальной школе Бурятии. // Материалы республ. конф, посвященной 75-летию профессора С. Г. Дугарова. – 23–24 марта 1997 г. – Улан-Удэ, 2000.
93. Окладников А.П. История и культура Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976.
94. Очерки истории культуры бурят. Т. 1. – Улан-Удэ, 1972.
95. Пахутов А.Е. Традиционная пища монгольских народов как историко-этнографический источник. Автореф. канд. дис. – М., 1979.
96. Потанина А.В. Рассказы о бурятах. – М., 1912.
97. Потанина А.В. Рассказы о бурятах, их вере и обычаях. – М., 1905.
98. Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая. // Фольклор и этнография. – Л.; Наука, 1977.
99. Пюрвеев Д.Б. Архитектура Калмыкии. – М., 1975.
100. Пюрвеев Д.Б. Архитектура кочевой цивилизации. 1975.
101. Рабинович В.Л. Цвет в системе средневекового символизма. // Природа, 1976, №6.

102. Рассадин В. И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. – Улан-Удэ, 1984.
103. Ринчен Б. Символика монгольского орнамента // Ринчен Б. Из нашего культурного наследия. – Улан-Батор. 1958.
104. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962.
105. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология, – М., 2000.
106. Санданов Б.Д. Сурхарбан. – Улан-Удэ, 1964.
107. Санданов Б.Д. Эрын гурбан наадан (три игры мужей). – Улан-Удэ, 1993.
108. Санжеев Г.Д. Заметки по этнической истории бурят // Современность и традиционная культура народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1983.
109. Санжеев Г.Д. Тайлаган бурятских кузнецов. // Быт бурят в настоящем и прошлом. – Улан-Удэ, 1980.
110. Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1988.
111. Серов Н.В. Светоцветовая терапия. – СПб., 2001.
112. Серошевский В.Л. Якуты. – М., 1993.
113. Скрынникова Т.Д. Сурхарбан / Цыбиковские чтения: Проблемы истории и культуры монгольских народов. – Улан-Удэ: 1993.
114. Соктоева И.И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. – Новосибирск, 1988.
115. Соктоева И.И. Традиционное творчество и народные промыслы Бурятии. // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. – Улан-Удэ: 1999.
116. Ткачев В.Н. Цвет и пространство в монгольской архитектуре. // НАА, 1984. №3.
117. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. Т. 2.
118. Тугутов И.Е. Общественные игры бурят. – Улан-Удэ, 1991.
119. Тугутов И.Е. Материальная культура бурят. – Улан-Удэ, 1958.
120. Тумахани А.В. Бурятское народное искусство. – Улан-Удэ, 1970.
121. Тумунов Ж.Т. Очерки из истории агинских бурят. – Улан-Удэ, 1988.
122. Уланов А.И. Древний фольклор бурят. – Улан-Удэ, 1974.
123. Урбанаева И.С. Человек у Байкала и мир Центральной Азии: философия истории. – Улан-Удэ. 1995.
124. Фролов Б.А. К истокам первобытной астрономии. // Природа. 1977, №8.
125. Хангалов М.Н. Собрание сочинений в 3-х томах. – Улан-Удэ, 1958.
126. Хангалов М.Н. Национальный праздник у бурят // Собр. соч. Т. 1. – Улан-Удэ, 1958.
127. Хороших П.П. Материалы по орнаменту северных бурят. // Бурятоведческий сборник. 1927. Вып. 3–4.
128. Хрестоматия по истории Бурятии: Документы и материалы с древнейших времен до 1917 г. – Улан-Удэ, 1986.

129. Цултэм Н. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. – М., 1982.
130. Цыбиков Б.Ж. Цагаалган. // Этнографический сборник, – Улан-Удэ, 1961. Вып. 2.
131. Цыбиков Г.Ц. Культ огня у восточных бурят-монголов // Он же. Избранные труды, Т. 2, – Новосибирск, 1981.
132. Цыбиков Г.Ц. Сагаалган // Бурятияеведение. 1925.
133. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ, 1972.
134. Цыдендамбаев Ц.Б. Этническое прошлое закаменских бурят по данным их исторических легенд. // Краеведение Бурятии. – Улан-Удэ, 1979.
135. Цыдынжапов Г.Ц. Бурятская кухня. – Улан-Удэ, 1991.
136. Чимитдоржиев Ш.Б. Кто мы, бурят-монголы? – Улан-Удэ, 1991.
137. Шаргаев М.А. Культ природы. // Вестник РАТа Тур. 1. – М., 2002.
138. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии // Ответ. редактор Н.В. Абаев. – Новосибирск, 1992.
139. Эрдынеев М.Б., Соктоева И.И. Технология обработки металлов. // Художественная обработка металлов в Бурятии. – Улан-Удэ: 1974.
140. Эрендженов К.Э. Золотой родник. Калм. кн. изд-во, 1985.
141. Этническая психология (этнические традиции и образ жизни людей). – М., 1984.
142. Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984.
143. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. – М., 1981. С. 120–131.
144. Ядамжав Ц. Монгольский народный орнамент. – Улан-Батор: 1985.
145. Янгутова Е.Е. Женские украшения закаменских бурят // Этнография и фольклор монгольских народов. – Элиста, 1980.

Содержание

От автора	3
Введение	5
Глава 1. Символика в традиционной культуре бурят	11
Тема 1. Символика чисел	11
Тема 2. Символика цвета	18
Тема 3. Символика орнаментов	26
Глава 2. Материальная культура бурят	55
Тема 4. Дерево в культуре бурят	55
Тема 5. Пища как часть культуры народа	75
Тема 6. Бурятское жилище	96
Тема 7. Бурятский костюм	113
Тема 8. Украшения	136
Глава 3. Духовная культура бурят	155
Тема 9. Лошадь в традиционной культуре	155
Тема 10. Древние игры и танцы бурят	174
Тема 11. Обоо, тайлаган	191
Тема 12. Сурхарбан	197
Тема 13. Сагаалган	202
Тема 14. Бурятская свадьба	210
Заключение	217
Библиография	219

Для иллюстрации книги использованы:

Материалы из музеев Бурятии

Оформление обложки Бальжинимы Доржиева

стихи

Дамбы Жалсараева
Николая Дамдинова
Галины Базаржаповой
Баира Дугарова

фотографии

Юрия Зяблицева
Эрдэма Дагбаева
Сандуя Гармаева
Вячеслава Урбазаева

рисунки

студентов БРУКи И
из личного архива автора
Александра Чинбата

работы

Сосора и Михаила Санжиевых
Булата Жамбалова
Анатолия Цыденова

Учебное издание

Бабуева Валентина Дамдиновна

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БУРЯТ

Учебное пособие

Координаторы проекта

Д.С. Цыбенова, М.Х. Жапхандаев

Редактор Г.Х. Дашеева-Базаржапова

Макет и оформление У. Жалсанов

Корректор М. Д. Жигжитова

Подписано к печати 21.04.2004. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 5000 экз. Заказ 1807.

Центр сохранения и развития культурного наследия Бурятии
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ленина, 26, тел. (8 3012) 21 79 90

Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

